

А.ТВАРДОВСКИЙ

ВАСИЛИЙ
ТЕРКИН

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

А.ТВАРДОВСКИЙ

**ВАСИЛИЙ
ТЕРКИН**

КНИГА ПРО БОЙЦА

Издание подготовил
А. Л. ГРИШУНИН

Рисунки
О. Г. ВЕРЕЙСКОГО

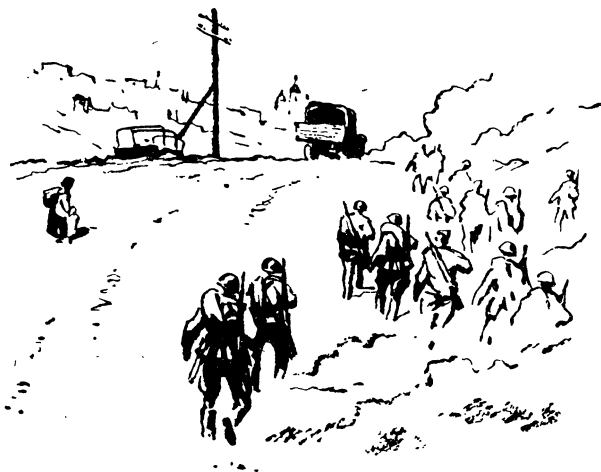
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1976

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

*М. П. Алексеев, Н. И. Балашов,
Д. Д. Благой, И. С. Брагинский,
А. Л. Гришунин, Л. А. Дмитриев, Б. Ф. Егоров,
Д. С. Лихачев (председатель), А. Д. Михайлов,
Д. В. Ознобишин (ученый секретарь),
Д. А. Ольдерогге, Ф. А. Петровский, Б. И. Пуришев,
А. М. Самсонов (заместитель председателя),
М. И. Стеблин-Каменский, Г. В. Степанов,
С. Л. Утченко*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

А. М. САМСОНОВ

ОТ АВТОРА

На войне, в пыли походной,
В летний зной и в холода,
Лучше нет простой, природной —
Из колодца, из пруда,
⁵ Из трубы водопроводной,
Из копытного следа,
Из реки, какой угодно,
Из ручья, из-подо льда,—
Лучше нет воды холодной,
¹⁰ Лишь вода была б — вода.
На войне, в быту суровом,
В трудной жизни боевой,
На снегу, под хвойным кровом,
На стойнке полевой,—

15 Лучше нет простой, здоровой,
Доброй пищи фронтовой.

Важно только, чтобы повар
Был бы повар — парень свой;
Чтобы числился недаром.

20 Чтоб подчас не спал ночей,—
Лишь была б она с наваром
Да была бы с пылу, с жару —
Подобрей, погорячей;
Чтоб идти в любую драку,

25 Силу чувствуя в плечах,
Бодрость чувствуя.
Однако
Дело тут не только в щах.

Жить без пищи можно сутки,
Можно больше, но порой

30 На войне одной минутки
Не прожить без прибаутки,
Шутки самой немудрой.

Не прожить, как без махорки,
От бомбежки до другой

35 Без хорошей поговорки
Или присказки какой,—

Без тебя, Василий Теркин,
Вася Теркин — мой герой.

А всего иного пуше

40 Не прожить наверняка —
Без чего? Без правды сушей.
Правды, прямо в душу бьющей,
Да была б она погуше,
Как бы ни была горьва.

⁴⁵ Что ж еще?.. И все, пожалуй,
Словом, книга про бойца
Без начала, без конца.

Почему так — без начала?
Потому, что сроку мало

⁵⁰ Начинать ее сначала.

Почему же без конца?
Просто жалко молодца.

С первых дней години горькой,
В тяжкий час земли родной

⁵⁵ Не шутя, Василий Теркин,
Подружились мы с тобой.

Я забыть того не вправе,
Чем твоей обязан славе,
Чем и где помог ты мне.

⁶⁰ Делу время, час забаве,
Дорог Теркин на войне.

Как же вдруг тебя покину?
Старой дружбы верев счет.

Словом, книгу с середины

⁶⁵ И начнем. А там пойдет.

НА ПРИВАЛЕ

— Дельный, что и говорить,
Был старик тот самый,
Что придумал суп варить
На колесах прямо.

⁵ Суп — во-первых. Во-вторых,
Кашу в норме прочной.
Нет, старик он был старик
Чуткий — это точно.

Слышь, подкинь еще одну
¹⁰ Ложечку такую,
Я вторую, брат, войну
На веку воюю.
Оцени, добавь чуток.

Покосился повар:
¹⁵ «Ничего себе едок —

Парень этот новый».
Ложку лишнюю кладет,
Молвит несердито:
— Вам бы, знаете, во флот
20 С вашим аппетитом.

Тот: — Спасибо. Я как раз
Не бывал во флоте.
Мне бы лучше, вроде вас,
Поваром в пехоте.—
25 И, усевшись под сосной,
Кашу ест, сутулясь.

«Свой?» — бойцы между собой,—
«Свой!» — переглянулись.

И уже, пригревшись, спал
30 Крепко полк усталый,
В первом взводе сон пропал,
Вопреки уставу.
Привалясь к стволу сосны,
Не щадя махорки,
35 На войне насчет войны
Вел беседу Теркин.

— Вам, ребята, с середины
Начинать. А я скажу:
Я не первые ботинки
40 Без починки здесь ношу.
Вот вы прибыли на место,
Ружья в руки — и воюй.
А кому из вас известно,
Что такое сабантуй?

48 — Сабантуй — какой-то праздник?
Или что там — сабантуй?

— Сабантуй бывает разный,
А не знаешь — не толкуй.
Вот под первую бомбежкой
50 Полежишь с охоты в лежку,
Жив остался — не горюй:
Это — малый сабантуй.

Отдышись, покушай плотно,
Закури и в ус не дуй.
55 Хуже, брат, как минометный
Вдруг начнется сабантуй.
Тот, проймет тебя поглубже, —
Землю-матушку целуй.
Но имей в виду, голубчик,
60 Это — средний сабантуй.

Сабантуй — тебе наука,
Враг лютует — сам лютуй,
Но совсем иная штука
Это — главный сабантуй.

65 Парень смолкнул на минуту,
Чтоб прочистить мундштучок,
Словно исподволь кому-то
Подмигнул: держись, дружок...

— Вот ты вышел спозаранку,
70 Глянул — в пот тебя и в дрожь:
Прут немецких тыща танков..
— Тыща танков? Ну, брат, врешь.

— А с чего мне врать, дружище?
Рассуди — какой расчет?

75 — Но зачем же сразу — тыща?

— Хорошо. Пускай пятьсот.

— Ну, пятьсот. Скажи по чести,
Не пугай, как старых баб.

— Ладно. Что там триста, двести —

80 Повстречай один хотя б...

— Что ж, в газетке лозунг точен:

Не беги в кусты да в хлеб.

Танк,— он с виду грозен очень,

А на деле глух и слеп.

85 — То-то слеп. Лежишь в канаве,

А на сердце маята:

Вдруг как сослепу задавит,—

Ведь не видит ни черта.

Повторить согласен снова:

90 Что не знаешь — не толкуй.

Сабантуй — одно лишь слово —

Сабантуй!.. Но сабантуй

Может в голову ударить,

Или попросту в башку.

95 Вот у нас один был парень...

Дайте, что ли, табачку.

Балагуру смотрят в рот,

Слово ловят жадно.

Хорошо, когда кто врет

100 Весело и складно.

В стороне лесной, глухой,

При лихой погоде,

Хорошо, как есть такой

Парень на походе.

¹⁰⁵ И несмело у него
Просят: — Ну-ка, на ночь
Расскажи еще чего,
Василий Иваныч...

Ночь глуха, земля сыра.
¹¹⁰ Чуть костер дымится.

— Нет, ребята, спать пора,
Начинай стелиться.

К рукаву припав лицом,
На пригретом взгорке
¹¹⁵ Меж товарищей-бойцов
Лег Василий Теркин.

Тяжела, мокра шинель,
Дождь работал добрый.
Крыша — небо, хата — ель.
¹²⁰ Корни жмут под ребра.

Но не видно, чтобы он
Удручен был этим,
Чтобы сон ему не в сон
Где-нибудь на свете.

¹²⁵ Вот он полы подтянул,
Укрывая спину,
Чью-то тещу помянул,
Печку и перину.

И приник к земле сырой,
¹³⁰ Одолен истомой,
И лежит он, мой герой,
Спит себе, как дома.

Спит — хоть голоден, хоть сыт,
Хоть один, хоть в куче.

¹³⁵ Спать за прежний недосып,
Спать в запас научен.

И едва ль герою снится
Всякой ночью тяжкий сон:
Как от западной границы

¹⁴⁰ Отступал к востоку он;

Как прошел он, Вася Теркин,
Из запаса рядовой,
В просоленной гимнастерке
Сотни верст земли родной.

¹⁴⁵ До чего земля большая,
Величайшая земля.
И была б она чужая,
Чья-нибудь, а то — своя.

Спит герой, храпит — и точка.

¹⁵⁰ Принимает все, как есть.
Ну, своя — так это ж точно.
Ну, война — так я же здесь.

Спит, забыв о трудном лете.
Сон, забота, не бунтуй.

¹⁵⁵ Может, завтра на рассвете
Будет новый сабантуй.

Спят бойцы, как сон застал,
Под сосною вбокат,
Часовые на постах

¹⁶⁰ Мокнут одиноко.

Зги не видно. Ночь вокруг.
И бойцу взгрустнется.
Только что-то вспомнит вдруг,
Вспомнит, усмехнется.

- 165 И так будто сон пропал,
Смех прогнал зевоту.

— Хорошо, что он попал,
Теркин, в нашу роту...

* * *

- Теркин — кто же он такой?
170 Скажем откровенно:
Просто парень сам собой
Он обыкновенный.

- Впрочем, парень хоть куда.
Парень в этом роде
175 В каждой роте есть всегда,
Да и в каждом взводе.

- И чтоб знали, чем силен,
Скажем откровенно:
Красотою наделен
180 Не был он отменной.

Не высок, не то чтоб мал,
Но герой — героем.
На Карельском воевал —
За рекой Сестрою.

- 185 И не знаем почему,—
Спрашивать не стали,—
Почему тогда ему
Не дали медали.

С этой темы повернем,
190 Скажем для порядка: .
Может, в списке наградном
Вышла опечатка.

Не гляди, что на груди,
А гляди, что впереди!

195 В строй с июня, в бой с июля,
Снова Теркин на войне.

— Видно, бомба или пуля
Не нашлась еще по мне.

Был в бою задет осколком,
200 Зажило — и столько толку.
Трижды был я окружен,
Трижды — вот он! — вышел воп.

И хоть было беспокойно —
Оставался невредим
205 Под огнем косым, трехслойным,
Под навесным и прямым.

И не раз в пути привычном,
У дорог, в пыли колонн,
Был рассеян я частично,
210 А частично истреблен...

Но, однако,
Жив вояка,
К кухне — с места, с места — в бой.
Курит, ест и пьет со вкусом
На позиции любой.

²¹⁵ Как ни трудно, как ни худо —
Не сдавай, вперед гляди.

Это присказка покуда,
Сказка будет впереди.

ПЕРЕД БОЕМ

— Доложу хотя бы вкратце,
Как пришлось нам в счет войны
С тыла к фронту пробираться
С той, с немецкой стороны.

⁵ Как с немецкой, с той зарецкой
Стороны, как говорят,
Вслед за властью за советской,
Вслед за фронтом шел наш брат.

Шел наш брат, худой, голодный,
¹⁰ Потерявший связь и часть,
Шел поротно и повзводно,
И компанией свободной,
И один, как перст, подчас.

Поле шел, лесною кромкой,
15 Избегая лишних глаз,
Подходил к селу в потемках,
И служил ему котомкой
Боевой противогаз.

Шел он, серый, бородатый,
20 И, цепляясь за порог,
Заходил в любую хату,
Словно чем-то виноватый
Перед ней. А что он мог!

И по горькой той привычке,
25 Как в пути велела честь,
Он просил сперва водички,
А потом просил поесть.

Тетка — где ж она откажет?
Хоть какой, а все ж ты свой.
30 Ничего тебе не скажет,
Только всхлипнет над тобой,
Только молвит, провожая:
— Воротиться дай вам бог...

То была печаль большая,
35 Как брели мы на восток.

Шли худые, шли босые
В неизвестные края.
Что там, где она, Россия,
По какой рубеж своя!

40 Шли, однако. Шел и я...

Я дорогою постылой
Пробирался не один.
Человек нас десять было,
Был у нас и командир.

⁴⁵ Из бойцов. Мужчина дельный,
Местность эту знал вокруг.
Я ж, как более идейный,
Был там как бы политрук.

Шли бойцы за нами следом,
⁵⁰ Покидая пленный край.
Я одну политбеседу
Повторял:
— Не унывай.

Не зарвемся, так прорвемся,
Будем живы — не помрем.
⁵⁵ Срок придет, назад вернемся,
Что отдали — все вернем.

Самого б меня спросили,
Ровно столько знал и я,
Что там, где она, Россия,
⁶⁰ По какой рубеж своя?

Командир шагал угрюмо,
Тоже, исподволь смотрю,
Что-то он все думал, думал...
— Брось ты думать,— говорю.

⁶⁵ Говорю ему душевно.
Он в ответ и молвит вдруг:
— По пути моя деревня.
Как ты мыслишь, политрук?

Что ответить? Как я мыслю?

- ⁷⁰ Вижу, парень прячет взгляд,
Сам поник, усы обвисли.
Ну, а чем он виноват,
Что деревня по дороге,
Что душа заныла в нем?
- ⁷⁵ Тут какой бы ни был строгий,
А сказал бы ты: «Зайдем...»

Встрепенулся ясный сокол,
Бросил думать, начал петь.
Впереди идет далеко,

- ⁸⁰ Оторвался — не поспеть.

А пришли туда мы поздно,
И задами, коноплей,
Осторожный и серьезный,
Вел он всех к себе домой.

- ⁸⁵ Вот как было с нашим братом,
Что попал домой с войны:
Заходи в родную хату,
Пробираясь вдоль стены.

Знай вперед, что толку мало

- ⁹⁰ От родимого угла,
Что война и тут ступала,
Впереди тебя прошла,
Что тебе своей побывкой
Не порадовать жену:
- ⁹⁵ Забежал, поспал урывком,
Догоняй опять войну...

Вот хозяин сел, разулся,
Руку правую — на стол,
Будто с мельницы вернулся,
¹⁰⁰ С поля к ужину пришел.
Будто так, а все иначе...

— Ну, жена, топи-ка печь,
Всем довольствием горячим
Мне команду обеспечить.

¹⁰⁵ Дети спят. Жена хлопочет
В горький, грустный праздник свой,
Как ни мало этой ночи,
А и та — не ей одной.

Расторопными руками
¹¹⁰ Жарит, варит поскорей,
Полотенца с петухами
Достает, как для гостей.

Напоила, накормила,
Уложила на покой,
¹¹⁵ Да с такой заботой милой,
С доброй ласкою такой,
Словно мы иной порою
Завернули в этот дом,
Словно были мы герои,
¹²⁰ И немалые притом.

Сам хозяин, старший воин,
Что сидел среди гостей,
Вряд ли был когда доволен
Так хозяйкою своей.

125 Вряд ли всей она ухваткой
Хоть когда-нибудь была,
Как при этой встрече краткой,
Так родна и так мила.

И болел он, парень честный,
130 Понимал, отец семьи,
На кого в плену безвестном
Покидал жену с детьми...

Кончив сборы, разговоры,
Улеглись бойцы в дому.
135 Лег хозяин. Но не скоро
Подошла она к нему.

Тихо звякала посудой,
Что-то шила при огне.
А хозяин ждет оттуда,
140 Из угла.

Неловко мне.

Все товарищи уснули,
А меня не гнет ко сну.
Дай-ка лучше в карауле
На крылечке прикорну.

145 Взял шинель да, по присловью,
Смастерил себе постель,
Что под низ, и в изголовье,
И наверх, — и все — шинель.

Эх, суконная, казенная,
140 Военная шинель, —
У костра в лесу прожженная,
Отменная шинель.

Знаменитая, пробитая
В бою огнем врага
155 Да своей рукой зашита,—
Кому не дорога!

Упадешь ли, как подкошенный,
Пораненный наш брат,
На шинели той поношенной
160 Снесут тебя в санбат.

А убьют — так тело мертвое
Твое с другими в ряд
Той шинелкою потертою
Укроют — спи, солдат!

165 Спи, солдат, при жизни краткой
Ни в дороге, ни в дому
Не пришлось поспать порядком
Ни с женой, ни одному...

На крыльцо хозяин вышел.
170 Той мне ночи не забыть.

— Ты чего?
— А я дровишек
Для хозяйки нарубить.

Вот не спится человеку,
Словно дома — на войне.
175 Зашагал на дровосеку,
Рубит хворост при луне.

Тюк да тюк. До света рубит.
Коротка солдагу ночь.

Знать, жену жалеет, любит,
180 Да не знает, чем помочь.

Рубит, рубит. На рассвете
Покидает дом боец.

А под свет проснулись дети,
Поглядят — пришел отец.
185 Поглядят — бойцы чужие,
Ружья разные, ремни.
И ребята, как большие,
Словно поняли они.

И заплакали ребята.
190 И подумать было тут:
Может, нынче в эту хату
Немцы с ружьями войдут...

И доньше плач тот детский
В ранний час лихого дня
195 С той немецкой, с той зарецкой
Стороны зовет меня.

Я б мечтал не ради славы
Перед утром боевым,
Я б желал на берег правый,
200 Бой пройдя, вступить живым.

И скажу я без утайки,
Приведись мне там идти,
Я хотел бы к той хозяйке
Постучаться по пути.

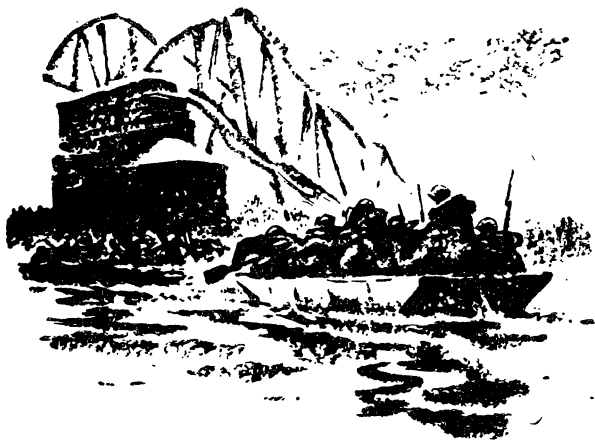
205 Попросить воды напиться —
Не затем, чтоб сесть за стол,
А затем, чтоб поклониться
Доброй женщине простой.

Про хозяина ли спросит,—
210 «Полагаю — жив, здоров».
Взять топор, шинелку сбросить,
Нарубить хозяйке дров.

Потому — хозяин-барин
Ничего нам не сказал.
215 Может, нынче землю парит,
За которую стоял...

Впрочем, что там думать, братцы,
Надо немца бить спешить.
Вот и все, что Теркин вкратце
220 Вам имеет доложить.

ПЕРЕПРАВА

Переправа, переправа!
Берег левый, берег правый,
Снег шершавый, кромка льда...

Кому память, кому слава,
⁵ Кому темная вода,—
Ни приметы, ни следа.

Ночью, первым из колонны,
Обломав у края лед,
Погрузился на понтоны
¹⁰ Первый взвод.
Погрузился, оттолкнулся
И пошел. Второй за ним.
Приготовился, пригнулся
Третий следом за вторым.

15 Как плоты, пошли понтоны,
Громыкнул один, другой
Басовым, железным тоном,
Точно крыша под ногой.

И плывут бойцы куда-то,
20 Притаив штыки в тени.
И совсем свои ребята
Сразу — будто не они,

Сразу будто не похожи
На своих, на тех ребят:
25 Как-то все дружнее и строже,
Как-то все тебе дороже
И родней, чем час назад.

Поглядеть — и впрямь — ребята!
Как, по правде, желторот,
30 Холостой ли он, женатый,
Этот стриженный народ.

Но уже идут ребята,
На войне живут бойцы,
Как когда-нибудь в двадцатом
35 Их товарищи — отцы.

Тем путем идут суровым,
Что и двести лет назад
Проходил с ружьем кремневым
Русский труженик-солдат.

40 Мимо их висков вихрастых,
Возле их мальчишских глаз
Смерть в бою свистела часто
И минет ли в этот раз?

- Налегли, гребут, потея,
45 Управляются с шестом.
А вода ревет правее —
Под подорванным мостом.
Вот уже на середине
Их относит и кружит...
- 50 А вода ревет в теснине,
Жухлый лед в куски крошит,
Меж погнутых балок фермы
Бьется в пене и в пыли...
- А уж первый взвод, наверно,
55 Достает шестом земли.
- Позади шумит протока,
И кругом — чужая ночь.
И уже он так далеко,
Что ни крикнуть, ни помочь.
- 60 И чернеет там зубчатый,
За холодной чертой,
Неподступный, непочатый
Лес над черною водой.
- Переправа, переправа!
65 Берег правый, как стена...
- Этой ночи след кровавый
В море вынесла волна.
- Было так: из тьмы глубокой,
Огненный взметнув клинок,
70 Луч прожектора протоку
Пересек наискосок.

И столбом поставил воду
Вдруг снаряд. Понтоны — в ряд.
Густо было там народу —
75 Наших стриженных ребят...

И увиделось впервые,
Не забудется оно:
Люди теплые, живые
Шли на дно, на дно, на дно...

80 Под огнем неразбериха —
Где свои, где кто, где связь?

Только вскоре стало тихо,—
Переправа сорвалась.

И покамест неизвестно,
85 Кто там робкий, кто герой,
Кто там парень расчудесный,
А наверно, был такой.

Переправа, переправа...
Темень, холод. Ночь как год.

90 Но вцепился в берег правый,
Там остался первый взвод.

И о нем молчат ребята
В боевом родном кругу,
Словно чем-то виноваты,
95 Кто на левом берегу.

Не видать конца ночлегу.
За ночь грудую взялась
Пополам со льдом и снегом
Перемешанная грязь.

¹⁰⁰ И усталая с похода,
Что б там ни было,— жива,
Дремлет, скорчившись, пехота,
Сунув руки в рукава.

Дремлет, скорчившись, пехота,
¹⁰⁵ И в лесу, в ночи глухой
Сапогами пахнет, пóтом,
Мерзлой хвоей и махрой.

Чутко дышит берег этот
Вместе с теми, что на том
¹¹⁰ Под обрывом ждут рассвета,
Греют землю животом,—
Ждут рассвета, ждут подмоги,
Духом падать не хотят.

Ночь проходит, нет дороги
¹¹⁵ Ни вперед и ни назад...

А быть может, там с полночи
Порошит снежок им в очи,
И уже давно
Он не тает в их глазницах
¹²⁰ И пылью лежит на лицах —
Мертвым все равно.

Стужи, холода не слышат,
Смерть за смертью не страшна,
Хоть еще паек им пишет
¹²⁵ Первой роты старшина.

Старшина паек им пишет,
А по почте полевой
Не быстрее идут, не тише
Письма старые домой,

130 Что еще ребята сами
На привале при огне
Где-нибудь в лесу писали
Друг у друга на спине...

Из Рязани, из Казани,
135 Из Сибири, из Москвы —
Спят бойцы.
Свое сказали
И уже навеки правы.

И тверда, как камень, гряда,
Где застыли их следы...

140 Может — так, а может — чудо?
Хоть бы знак какой оттуда,
И беда б за полбеды.

Долги ночи, жестки зори
В ноябре — к зиме седой.

145 Два бойца сидят в дозоре
Над холодной водой.

То ли снится, то ли мнится,
Показалось что невесть,
То ли иней на ресницах,

150 То ли вправду что-то есть?

Видят — маленькая точка
Показалась вдалеке:
То ли чурка, то ли бочка
Проплывает по реке?

- 155 — Нет, не чурка и не бочка —
Просто глазу маята.
— Не пловец ли одиночка?
— Шутишь, брат. Вода не та!
— Да, вода... Помыслить страшно.
160 Даже рыбам холодна.
— Не из наших ли вчерашних
Поднялся какой со дна?..

- Оба разом присмирели.
И сказал один боец:
165 — Нет, он выплыл бы в шинели,
С полной выкладкой, мертвец.

Оба здорово продрогли,
Как бы ни было,— впервой.

- Подошел сержант с биноклем.
170 Присмотрелся: нет, живой.
— Нет, живой. Без гимнастерки.
— А не фриц? Не к нам ли в тыл?
— Нет. А может, это Теркин? —
Кто-то робко пошутил.

- 175 — Стой, ребята, не соваться,
Толку нет спускать понтон.
— Разрешите попытаться?
— Что пытаться!
— Братцы,— он!

- И, у заберегов корку
180 Ледяную обломав,
Он как он, Василий Теркин,
Встал живой,— добрался вплавь.

А. Т. Твардовский

Портрет работы художника О. Г. Верейского
(1943)

Гладкий, голый, как из бани,
Встал шатаясь тяжело.
185 Ни зубами, ни губами
Не работает — свело.

Подхватили, обвязали,
Дали валенки с ноги.
Пригрозили, приказали —
190 Можешь, нет ли, а беги.

Под горой, в штабной избушке,
Парня тотчас на кровать
Положили для просушки,
Стали спиртом растирать.

195 Растирали, растирали...
Вдруг он молвит, как во сне:
— Доктор, доктор, а нельзя ли
Изнутри прогреться мне,
Чтоб не все на кожу тратить?

200 Дали стопку — начал жить,
Приподнялся на кровати:
— Разрешите доложить...
Взвод на правом берегу
Жив-здоров назло врагу!
205 Лейтенант всего лишь просит
Огоньку туда подбросить.
А уж следом за огнем
Встанем, ноги разомнем.
Что там есть, перекалечим,
210 Переправу обеспечим...

Доложил по форме, словно
Тотчас плыть ему назад.

— Молодец,— сказал полковник.—
Молодец! Спасибо, брат.

²¹⁵ И с улыбкою неробкой
Говорит тогда боец:
— А еще нельзя ли стопку,
Потому как молодец?

Посмотрел полковник строго,
²²⁰ Покопился на бойца.
— Молодец, а будет много —
Сразу две.
— Так два ж конца...

Переправа, переправа!
Пушки бьют в кромешной мгле.

²²⁵ Бой идет святой и правый.
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

О ВОЙНЕ

Разрешите доложить
Коротко и просто:
Я большой охотник жить
Лет до девяноста.

⁵ А война — про все забудь
И пенять не вправе.
Собирался в дальний путь,
Дан приказ: «Отставить!»

Грянул год, пришел черед,
¹⁰ Пынче мы в ответе
За Россию, за парод
И за все на свете.

От Ивана до Фомы,
Мертвые ль, живые,
15 Все мы вместе — это мы,
Тот народ, Россия.

И поскольку это мы,
То скажу вам, братцы,
Нам из этой кутерьмы
20 Некуда податься.

Тут не скажешь: я — не я,
Ничего не знаю,
Не докажешь, что твоя
Нынче хата с краю.

25 Не велик тебе расчет
Думать в одиночку.
Бомба — дура. Попадет
Сдуру прямо в точку.

На войне себя забудь,
30 Помни честь, однако,
Рвись до дела — грудь на грудь,
Драка — значит, драка.

И признать не премину,
Дам свою оценку,
35 Тут не то, что в старину,—
Стенкою на стенку.

Тут не то, что на кулак:
Поглядим, чей дюже,—
Я сказал бы даже так:
40 Тут гораздо хуже...

Ну, да что о том судить,—
Ясно все до точки.

Надо, братцы, немца бить,
Не давать отсрочки.

⁴⁵ Раз война — про все забудь
И пенять не вправе,
Собирался в долгий путь,
Дан приказ: «Отставить!»

Сколько жил — на том конец,
⁵⁰ От хлопот свободен.
И тогда ты — тот боец,
Что для боя годен.

И пойдешь в огонь любой,
Выполнишь задачу.

⁵⁵ И глядишь — еще живой
Будешь сам в придачу.

А застигнет смертный час,
Значит, номер вышел.
В рифму что-нибудь про нас

⁶⁰ После нас напишут.

Пусть приврут хоть во сто крат,
Мы к тому готовы,
Лишь бы дети, говорят,
Были бы здоровы...

ТЕРКИН РАНЕН

На могилы, рвы, канавы,
На клубки колючки ржавой,
На поля, холмы — дырявой,
Изувеченной земли,
⁵ На болотный лес корявый,
На кусты — снега легли.

И густой поземкой белой
Ветер поле заволок.
Вьюга в трубах обгорелых
¹⁰ Загудела у дорог.

И в снегах непроходимых
Эти мирные края

В эту памятную зиму
Орудийным пахли дымом,
15 Не людским дымком жилья.

И в лесах, на мерзлой груди,
По землянкам без огней,
Возле танков и орудий
И простуженных коней
20 На войне встречали люди
Долгий счет ночей и дней.

И лихой, нещадной стужи
Не бранили, как ни зла:
Лишь бы немцу было хуже,
25 О себе ли речь там шла!

И желал наш добрый парень:
Пусть померзнет немец-барин,
Немец-барин не привык,
Русский стерпит — он мужик.

30 Шумным хлопом рукавичным,
Топотней по целине
Спозаранку день обычный
Начинался на войне.

Чуть видся дымок несмелый,
35 Оживал костер с трудом,
В закоптелый бак гремела
Из ведра вода со льдом.

Утомленные ночлегом,
Шли бойцы из всех берлог
40 Греться бегом, мыться снегом,
Снегом жестким, как песок.

А потом — гуськом по стежке,
Соблюдая свой черед,
Котелки забрав и ложки,
45 К кухням шел за взводом взвод.

Суп досыта, чай до пота,—
Жизнь как жизнь.
И опять война — работа:
— Становись!

* * *

50 Вслед за ротой на опушку
Теркин движется с катушкой,
Разворачивает снасть,—
Приказали делать связь.

Рота головы пригнула.
55 Снег чернеет от огня.
Теркин крутит: — Тула, Тула!
Тула, слышишь ты меня?

Подмигнув бойцам украдкой:
Мол, у нас да не пойдет,—
60 Дунул в трубку для порядку,
Командиру подает.

Командиру все в привычку,—
Голос в горсточку, как спичку,
Трубку книзу, лег бочком,
85 Чтоб поземкой не задуло.
Все в порядке.
— Тула, Тула,
Помогите огоньком...

Не расскажешь, не опишешь,
Что́ за жизнь, когда в бою
70 За чужим огнем расслышишь
Артиллерию свою.

Воздух круто завивая,
С недалекой огневой
Ахнет, ахнет полковая,
75 Запоет над головой.

А с позиций отдаленных,
Сразу будто бы не в лад,
Ухнет вдруг дивизионной
Доброй матушки снаряд.

80 И пойдет, пойдет на славу,
Как из горна, жаром дуть,
С воем, с визгом шепелявым
Расчищать пехоте путь,
Бить, ломать и жечь в окружку.

85 Деревушка? — Деревушку.
Дом — так дом. Блиндаж — блиндаж.
Врешь, не высидишь — отдашь!

А еще остался кто там,
Запорошенный песком?
90 Погоди, встает пехота,
Дай достать тебя штыком.

Вслед за ротою стрелковой
Теркин дальше тянет провод.
Взвод — за валом огневым,
95 Теркин с ходу — вслед за взводом,
Топит провод, точно в воду,
Жив-здоров и невредим.

Вдруг из кустиков корявых,
Взрытых, впаханных кругом,—
¹⁰⁰ Чох! — снаряд за вспышкой ржавой.
Теркин тотчас в снег — ничком.

Вдался вглубь, лежит — не дышит,
Сам не знает: жив, убит?
Всей спиной, всей кожей слышит,
¹⁰⁵ Как снаряд в снегу шипит...

Хвост овечий — сердце бьется.
Расстается с телом дух.
«Что ж он, черт, лежит — не рвется,
Ждать мне больше недосуг».

¹¹⁰ Приподнялся — глянул косо.
Он почти у самых ног —
Гладкий, круглый, тупоносый,
И над ним — сырой дымок.
Сколько б душ рванул на выброс
¹¹⁵ Вот такой дурак слепой
Неизвестного калибра —
С поросенка на убой.

Оглянулся воровато,
Подивился — смех и грех:
¹²⁰ Все кругом лежат ребята,
Закопавшись носом в снег.

Теркин встал, такой ли ухарь,
Отряхнулся, принял вид.
— Хватит, хлопцы, землю нюхать,
¹²⁵ Не годится,— говорит.

Сам стоит с воронкой рядом
И у хлопцев на виду,
Обратясь к тому снаряду,
Справил малую нужду...

130 Видит Теркин погребушку —
Не оттуда ль пушка бьет?
Передал бойцам катушку:
— Вы — вперед. А я — в обход.

С ходу двинул в дверь гранатой,
135 Спрыгнул вниз, пропал в дыму.
— Офицеры и солдаты,
Выходи по одному!..

Тишина. Полоска света.
Что там дальше — поглядим.
140 Никого, похоже, нету.
Никого. И я один.

Гул разрывов, словно в бочке,
Отдается в глубине.
Дело дрянь: другие точки
145 Бьют по занятой. По мне.

Бьют неплохо, спору нету.
Добрым словом помяни
Хоть за то, что погреб этот
Прочно сделали *они*.

150 Прочно сделали, надежно —
Тут не то что воевать,
Тут, ребята, чай пить можно,
Стенгазету выпускать.

Осмотрелся, точно в хате:
155 Печка теплая в углу,
Вдоль стены идут полаты,
Банки, склянки на полу.

Непривычный, непохожий
Дух обжитого жилья:
160 Табаку, одежды, кожи
И солдатского белья.

Снова сунутся? Ну что же,
В обороне нынче — я...
На прицеле вход и выход,
165 Две гранаты под рукой.

Смолк огонь. И стало тихо.
И идут — один, другой...

Теркин, стой. Дыши ровнее.
Теркин, ближе подпусти.
170 Теркин, целься. Бей вернее,
Теркин. Сердце, не части.

Рассказать бы вам, ребята,
Хоть не верь глазам своим,
Как немецкого солдата
175 В двух шагах видал живым.

Подходил он в чем-то белом,
Наклонившись от огня,
И как будто дело делал:
Шел ко мне — убить меня.
180 В этот ровик, точно с печки,
Стал спускаться на заду...

Теркин, друг, не дай осечки.
Пропадешь,— имей в виду.

За секунду до разрыва,
185 Знать, хотел подать пример:
Прямо в ровик спрыгнул живо
В полущубке офицер.

И поднялся незадетый,
Цельный. Ждем за косяком.
190 Офицер — из пистолета,
Теркин — в мягкое — штыком.

Сам присел, присел тихонько.
Повело его легонько.
Тронул правое плечо.
195 Ранен. Мокро. Горячо.

И рукой коснулся пола:
Кровь,— чужая иль своя?

Тут как даст вблизи тяжелый,
Аж подвинулась земля!

200 Вслед за ним другой ударил,
И темнее стало вдруг.

«Это — наши,— понял парень,—
Наши бьют,— теперь каюк».

Оглушенный тяжким гулом,
205 Теркин никнет головой.
Тула, Тула, что ж ты, Тула,
Тут же свой боец живой.

Он сидит — за стенкой дзота,
Кровь течет, рукав набряк.
210 Тула, Тула, неохота
Помирать ему вот так.

На полу в холодной яме
Неохота нипочем
Гибнуть с мокрыми ногами,
215 Со своим больным плечом.

Жалко жизни той, приманки,
Малость хочется пожить,
Хоть погреться на лежанке,
Хоть портянки просушить...
220 Теркин сник. Тоска согнула.
Тула, Тула... Что ж ты, Тула?
Тула, Тула. Это ж я...
Тула... Родина моя!..

* * *

А тем часом издалека,
225 Глухо, как из-под земли,
Ровный, дружный, тяжкий рокот
Надвигался, рос. С востока
Танки шли.

Низкогрудый, плоскодонный,
230 Отягченный сам собой,
С пушкой, в душу наведенной,
Страшен танк, идущий в бой.

А за грохотом и громом,
За броней стальной сидят,

235 По местам сидят, как дома,
Трое-четверо знакомых
Наших стриженных ребят.

И пускай в бою впервые,
Но ребята — свет пройди.

240 Ловят в щели смотровые
Кромку поля впереди.

Видят — вздыбился разбитый,
Развороченный накат.
Крепко бито. Цель накрыта.

245 Ну, а вдруг как там сидят!

Может быть, притих до срока
У орудия расчет?
Развернись машина боком —
Бронебойным припечет.

250 Или немец с автоматом,
Лезть наружу не дурак,
Там следит за нашим братом,
Выжидает. Как не так.

Двое вслед за командиром

255 Вниз — с гранатой — вдоль стены.
Тишина. Углы темны...

— Хлопцы, занята квартира,—
Слышат вдруг из глубины.

Не обман, не вражьи шутки,

260 Голос 'вправдашный, родной:
— Пособите. Вот уж сутки
Точка данная за мной...

В темноте, в углу каморки,
На полу боец в крови.
265 Кто такой? Но смолкнул Теркин,
Как там хочешь, так зови.

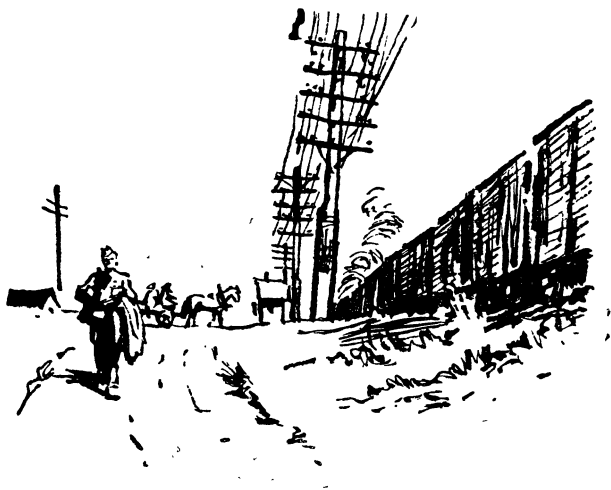
Он лежит с лицом землистым,
Не моргнет, хоть глаз коли.
В самый срок его танкисты
270 Подобрали, повезли.

Шла машина в снежной дымке,
Ехал Теркин без дорог.
И держал его в обнимку
Хлопец — башенный стрелок.

275 Укрывал своей одежей,
Грел дыханьем. Не беда,
Что в глаза его, быть может,
Не увидит никогда...

Свет пройди,— нигде не сыщешь,
280 Не случилось видеть мне
Дружбы той святей и чище,
Что бывает на войне.

О НАГРАДЕ

— Нет, ребята, я не гордый.
Не загадывая вдаль,
Так скажу: зачем мне орден?
Я согласен на медаль.

⁵ На медаль. И то не к спеху.
Вот закончили б войну,
Вот бы в отпуск я приехал
На родную сторону.

Буду ль жив еще? — Едва ли.
¹⁰ Тут войой, а не гадай.
Но скажу насчет медали:
Мне ее тогда подай.

Обеспечь, раз я достоин.
И понять вы все должны:
15 Дело самое простое —
Человек пришел с войны.

Вот пришел я с полустанка
В свой родимый сельсовет.
Я пришел, а тут гулянка.
20 Нет гулянки? Ладно, нет.

Я в другой колхоз и в третий —
Вся округа на виду.
Где-нибудь я в сельсовете
На гулянку попаду.

25 И, явившись на вечерку,
Хоть не гордый человек,
Я б не стал курить махорку,
А достал бы я «Казбек».

И сидел бы я, ребята,
30 Там как раз, друзья мои,
Где мальцом под лавку прятал
Ноги босые свои.

И дымил бы папиросой,
Угощал бы всех вокруг.
35 И на всякие вопросы
Отвечал бы я не вдруг.

— Как, мол, что? — Бывало всяко.
— Трудно все же? — Как когда.
— Много раз ходил в атаку?
40 — Да случалось иногда.

И девчонки на вечерке
Позабыли б всех ребят,
Только слушали б девчонки,
Как ремни на мне скрипят.

45 И шутил бы я со всеми,
И была б меж них одна...
И медаль на это время
Мне, друзья, вот так нужна!

Ждет девчонка, хоть не мучай,
50 Слова, взгляда твоего...

— Но, позволь, на этот случай
Орден тоже ничего?
Вот сидишь ты на вечерке,
И девчонка — самый цвет.

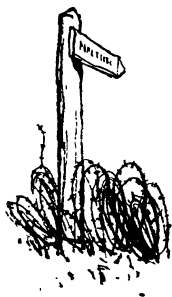
55 — Нет,— сказал Василий Теркин
И вздохнул. И снова: — Нет.
Нет, ребята. Что там орден,
Не загадывая вдаль,
Я ж сказал, что я не гордый,
60 Я согласен на медаль.

* * *

Теркин, Теркин, добрый малый,
Что тут смех, а что печаль.
Загадал ты, друг, немало,
Загадал далеко вдаль.

65 Были листья, стали почки,
Почки стали вновь листвою.
А не носит писем почта
В край родной смоленский твой.

- Где девчонки, где вечерки?
70 Где родимый сельсовет?
Знаешь сам, Василий Теркин,
Что туда дороги нет.
Нет дороги, нету права
Побывать в родном селе.
- 75 Страшный бой идет, кровавый,
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

ГАРМОНЬ

По дороге прифронтбвой,
Запоясан, как в строю,
Шел боец в шинели новой,
Догонял свой полк стрелковый,
⁵ Роту первую свою.

Шел легко и даже браво
По причине по такой,
Что махал своею правой,
Как и левою рукой.

¹⁰ Отлежался. Да к тому же
Щелкал по лесу мороз,
Защемлял в пути все туже,
Подгонял, под мышки нес.

Вдруг — сигнал за поворотом,
15 Дверцу выбросил шофер,
Тормозит:
— Садись, пехота,
Щеки снегом бы натер.

Далеко ль?
— На фронт обратно.
Руку вылечил.
— Понятно.
20 Не герой?
— Покамест нет.
— Доставай тогда кiset.

Курят, едут. Гроб — дорога.
Меж сугробами — туннель.
Чуть ли что, свернешь немного,
25 Как свернул — снимай шинель.

— Хорошо — как есть лопата.
— Хорошо, а то беда.
— Хорошо — свои ребята.
— Хорошо, да как когда.

30 Грузовик гремит трехтонный,
Вдруг колонна впереди.
Будь ты пеший или конный,
А с машиной — стой и жди.

С толком пользуйся стоянкой.
35 Разговор — не разговор.
Наклонился над баранкой,—
Смолк шофер,
Заснул шофер.

- Сколько суток полусонных,
Сколько верст в пурге слепой
40 На дорогах занесенных
Он оставил за собой...
- От глухой лесной опушки
До невидимой реки —
Встали танки, кухни, пушки,
45 Тягачи, грузовики,
Легковые — криво, косо,
В ряд, не в ряд, вперед-назад,
Гусеницы и колеса
На снегу еще визжат.
- 50 На просторе ветер резок,
Зол мороз вблизи железа,
Дует в душу, входит в грудь —
Не дотронься как-нибудь.
- Вот беда: во всей колонне
35 Завалившей нет гармонии,
А мороз — ни стать, ни сесть...
- Снял перчатки, трет ладони,
Слышит вдруг:
— Гармонь-то есть.
- Уминая снег зернистый,
60 Впеременку — пляс не пляс —
Возле танка два танкиста
Греют ноги про запас.
- У кого гармонь, ребята?
— Да она-то здесь, браток... —
65 Оглянулся виновато
На водителя стрелок.

— Так сыграть бы на дорожку?

— Да сыграть — оно не вред.

— В чем же дело? Чья гармошка?

⁷⁰ — Чья была, того, брат, нет...

И сказал уже водитель

Вместо друга своего:

— Командир наш был любитель...

Схоронили мы его.

⁷⁵ — Так... — С неловкою улыбкой

Поглядел боец вокруг,

Словно он кого ошибкой,

Нехотя обидел вдруг.

Поясняет осторожно,

⁸⁰ Чтоб на том покончить речь:

— Я считал, сыграть-то можно,

Думал, что ж ее беречь.

А стрелок:

— Вот в этой башне

Он сидел в бою вчерашнем...

Трое — были мы друзья.

⁸⁵ — Да нельзя так уж нельзя.

Я ведь сам понять умею,

Я вторую, брат, войну...

И ранение имею,

И контузию одну.

⁹⁰ И опять же — посудите —

Может, завтра — с места в бой...

— Знаешь что, — сказал водитель, —

Ну, сыграй ты, шут с тобой.

Только взял боец трехрядку,
95 Сразу видно — гармонист.
Для начала, для порядку
Кинул пальцы сверху вниз.

Позабывтый деревенский
Вдруг завел, глаза закрыв,
100 Стороны родной смоленской
Грустный памятный мотив.

И от той гармошки старой,
Что осталась сиротой,
Как-то вдруг теплее стало
105 На дороге фронтовой.

От машин заиндевелых
Шел народ, как на огонь.
И кому какое дело,
Кто играет, чья гармонь.

110 Только двое тех танкистов,
Тот водитель и стрелок,
Все глядят на гармониста —
Словно что-то невдомек.

Что-то чудится ребятам,
115 В снежной крутится пыли.
Будто виделись когда-то,
Словно где-то подвезли...

И, сменивши пальцы быстро,
Он, как будто на заказ,
120 Здесь повел о трех танкистах,
Трех товарищах рассказ.

Не про них ли слово в слово,
Не о том ли песня вся.

- И потупились сурово
125 В шлемах кожаных друзья.
- А боец зовет куда-то,
Далеко, легко ведет.
— Ах, какой вы все, ребята,
Молодой еще народ.
- 130 Я не то еще сказал бы,—
Про себя поберегу.
Я не так еще сыграл бы,—
Жаль, что лучше не могу.
- Я забылся на минутку,
135 Заигрался на ходу,
И давайте я на шутку
Это все переведу.
- Обогреться, потолкаться
К гармонисту все идут.
140 Обступают.
— Стойте, братцы,
Дайте на руки подуть.
- Отморозил парень пальцы,—
Надо помощь скорую.
— Знаешь, брось ты эти вальсы,
145 Дай-ка ту, которую...
- И опять долой перчатку,
Оглянулся молодцом
И как будто ту трехрядку
Повернул другим концом.
- 150 И забыто — не забыто,
Да не время вспоминать,

Где и кто лежит убитый
И кому еще лежать.

И кому траву живому
155 На земле топтать потом,
До жены прийти, до дому,—
Где жена и где тот дом?

Плясуны на пару пара
С места кинулися вдруг.
160 Задышал морозным паром,
Разогрелся тесный круг.

— Веселей кружитесь, дамы!
На носки не наступать!

И бежит шофер тот самый,
165 Опасаясь опоздать.

Чей кормилец, чей поилец,
Где пришелся ко двору?
Крикнул так, что расступились:
— Дайте мне, а то помру!..

170 И пошел, пошел работать,
Наступая и грозя,
Да как выдумает что-то,
Что и высказать нельзя.

Словно в праздник на вечерке
175 Половицы гнет в избе,
Прибаутки, поговорки
Сыплет под ноги себе.

Подает за штукой штуку:
— Эх, жаль, что нету стуку,
180 Эх, друг,

Кабы стук,
Кабы вдруг —
Мощеный круг!
Кабы валенки отбросить,
¹⁸⁵ Подковаться на каблук,
Припечатать так, чтоб сразу
Каблуку тому — каюк!

А гармонь зовет куда-то,
Далеко, легко ведет...

¹⁹⁰ Нет, какой вы все, ребята,
Удивительный народ.

Хоть бы что ребятам этим,
С места — в воду и в огонь.
Все, что может быть на свете,
¹⁹⁵ Хоть бы что — гудит гармонь.

Выговаривает чисто,
До души доносит звук.
И сказали два танкиста
Гармонисту:
— Знаешь, друг...
²⁰⁰ Не знакомы ль мы с тобою?
Не тебя ли это, брат,
Что-то помнится, из боя
Доставляли мы в санбат?
Вся в крови была одежда
²⁰⁵ И просил ты пить да пить...

Приглушил гармонь:
— Ну что же,
Очень даже может быть.

— Нам теперь стоять в ремонте.

У тебя маршрут иной.

210 — Это точно...

— А гармонь-то,

Знаешь что,— бери с собой.

Забирай, играй в охоту,

В этом деле ты мастак,

Весели свою пехоту.

215 — Что вы, хлопцы, как же так?..

— Ничего,— сказал водитель,—

Так и будет. Ничего.

Командир наш был любитель,

Это — память про него...

220 И с опушки отдаленной

Из-за тысячи колес

Из конца в конец колонны:

«По машинам!» — донеслось.

И опять увалы, взгорки,

225 Снег да елки с двух сторон...

Едет дальше Вася Теркин,—

Это был, конечно, он.

ДВА СОЛДАТА

В поле вьюга-завируха,
В трех верстах гудит война.
На печи в избе старуха,
Дед-хозяин у окна.

⁵ Рвутся мины. Звук знакомый
Отзывается в спине.
Это значит — Теркин дома,
Теркин снова на войне.

А старик как будто ухом
¹⁰ По привычке не ведет.
— Перелет! Лежи, старуха.—
Или скажет:
— Не долет...

На печи, забившись в угол,
Та следит исподтишка
15 С уважительным испугом
За повадкой старика,

С кем жила — не уважала,
С кем бранилась на печи,
От кого вдали держала
20 По хозяйству все ключи.

А старик, одевшись в шубу
И в очках подсев к столу,
Как от клюквы, кривит губы —
Точит старую пилу.

25 — Вот не режет, точишь, точишь,
Не берет, ну что ты хочешь!.. —
Теркин встал:
— А может, дед,
У нее развода нет?

Сам пилу берет:
— А ну-ка... —
30 И в руках его пила,
Точно поднятая шука,
Острой спинкой повела.

Повела, повисла кротко.
Теркин шуруется:
— Ну, вот.
35 Поищи-ка, дед, разводку,
Мы ей сделаем развод.

Посмотреть — и то отратно.
Завалы́щая пила

Так-то ладно, так-то складно
40 У него в руках прошла.

Обернулась — и готово.
— На-ко, дед, бери, смотри.
Будет резать лучше новой,
Зря инструмент не кори.

45 И хозяин виновато
У бойца берет пилу.
— Вот что значит мы, солдаты,—
Ставит бережно в углу.

А старуха:
— Слаб глазами.
50 Стар годами мой солдат.
Поглядел бы, что с часами,
С той войны еще стоят...

Снял часы, глядит: машина,
Точно мельница, в пыли.
55 Паутинами пружины
Пауки обволокли.

Их повесил в хате новой
Дед-солдат давным-давно:
На стене простой сосновой
60 Так и светится пятно.

Осмотрев часы детально,—
Все ж часы, а не пила,—
Мастер тихо и печально
Просвистел:
— Плохи дела...

⁶⁵ Но куда-то шильцем сунул,
Что-то высмотрел в пыли,
Внутри куда-то дунул, плюнул,—
Что ты думаешь,— пошли!

Крутит стрелку, ставит пятый,
⁷⁰ Час — другой, вперед — назад.
— Вот что значит мы, солдаты,—
Прослезился дед-солдат

Дед растроган, а старуха,
Отслонив ладонью ухо,

⁷⁵ С печки слушает:
— Идут!
Ну и парень, ну и шут...

Удивляется. А парень
Услужить еще не прочь.
— Может, сало надо жарить?
⁸⁰ Так опять могу помочь.

Тут старуха застонала:
— Сало, сало! Где там сало...

Теркин:
— Бабка, сало здесь.
Не был немец — значит, есть!

⁸⁵ И добавил, выжидая,
Глядя под ноги себе:
— Хочешь, бабка, угадаю,
Где лежит оно в избе?

Бабка охнула тревожно,
⁹⁰ Завозилась на печи.
— Бог с тобою, разве можно..
Помолчи уж, помолчи.

А хозяин плутовато

Гостя под локоть тишком:

⁹⁵ — Вот что значит мы, солдаты,
А ведь сало под замком.

Ключ старуха долго шарит,

Лезет с печки, сало жарит

И, страдая до конца,

¹⁰⁰ Разбивает два яйца.

Эх, яичница! Закуски

Нет полезней и прочней.

Полагается по-русски

Выпить чарку перед ней.

¹⁰⁵ — Ну, хозяин, понемножку,

По одной, как на войне.

Это доктор на дорожку

Для здоровья выдал мне.

Отвинтил у фляги крышку:

¹¹⁰ — Пей, отец, не будет лишку.

Поперхнулся дед-солдат.

Подтянулся:

— Виноват!..

Крошку хлебушка понюхал.

Пожевал — и сразу сыт.

¹¹⁵ А боец, потрянув над ухом

Тою флягой, говорит:

— Рассуждая так ли, сяк ли,

Все равно такую каплей

Не согреть бойца в бою,

¹²⁰ Будьте живы!

— Пейте.

— Пью...

И сидят они по-братски
За столом, плечо в плечо.
Разговор ведут солдатский,
Дружно спорят, горячо.

¹²⁵ Дед кипит:

— Позволь, товарищ.

Что ты валенки мне хвалишь?

Разреши-ка доложить.

Хороши? А где сушить?

Не просушишь их в землянке,

¹³⁰ Нет, ты дай-ка мне сапог,

Да суконные портянки

Дай ты мне — тогда я бог!

Снова где-то на задворках

Мерзлый грунт боднул снаряд.

¹³⁵ Как ни в чем — Василий Теркин,

Как ни в чем — старик-солдат.

— Эти штуки в жизни нашей,—

Дед расхвастался,— пустяк!

Нам осколки даже в каше

¹⁴⁰ Попадались. Точно так.

Попадет, откинешь ложкой,

А в тебя — так и мертвец.

— Но не знали вы бомбежки,

Я скажу тебе, отец.

¹⁴⁵ — Это верно, тут наука,
Тут напротив не попрешь.
А скажи, простая штука
Есть у вас?
— Какая?
— Вошь.

И, макая в сало коркой,
¹⁵⁰ Продолжая ровно есть,
Улыбнулся вроде Теркин
И сказал:
— Частично есть...

— Значит, есть? Тогда ты — воин,
Рассуждать со мной достоин.
¹⁵⁵ Ты — солдат, хотя и млад,
А солдат солдату — брат.

И скажи мне откровенно,
Да не в шутку, а всерьез.
С точки зрения военной
¹⁶⁰ Отвечай на мой вопрос.
Отвечай: побьем мы немца
Или, может, не побьем?

— Погоди, отец, наемся,
Закушу, скажу потом.

¹⁶⁵ Ел он много, но не жадно,
Отдавал закуске честь,
Так-то ладно, так-то складно,
Поглядишь — захочешь есть.

Всю зачистил сковородку,
¹⁷⁰ Встал, как будто вдруг подрос,
И платочек к подбородку,

- Ровно сложенный, поднес.
Отряхнул опрятно руки
И, как долг велит в дому,
175 Поклонился и старухе,
И солдату самому.
Молча в путь запоясался,
Осмотрелся — все ли тут?
Честь по чести распрощался,
180 На часы взглянул: идут!
Все припомнил, все проверил,
Подогнал и под конец
Он вздохнул у самой двери
И сказал:
— Побьем, отец..
- 185 В поле вьюга-завируха,
В трех верстах гремит война.
На печи в избе — старуха.
Дед-хозяин у окна.
В глубине родной России,
190 Против ветра, грудь вперед,
По снегам идет Василий
Теркин. Немца бить идет.

О ПОТЕРЕ

Потерял боец кисет,
Заискался,— нет и нет.

Говорит боец:
— Досадно.

Столько вдруг свалилось бед:
5 Потерял семью. Ну, ладно.
Нет, так на тебе — кисет!

Запропастился куда-то,
Хвать-похвать, пропал и след.
Потерял и двор и хату.
10 Хорошо. И вот — кисет.

Кабы годы молодые,
А не целых сорок лет...
Потерял края родные,
Все на свете — и кисет.

¹⁵ Посмотрел с тоской вокруг:
— Без кисета, как без рук.

В неприятном школьном доме —
Мужики, не детвора,
Не за партой — на соломе,
²⁰ Перетертой, как костра.

Спят бойцы, кому досуг.
Бородач горюет вслух:
— Без кисета у махорки
Вкус не тот уже. Слаба!
²⁵ Вот судьба, товарищ Теркин.—
Теркин:
— Что там за судьба!

Так случиться может с каждым,—
Возразил бородачу,—
Не такой со мной однажды
³⁰ Случай был. И то молчу.

И молчит, сопит сурово.
Кое-где привстал народ.
Из мешка из вещевого
Теркин шапку достает.

³⁵ Просто шапку меховую,
Той подругу боевую,
Что сидит на голове.
Есть одна. Откуда две?

— Привезли меня на танке,—
40 Начал Теркин,— сдали с рук.
Только нет моей ушанки,
Непорядок чую вдруг.

И не то чтоб очень зябкий,—
Просто гордость у меня.
45 Потому, боец без шапки —
Не боец. Как без ремня.

А девчонка перевязку
Нежно делает, с опаской,
И, видать, сама она
50 В этом деле зелена.

— Шапку, шапку мне, иначе
Не поеду! — Вот дела.
Так кричу, почти что плачу,
Рана трудная была.

55 А она, девчонка эта,
Словно «баюшки-баю»:
— Шапки вашей,— молвит,— нету,
Я вам шапку дам свою.

Наклонилась и надела.
60 — Не волнуйтесь,— говорит
И своей ручонкой белой
Обкололась: был небрит.

Сколько в жизни всяких шапок
Я носил уже — не счесть,
65 По у этой даже запах
Не такой какой-то есть...

— Ишь ты, выдумал примету.
— Слышал звон издалека.
— А зачем ты шапку эту
70 Сохраняешь?
— Дорога.

Дорога бойцу, как память.
А еще сказать могу
По секрету, между нами,—
Шапку с целью берегу.

75 И в один прекрасный вечер
Вдруг случится разговор:
«Разрешите вам при встрече
Головной вручить убор...»

Сам привстал Василий с места
80 И под смех бойцов густой,
Как на сцене, с важным жестом
Обратился будто к той,
Что пять слов ему сказала,
Что таких ребят, как он,
85 За войну перевязала,
Может, целый батальон.

— Ишь какие знает речи,
Из каких политбесед:
«Разрешите вам при встрече...»
90 Вот тут что. А ты — кисет.

— Что ж, понятно, холостому
Много лучше на войне:
Нет тоски такой по дому,
По детишкам, по жене.

⁹⁵ — Холостому? Это точно.
Это ты как угадал.
Но поверь, что я нарочно
Не женился. Я, брат, знал!

— Что ты знал! Кому другому
¹⁰⁰ Знать бы лучше наперед,
Что уйдет солдат из дому,
А война домой придет.
Что пройдет она потопом
По лицу земли живой
¹⁰⁵ И заставит рыть окопы
Перед самую Москвой.
Что ты знал!..

— А ты постой-ка,
Не гляди, что с виду мал.
Я не столько,
Не полстолько,—
¹¹⁰ Четверть столько! —
Только знал.

Ничего, что я в колхозе,
Не в столице курс прошел.
Жаль, гармонь моя в обозе,
Я бы лекцию прочел.

¹¹⁵ Разреши одно отметить,
Мой товарищ и сосед:
Сколько лет живем на свете?
Двадцать пять! А ты — кисет.

Бородач под смех и гомон
¹²⁰ Роет вновь труху-солому,

Перещупал все вокруг:
— Без кисета, как без рук...

— Без кисета, несомненно,
Ты боец уже не тот.
Раз кисет — предмет военный,
На-ко мой, не подойдет?

Принимай, я — добрый парень.
Мне не жаль. Не пропаду.
Мне еще пять штук подарят
¹³⁰ В наступающем году.

Тот берет кисет потертый,
Как дитя, обновке рад...

И тогда Василий Теркин
Словно вспомнил:
— Слушай, брат.

¹³⁵ Потерять семью не стыдно —
Не твоя была вина.
Потерять башку — обидно,
Только что ж, на то война.

Потерять кисет с махоркой,
¹⁴⁰ Если некому пошить,—
Я не спорю,— тоже горько,
Тяжело, но можно жить,
Пережить беду-проруху,
В кулаке держать табак,
¹⁴⁵ Но Россию, мать-старуху,
Нам терять нельзя никак.

Наши деды, наши дети,
Наши внуки не велят.
Сколько лет живем на свете?
150 Тыщу?.. Больше! То-то, брат!

Сколько жить еще на свете,—
Год, иль два, иль тыщи лет,—
Мы с тобой за все в ответе.
То-то, брат! А ты — кисет...

ПОЕДИНОК

Немец был силен и ловок,
Ладно скроен, крепко шит,
Он стоял, как на подковах,
Не пугай — не побежит.

⁵ Сытый, бритый, береженный,
Дармовым добром кормленный,
На войне, в чужой земле
Отоспавшийся в тепле.

Он ударил, не страшая,
¹⁰ Бил, чтоб сбить наверняка.
И была, как кость большая,
В русской vareжке рука...

Не играл со смертью в прятки,—
Взялся — бейся и молчи,—
15 Теркин знал, что в этой схватке
Он слабей: не те харчи.

Есть войны закон не новый:
В отступление — ешь ты вдоволь,
В обороне — так ли сяк,
20 В наступление — натошак.

Немец стукнул так, что челюсть
Будто вправо подалась.
И тогда боец, не целясь,
Хрястнул немца промеж глаз.

25 И еще на снег не сплюнул
Первой крови злую соль,
Немец снова в санки сунул
С той же силой, в ту же боль.

Так сошлись, сцепились близко,
30 Что уже обоймы, диски,
Автоматы — к черту, прочь!
Только б нож и мог помочь.

Бьются двое в клубках пара,
Об ином уже не речь,—
35 Ладит Теркин от удара
Хоть бы зубы заберечь.

Но покуда Теркин санки,
Сколько мог
В бою берег,
Двинул немец, точно штангой,
40 Да не в санки,
А под вздох.

Охнул Теркин: плохо дело,
Плохо, думает бэец.
Хорошо, что легок телом —
Отлетел. А то б — конец...

⁴⁵ Устоял — и сам с испугу
Теркин немцу дал леща,
Так что собственную руку
Чуть не вынес из плеча.

Черт с ней! Рад, что не промазал,
⁵⁰ Хоть зубам не полон счет,
Но и немец левым глазом
Наблюденья не ведет.

Драка — драка, не игрушка!
Хоть огнем горит лицо,
⁵⁵ Но и немец красной юшкой
Разукрашен, как яйцо.

Вот он — в полвершке — противник.
Носом к носу. Теснота.
До чего же он противный —
⁶⁰ Дух у немца изо рта.

Злобно Теркин сплюнул кровью.
Ну и запах! Валит с ног.
Ах ты, сволочь, для здоровья,
Не иначе, жрешь чеснок!

⁶⁵ Ты куда спешил — к хозяйке?
Матка, млеко? Матка, яйки?
Оказать решил нам честь?
Подавай! А кто ты есть,

Кто ты есть, что к нашей бабке
70 Заявился на порог,
Не спросясь, не скинув шапки
И не вытерши сапог?

Со старухой сладить в силе?
Подавай! Нет, кто ты есть,
75 Что должны тебе в России
Подавать мы пить и есть?

Не калека ли убогий
Или добрый человек —
Заблудился
По дороге,
80 Попросился
На ночлег?

Добрым людям люди рады.
Нет, ты сам себе силен.
Ты наводишь
Свой порядок.
Ты приходишь —
Твой закон.

85 Кто ж ты есть? Мне толку нету,
Чей ты сын и чей отец.
Человек по всем приметам,—
Человек ты? Нет. Подлец!

Двое топчутся по кругу,
90 Словно пара на кругу,
И глядят в глаза друг другу:
Зверю — зверь и враг — врагу.

Как на древнем поле боя,
Грудь на грудь, что щит на щит,—
95 Вместо тысяч бьются двое,
Словно схватка все решит.

А вблизи от деревушки,
Где застал их свет дневной,
Самолеты, танки, пушки
100 У обоих за спиной.

Но до боя нет им дела,
И ни звука с тех сторон.
В одиночку — грудью, телом
Бьется Теркин, держит фронт.

105 На печальном том задворке,
У покинутых дворов
Держит фронт Василий Теркин,
В забыты глотая кровь.

Бьется насмерть парень бравый,
110 Так что дым стоит сырой,
Словно вся страна-держава
Видит Теркина:
— Герой!

Что страна! Хотя бы рота
Видеть издали могла,
115 Какова его работа
И какие тут дела.

Только Теркин не в обиде.
Не затем на смерть идешь,
Чтобы кто-нибудь увидел.
120 Хорошо б. А нет — ну что ж...

Бьется насмерть парень бравый —
Так, как бьются на войне.
И уже рукою правой
Он владеет не вполне.

¹²⁵ Кость гудит от раны старой,
И ему, чтоб крепче бить,
Чтобы слева класть удары,
Хорошо б левшою быть.

Бьется Теркин,
В драке зоркий,
¹³⁰ Утирает кровь и пот.
Изнемог, убился Теркин,
Но и враг уже не тот.

Далеко не та заправка,
И побита морда вся,
¹³⁵ Словно яблоко-полявка,
Что иначе есть нельзя.

Кровь — сосульками. Однако
В самый жар вступает драка.

Немец горд.
И Теркин горд.
¹⁴⁰ — Раз ты пес, так я — собака,
Раз ты черт,
Так сам я — черт!

Ты не знал мою натуру,
А натура — первый сорт.
В клочья шкуру —
Теркин чуру
¹⁴⁵ Не попросит. Вот где черт!

Кто одной боится смерти —
Кто плевал на сто смертей.
Пусть ты черт. Да наши черти
Всех чертей
В сто раз чертей.

¹⁵⁰ Бей, не милуй. Зубы стисну.
А убьешь, так и потом
На тебе, как клещ, повисну.
Мертвый буду на живом.

Отоспись на мне, будь ласков,
¹⁵⁵ Да свали меня вперед.

Ах, ты вон как! Драться каской?
Ну не подлый ли народ!

Хорошо же! —

И тогда-то,
Злость и боль забрав в кулак,
¹⁶⁰ Незаряженной гранатой
Теркин немца — с левой — шмяк!

Немец охнул и обмяк...

Теркин ворот нараспашку,
Теркин сел, глотает снег,
¹⁶⁵ Смотрит грустно, дышит тяжело,—
Поработал человек.

Хорошо, друзья, приятно,
Сделав дело, ко двору —
В батальон идти обратно
¹⁷⁰ Из разведки поутру.

По земле ступать советской,
Думать — мало ли о чем!

Автомат нести немецкий,
Между прочим, за плечом.

175 «Языка» — добычу ночи,—
Что идет, куда не хочет,
На три шага впереди
Подгонять:
— Иди, иди...

Видеть, знать, что каждый встречный-
180 Поперечный — это свой.
Не знаком, а рад сердечно,
Что вернулся ты живой.

Доложить про все по форме,
Сдать трофеи не спеша.
185 А потом тебя покормят,—
Будет мерою душа.

Старшина отпустит чарку,
Строгий глаз в нее кося.
А потом у печки жаркой
190 Ляг, поспи. Война не вся.

Фронт налево, фронт направо,
И в февральской вьюжной мгле
Страшный бой идет, кровавый,
Смертный бой не ради славы,
195 Ради жизни на земле.

ОТ АВТОРА

Сто страниц минуло в книжке,
Вперед — не близкий путь.
Стой-ка, брат. Без передышки
Невозможно. Дай вздохнуть.

⁵ Дай вздохнуть, возьми в догадку:
Что теперь, что в старину —
Трудно слушать по порядку
Сказку длинную одну
Все про то же — про войну.

¹⁰ Про огонь, про снег про танки,
Про землянки да портянки,
Про портянки да землянки,
Про махорку и мороз...

Вот уж нынче повелось:
15 Рыбаку лишь о путине,
Печнику дудят о глине,
Леснику о древесине,
Хлебопеку о квашне,
Коновалу о коне,
20 А бойцу ли, генералу —
Не иначе — о войне.

О войне — оно понятно,
Что война. А суть в другом:
Дай с войны прийти обратно
25 При победе над врагом.

Учинив за все расплату,
Дай вернуться в дом родной
Человеку. И тогда-то
Сказки нет ему иной.

30 И тогда ему так сладко
Будет слушать по порядку
И подробно обо всем,
Что изведано горбом,
Что исхожено ногами,
25 Что испытано руками,
Что повидано в глаза
И о чем, друзья, покамест
Все равно — всего нельзя...

Мерзлый грунт долби, лопата,
40 Танк — дави, греми — граната,
Штык — работай, бомба — бей.
На войне душе солдата
Сказка мирная милей.

Друг-читатель, я ли спорю,
45 Что войны милее жизнь?
Да война ревет, как море,
Грозно в дамбу упершись.

Я одно скажу, что нам бы
Поуправиться с войной,
50 Отодвинуть эту дамбу
За предел земли родной.

А покуда край обширный
Той земли родной — в плену,
Я — любитель жизни мирной —
55 На войне пою войну.

Что ж еще? И все, пожалуй,
Та же книга про бойца.
Без начала, без конца,
Без особого сюжета,
60 Впрочем, правде не во вред.

На войне сюжета нету.
— Как так нету?
— Так вот, нет.

Есть закон — служить до срока,
Служба — труд, солдат — не гость.
65 Есть отбой — уснул глубоко,
Есть подъем — вскочил, как гвоздь.

Есть война — солдат воюет,
Лют противник — сам лютует.
Есть сигнал: вперед!.. — Вперед.
70 Есть приказ: умри!.. — Умрет.

На войне ни дня, ни часа
Не живет он без приказа
И не может испокон
Без приказа командира
75 Ни сменить свою квартиру,
Ни сменить портянки он.

Ни жениться, ни влюбиться
Он не может,— нету прав,
Ни уехать за границу
80 От любви, как бывший граф.

Если в песнях и поется,
Разве можно брать в расчет,
Что герой мой у колодца,
У каких-нибудь ворот,
85 Буде случай подвернется,
Чью-то долю ущипнет?

А еще добавим к слову:
Жив-здоров герой пока,
Но отнюдь не заколдован
90 От осколка-дурака,
От любой дурацкой пули,
Что, быть может, наугад,
Как пришлось, летит вслепую,
Подвернулся,— точка, брат.

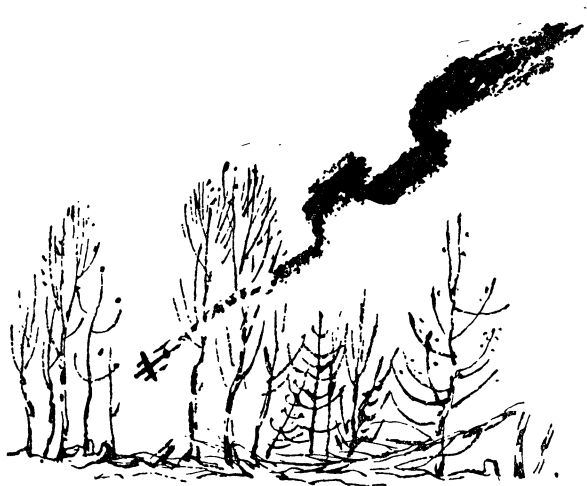
95 Ветер злой навстречу пышет,
Жизнь, как веточку, колышет,
Каждый день и час грозя.
Кто доскажет, кто дослышит —
Угадать вперед нельзя.

¹⁰⁰ И до той глухой разлуки,
Что бывает на войне,
Рассказать еще о друге
Кое-что успеть бы мне.

Тем же ладом, тем же рядом,
¹⁰⁵ Только стежкой иной.

Пушки к бою едут задом,—
Это сказано не мной.

«КТО СТРЕЛЯЛ?»

Отдымился бой вчерашний,
Высох пот, металл простыл.
От окопов пахнет пашней,
Летом мирным и простым.

⁵ В полверсте, в кустах — противник,
Тут шагам и пядям счет.
Фронт. Война. А вечер дивный
По полям пустым идет.

По следам страды вчерашней,
¹⁰ По немислимой тропе;
По ничьей, помятой, зряшной
Луговой, густой траве;

По земле, рябой от рытвин,
Рваных ям, воронок, рвов,
15 Смертным зноем жаркой битвы
Опаленных у краев...

И откуда по пустому
Долетел, донесся звук,
Добрый, давний и знакомый
20 Звук вечерний. Майский жук!

И ненужной горькой лаской
Растревожил он ребят,
Что в росой покрытых касках
По окопчикам сидят.

25 И такой тоской родною
Сердце сразу обволок!

Фронт, война. А тут иное:
Выводи коней в ночное,
Торопись на «пяточок».

30 Отпляшись, а там сторонкой
Удаляйся в березняк,
Провожай домой девчонку
Да целуй — не будь дурак.
Налегке иди обратно,

35 Мать заждалася...

И вдруг —
Вдалеке возник невнятный,
Новый, ноющий, двукратный,
Через миг уже понятный
И томящий душу звук.

⁴⁰ Звук тот самый, при котором
В прифронтовой полосе
Поначалу все шоферы
Разбегались от шоссе.

На одной постылой ноте
⁴⁵ Ноет, воет, как в трубе.
И бежать при всей охоте
Не положено тебе.

Ты, как гвоздь, на этом взгорке
Вбился в землю. Не тоскуй.
⁵⁰ Ведь — согласно поговорке —
Это малый сабантуй...

Ждут, молчат, глядят ребята,
Зубы сжав, чтоб дрожь унять.
И, как водится, оратор
⁵⁵ Тут находится под стать.

С удивительной заботой
Подсказать тебе горазд:
— Вот сейчас он с разворота
И начнет. И жизни даст.
⁶⁰ Жизни даст!

Со страшным ревом
Самолет ныряет вниз,
И сильнее нету слова
Той команды, что готова
На устах у всех:
— Ложись!..

⁶⁵ Смерть есть смерть. Ее прихода
Все мы ждем по старине.

А в какое время года
Легче гибнуть на войне?

Летом солнце греет жарко,
70 И вступает в полный цвет
Все кругом. И жизни жалко
До зарезу. Летом — нет.

В осень смерть под стать картине,
В сон идет природа вся.
75 Но в грязи, в окопной глине
Вдруг загнуться? Нет, друзья...

А зимой — земля, как камень,
На два метра глубиной,
Привалит тебя комками,—
80 Нет уж, ну ее — зимой.

А весной, весной... Да где там,
Лучше скажем наперед:
Если горько гибнуть летом,
Если осенью — не мед,
85 Если в зиму дрожь берет,
То весной, друзья, от этой
Подлой штуки — душу рвет.

И какой ты вдруг покорный
На груди лежишь земной,
90 Заслонясь от смерти черной
Только собственной спиной.

Ты лежишь ничком, парнишка
Двадцати неполных лет,
Вот сейчас тебе и крышка,
95 Вот тебя уже и нет.

Ты прижал к вискам ладони,
Ты забыл, забыл, забыл,
Как траву щипали кони,
Что в ночное ты водил.

¹⁰⁰ Смерть грохочет в перепонках,
И далек, далек, далек
Вечер тот и та девчонка,
Что любил ты и берег.

И друзей и близких лица,
¹⁰⁵ Дом родной, сучок в стене...
Нет, боец, ничком молиться
Не годится на войне.

Нет, товарищ, зло и гордо,
Как закон велит бойцу,
¹¹⁰ Смерть встречай лицом к лицу,
И хотя бы плюнь ей в морду,
Если все пришло к концу...

Ну-ка, что за перемена?
То не шутки — бой идет.
¹¹⁵ Встал один и бьет с колена
Из винтовки в самолет

Трехлинейная винтовка
На брезентовом ремне,
Да патроны с той головкой,
¹²⁰ Что страшна стальной броне.

Бой неравный, бой короткий.
Самолет чужой, с крестом,
Покачнулся, точно лодка,
Зачерпнувшая бортом.

125 Накренясь, пошел по кругу,
Кувыркается над лугом,—
Не задерживай — давай,
В землю штопором въезжай!

Сам стрелок глядит с испугом:
130 Что наделал невзначай.

Скоростной, военный, черный,
Современный, двухмоторный
Самолет — стальная снасть —
Ухнул в землю, завывая,
135 Шар земной пробить желая
И в Америку попасть.

— Не пробил, старался слабо.
— Видно, место прогадал.

— Кто стрелял? — звонят из штаба.—
140 Кто стрелял, куда попал?

Адъютанты землю роют,
Дышит в трубку генерал.
— Разыскать тотчас героя.
Кто стрелял? —
А кто стрелял?

145 Кто не спрятался в окопчик,
Поминая всех родных,
Кто он — свой среди своих —
Не зенитчик и не летчик,
А герой.— не хуже их?

150 Вот он сам стоит с винтовкой,
Вот поздравили его.

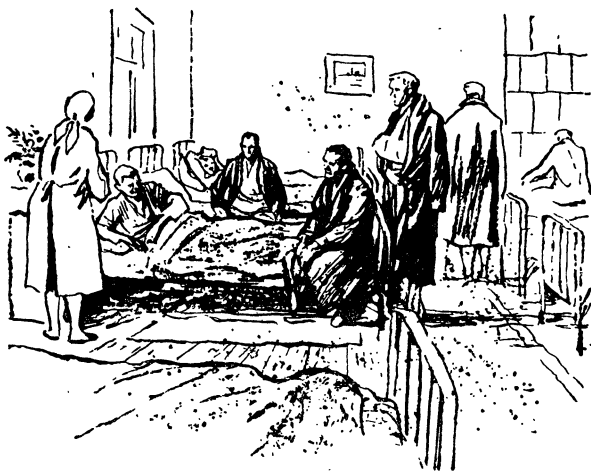
И как будто всем неловко —
Неизвестно отчего.

Виноваты, что ль, отчасти?
¹⁵⁵ И сказал сержант проста:
— Вот что значит парню счастье,
Глядь — и орден, как с куста!

Не промедливши с ответом,
Парень сдачу подает:
¹⁶⁰ — Не горюй, у немца этот —
Не последний самолет...

С этой шуткой-поговоркой,
Облетевшей батальон,
Перешел в герои Теркин,—
¹⁶⁵ Это был, понятно, он.

О ГЕРОЕ

— Нет, поскольку о награде
Речь опять зашла, друзья,
То уже не шутки ради
Кое-что добавлю я.

⁵ Как-то в госпитале было.
День лежу, лежу второй.
Кто-то смотрит мне в затылок,
Погляжу, а то — герой.

Сам собой, сказать,— мальчишка,
¹⁰ Недолеток-стригунок.
И мутит меня мыслишка:
Вот он мог, а я не мог...

Разговор идет меж нами,
И спроси я с первых слов:
15 — Вы откуда родом сами —
Не из наших ли краев?

Смотрит он:
— А вы откуда? —
Отвечаю:
— Так и так,
Сам как раз смоленский буду,
20 Может, думаю, земляк?

Аж привстал герой:
— Ну что вы,
Что вы,— вскинул головой,—
Я как раз из-под Тамбова,—
И потрогал орден свой.

25 И умолкнул. И похоже,
Подчеркнуть хотел он мне,
Что таких, как он, не может
Быть в смоленской стороне;

Что уж так они вовеки
30 Различаются места,
Что у них ручьи и реки
И сама земля не та,
И полянки, и пригорки,
И козявки, и жуки...

35 И куда ты, Васька Теркин,
Лезешь сдуру в земляки!

Так ли, нет — сказать,— не знаю,
Только мне от мысли той
Сторона моя родная

40 Показалась сиротой,
Сиротинкой, что не видно
На народе, на кругу...

Так мне стало вдруг обидно,—
Рассказать вам не могу.

45 Это да, что я не гордый
По характеру, а все ж
Вот теперь, когда я орден
Нацеплю, скажу я: врешь!

Мы в землячество не лезем,
50 Есть свои у нас края.
Ты — тамбовский? Будь любезен.
А смоленский — вот он я.

Не иной какой, не энский,
Безымянный корешок,
55 А действительно смоленский,
Как дразнили нас, рожок.

Не кичусь родным я краем,
Но пройди весь белый свет —
Кто в рожки тебе сыграет
60 Так, как наш смоленский дед.

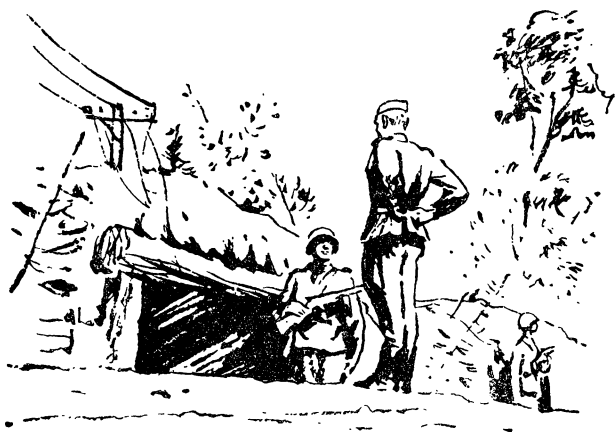
Заведет, задует сивая
Лихая борода:
Ты куда, моя красивая,
Куда идешь, куда...

65 И ведет, поет, зарывает —
Ладно, что без слов,
Со слезою выговаривает
Радость и любовь.

И за ту одну старинную
70 За музыку-рожок
В край родной дорогу длинную
 Сто раз бы я прошел.

Мне не надо, братцы, ордена,
 Мне слава не нужна,
75 А нужна, больна мне родина,
 Родная сторона!

ГЕНЕРАЛ

Заняла война полсвета,
Стон стоит второе лето.
Опоясал фронт страну.
Где-то Ладога... А где-то
5 Дон — и то же на Дону...

Где-то лошади в упряжке
В скалах зубы бьют об лед...
Где-то яблоня цветет,
И моряк в одной тельняшке
10 Тащит степью пулемет...

Где-то бомбы топчут город,
Тонут на море суда...

Где-то танки лезут в горы,
К Волге двинулась беда...

15 Где-то, будто на задворке,
Будто знать про то не знал,
На своем участке Теркин
В обороне загорал.

У лесной глухой речушки,
20 Что катилась вдоль войны,
После доброй постирушки
Поразвесил для просушки
Гимнастерку и штаны.

На припеке обнял землю,
25 Руки выбросил вперед
И лежит и так-то дремлет,
Может быть, за целый год.

И речушка — неглубокий
Родниковый ручеек —
30 Шевелит травой-осокой
У его разутых ног.

И курлычет с тихой лаской,
Моеет камушки на дне.
И выходит не то сказка,
35 Не то песенка во сне.

Я на речке ноги вымою.
Куда, реченька, течешь?
В сторону мою родимую,
Может, где-нибудь свернешь.

40 Может, где-нибудь излучиной
По пути зайдешь туда
И под проволокой колючею
Проберешься без труда,

Меж немецкими окопами,
45 Мимо вражеских постов,
Возле пушек, в землю вкопанных,
Промелькнешь из-за кустов.

И тропой своей исконною
Протечешь ты там, как тут,
50 И ни пешие, ни конные
На пути не переймут.

Дотечешь дорогой кружную
До родимого села.
На мосту солдаты с ружьями,—
55 Ты под мостиком прошла.

Там печаль свою великую,
Что без края и конца,
Над тобой, над речкой, выплакать,
Может, выйдет мать бойца.

60 Над тобой, над малой речкою,
Над водой, чей путь далек,
Послыхать бы хоть словечко ей,
Хоть одно, что цел сынок.

Помороженный, простуженный,
65 Отдыхает он, герой,
Битый, раненый, контуженый,
Да здоровый и живой...

Теркин — много ли дремал он,
Землю-мать прижав к щеке,—
70 Слышит:
— Теркин, к генералу
На одной давай ноге.

Посмотрел, подвially Теркин,
Тут связной стоит.
— Пу что ж,
Без штанов, без гимнастерки
75 К генералу не пойдешь.

Говорит, чудит, а все же
Сам, волнуясь и сопя,
Непросохшую одежду
Спешно пялит на себя.
80 Приросла к спине — не стронет...

— Теркин, сроку пять минут.
— Ничего. С земли не сгонят,
Дальше фронта не пошлют.

Подзаправился на славу,
85 И хоть знает наперед,
Что совсем не на расправу
Генерал его зовет,—
Все ж у главного порога
В генеральском блиндаже —
90 Был бы бог, так Теркина богу
Помолился бы в душе.

Шутка ль, если разобраться:
К генералу входишь вдруг,—
Генерал — один на двадцать,

⁹⁵ Двадцать пять, а может статья,
И на сорок верст вокруг.

Генерал стоит над нами,—
Оробеть при нем не грех —
Он не только что чинами,
¹⁰⁰ Боевыми орденами,
Он годами старше всех.

Ты, обжегшись кашей, плакал,
Ты пешком ходил под стол,
Он тогда уж был воякой,
¹⁰⁵ Он ходил уже в атаку,
Взвод, а то и роту вел.

И на этой половине —
У передних наших линий,
На войне — не кто, как он
¹¹⁰ Твой ЦК и твой Калинин.
Суд. Отец. Глава. Закон.

Честью, друг, считай немалой,
Заработанной в бою,
Услыхать от генерала
¹¹⁵ Вдруг фамилию свою.

Знай: за дело, за заслугу
Жмет тебе он крепко руку
Боевой своей рукой.

— Вот, брат, значит, ты какой.
¹²⁰ Богатырь. Орел. Ну, просто —
Воин! — скажет генерал.

И пускай ты даже ростом
И плечьми всего не взял,
И одет не для парада,—
125 Тут война — парад потом,—
Говорят: орел, так надо
И глядеть и быть орлом.

Стой, боец, с достойным видом,
Попимай, в душе имей:
130 Генерал награду выдал —
Как бы снял с груди своей —
И к бойцовской гимнастерке
Прикрепил немедля сам.
И ладонью:
— Вот, брат Теркин,—
135 По лихим провел усам.

В скобках надобно, пожалуй,
Здесь отметить, что усы,
Если есть у генерала,
То они не для красы.

140 На войне ли, на параде
Не пустяк, друзья, когда
Генерал усы погладил
И сказал хотя бы:
— Да...

Есть привычка боевая,
145 Есть минуты и часы...
И не зря еще Чапаев
Уважал свои усы.

Словом — дальше. Генералу
Показалось под конец,

150 Что своей награде мало
Почему-то рад боец.

Что ж, боец — душа живая,
На войне второй уж год...

И не каждый день сбивают
155 Из винтовки самолет.

Молодца и в самом деле
Отличить расчет прямой.

— Вот что, Теркин, на неделю
Можешь с орденом — домой...

160 Теркин — понял ли, не понял,
Иль не верит тем словам?
Только дрогнули ладони
Рук, протянутых по швам.

Про себя вздохнув глубоко,
165 Теркин тихо отвечал:
— На неделю мало сроку
Мне, товарищ генерал...

Генерал склонился строго:
— Как так мало? Почему?
170 — Потому — трудна дорога
Нынче к дому моему.
Дом-то вроде недалечко,
По прямой — пустышный путь...

— Ну а что ж?
— Да я не речка,
175 Чтоб легко туда шмыгнуть.

Мне, по крайности, вначале
Днем соваться не с руки.
Мне идти туда ночами,
Ну, а ночи коротки...

¹⁸⁰ Генерал кивнул:
— Понятно!
Дело с отпуском — табак.—
Пошутил:
— А как обратно
Ты пришел бы?..
— Точно ж так...

Сторона моя лесная,
¹⁸⁵ Каждый кустик мне — родня.
Я пути такие знаю,
Что поди поймай меня!

Мне там каждая знакома
Борозденка под межой.
¹⁹⁰ Я — смоленский. Я там дома.
Я там — свой, а *он* — чужой.

— Погоди-ка. Ты без шуток.
Ты бы вот что мне сказал...

И как будто в ту минуту
¹⁹⁵ Что-то вспомнил генерал.
На бойца взглянул душевней
И сказал, шагнув к стене:
— Ну-ка, где твоя деревня?
Покажи по карте мне.

200 Теркин дышит осторожно
У начальства за плечом.
— Можно,— молвит,— это можно.
Вот он Днепр, а вот мой дом.

Генерал отметил точку.
205 — Вот что, Теркин, в одиночку
Не резон тебе идти.
Потерпи уж, дай отсрочку,
Нам с тобою по пути...

Отпуск точно, аккуратно
210 За тобой, прошу учесть.

И боец сказал:
— Понятно.—
И еще добавил:
— Есть.

Встал по форме у порога,
Призадумался немного,
215 На секунду на одну...

Генерал усы потрогал
И сказал, поднявшись:
— Ну?..

Сколько он, над картой сидя,
Словом, подписью своей,
220 Перед тем в глаза не видя,
Посылал на смерть людей!

Что же, всех и не увидишь,
С каждым к расстояям не выйдешь,
На прощанье всем нельзя
225 Заглянуть тепло в глаза.

Заглянуть в глаза, как другу,
И пожать покрепче руку,
И по имени назвать,
И удачи пожелать,
230 И, помедливши минутку,
Ободрить старинной шуткой:
Мол, хотя и тяжело,
А, между прочим, ничего...

Нет, на всех тебя не хватит,
235 Хоть какой ты генерал.

Но с одним проститься кстати
Генерал не забывал.

Обнялись они, мужчины,
Генерал-майор с бойцом,—
240 Генерал — с любимым сыном,
А боец — с родным отцом.

И бойцу за тем порогом
Предстояла путь-дорога
На родную сторону,
245 Прямым через войну.

О СЕБЕ

Я покинул дом когда-то,
Позвала дорога вдаль.
Не мала была утрата,
Но светла была печаль.

⁵ И годами с грустью нежной —
Меж иных любых тревог —
Угол отчий, мир мой прежний
Я в душе моей берег.

Да и не было помехи
¹⁰ Взять и вспомнить наугад
Старый лес, куда в орехи
Я ходил с толпой ребят.

Лес — ни пулей, ни осколком
Не пораненный ничуть,
15 Не порубленный без толку,
Без порядку как-нибудь;
Не корчеванный фугасом,
Не поваленный огнем,
Хламом гильз, жестянок, касок
20 Не заваленный кругом;

Блиндажами не изрытый,
Не обкуренный зимой,
Ни своими не обжитый,
Ни чужими под землей.

15 Милый лес, где я мальчонкой
Плел из веток шалаша,
Где однажды я теленка,
Сбившись с ног, искал в глуши...

Полдень раннего июня
30 Был в лесу, и каждый лист,
Полный, радостный и юный,
Был горяч, но свеж и чист.

Лист к листу, листом прикрытый.
В сборе листовенном густом
35 Пересчитанный, промытый
Первым за лето дождем.

И в глуши родной, ветвистой,
И в тиши дневной, лесной
Молодой, густой, смолистый,
40 Золотой держался зной.

И в спокойной чаше хвойной
У земли мешался он
С муравьиным духом винным
И пьянил, склоняя в сон.

⁴⁵ И в истоме птицы смолкли...
Светлой каплею смола
По коре нагретой елки,
Как слеза во сне, текла...

Мать-земля моя родная,
⁵⁰ Сторона моя лесная,
Край недавних детских лет,
Отчий край, ты есть иль нет?

Детства день, до гроба милый,
Детства сон, что сердцу свят,
⁵⁵ Как легко все это было
Взять и вспомнить год назад.

Вспомнить разом что придется —
Сонный полдень над водой,
Дворик, стежку до колодца,
⁶⁰ Где песочек золотой;
Книгу, читанную в поле,
Кнут, свисающий с плеча,
Лед на речке, глобус в школе
У Ивана Ильича...

⁶⁵ Да и не было запрета,
Проездной купив билет,
Вдруг туда приехать летом,
Где ты не был десять лет...

Чтобы с лаской, хоть не детской,
70 Вновь обнять старуху мать,
Не под проволокой немецкой
Нужно было проползать.

Чтоб со взрослой грустью сладкой
Праздник встречи пережить —
75 Не украдкой, не с оглядкой
По родным лесам кружить.

Чтоб сердечным разговором
С земляками встретить день —
Не нужда была, как вору,
80 Под стеною прятать тень...

Мать-земля моя родная,
Сторона моя лесная,
Край, страдающий в плену!
Я приду — лишь дня не знаю,
85 Но приду, тебя верну.

Не звериным робким следом
Я приду, твой кровный сын,—
Вместе с нашею победой
Я иду, а не один.

90 Этот час не за горою,
Для меня и для тебя...

А читатель той порою
Скажет:
— Где же про героя?
Это больше про себя.

⁹⁵ Про себя? Упрек уместный,
Может быть, меня пресек.

Но давайте скажем честно:
Что ж, а я не человек?

Спорить здесь нужды не вижу,
¹⁰⁰ Сознавайся в чем в другом.
Я ограблен и унижен,
Как и ты, одним врагом.

Я дрожу от боли острой,
Злобы горькой и святой.
¹⁰⁵ Мать, отец, родные сестры
У меня за той чертой.
Я стонать от боли вправе
И кричать с тоски клятой.
То, что я всем сердцем славил
¹¹⁰ И любил,— за той чертой.

Друг мой, так же не легко мне,
Как тебе с глухой бедой.
То, что я хранил и помнил,
Чем я жил — за той, за той —
¹¹⁵ За неписаной границей,
Поперек страны самой,
Что горит, горит в зарницах
Вспышек — летом и зимой...

И скажу тебе, не скрою,—
¹²⁰ В этой книге там ли, сям,
То, что молвить бы герою,
Говорю я лично сам.

Я за все кругом в ответе,
И заметь, коль не заметил,
¹²⁵ Что и Теркин, мой герой,
За меня гласит порой.

Он земляк мой и, быть может,
Хоть нимало не поэт,
Все же как-нибудь похоже
¹³⁰ Размышлял. А нет, ну — нет.

Теркин — дальше. Автор — вслед.

БОЙ В БОЛОТЕ

Бой безвестный, о котором
Речь сегодня поведем,
Был, прошел, забылся скоро...
Да и вспомнят ли о нем?

⁵ Бой в лесу, в кустах, в болоте,
Где война стелила путь,
Где вода была пехоте
По колено, грязь — по грудь;

Где брели бойцы понуро,
¹⁰ И, скользнув с бревна в ночи,
Артиллерия тонула,
Увязали тягачи.

Этот бой в болоте диком
На втором году войны
15 Не за город шел великий,
Что один у всей страны;

Не за гордую твердыню,
Что у матушки-реки,
А за некий, скажем ныне,
20 Населенный пункт Борки.

Он стоял за тем болотом
У конца лесной тропы,
В нем осталось ровным счетом
Обгорелых три трубы.

25 Там с открытых и закрытых
Огневых — кому забыть! —
Было бито, бито, бито,
И, казалось, что там бить?

Там в щебенку каждый камень,
30 В щепки каждое бревно.
Называлось там Борками
Место черное одно.

А в окружку — мох, болото,
Край от мира в стороне.
35 И подумать вдруг, что кто-то
Здесь родился, жил, работал,
Кто сегодня на войне.

Где ты, где ты, мальчик босый,
Деревенский пастушок,
40 Что по этим дымным росам,
Что по этим кочкам шел?

Бился ль ты в горах Кавказа
Или пал за Сталинград,
Мой земляк, ровесник, брат,
45 Верный долгу и приказу
Русский труженик-солдат.

Или, может, в этих дымах,
Что уже недалеки,
Видишь нынче свой родимый
50 Угол дедовский Борки?

И у той черты недальной,
У земли многострадальной,
Что была к тебе добра,
Влился голос твой в печальный
55 И протяжный стон: «Ура-а...»

Как в бою удачи мало
И дела нехороши,
Виноватого, бывало,
Там попробуй поищи.

60 Артиллерия толково
Говорит — она права:
— Вся беда, что танки снова
В лес свернули по дрова.

А еще сложнее счеты,
65 Чуть танкиста повстречал:
— Подвела опять пехота.
Залегла. Пропал запал.

А пехота не хвастливо,
Без отрыва от земли

⁷⁰ Лишь махнет рукой лениво:
— Точно. Танки подвели.

Так идет оно по кругу,
И ругают все друг друга,
Лишь в согласие все подряд
⁷⁵ Авиацию бранят.

Все хорошие ребята,
Как посмотришь — красота,
И ничуть не виноваты,
И деревня не взята.

⁸⁰ И противник по болоту,
По траншейкам торфяным
Садит вновь из минометов —
Что ты хочешь делай с ним.

Адреса разведал точно,
⁸⁵ Шлет посылки спешной почтой,
И лежишь ты, адресат,
Изнывая, ждешь за кочкой,
Скоро ль мина влепит в зад.

Перемокшая пехота
⁹⁰ В полный смак клянет болото,
Не мечтает о другом —
Хоть бы смерть, да на сухом.

Кто-нибудь еще расскажет,
Как лежали там в тоске.
⁹⁵ Третьи сутки кукиш кажет
В животе кишка кишке.

Посыпает дождик редкий,
Кашель злой терзает грудь.
Ни клочка родной газеты —
¹⁰⁰ Козью ножку завернуть;

И ни спичек, ни махорки —
Все раскисло от воды.
— Согласись, Василий Теркин,
Хуже нет уже беды?

¹⁰⁵ Тот лежит у края лужи,
Усмехнулся:
— Нет, друзья,
Во сто раз бывает хуже,
Это точно знаю я.

— Где уж хуже..
— А не спорьте,

¹¹⁰ Кто не хочет, тот не верь,
Я сказал бы: на курорте
Мы находимся теперь.

И глядит шутник великий
На людей со стороны.

¹¹⁵ Губы — то ли от черники,
То ль от холода черны.

Говорит:

— В своем болоте

Ты находишься сейчас.

Ты в цепи. Во взводе. В роте.

¹²⁰ Ты имеешь связь и часть.

Даже сетовать неловко
При такой, чудак, судьбе.

У тебя в руках винтовка,
Две гранаты при тебе.

- ¹²⁵ У тебя — в тылу ль, на фланге,—
Сам не знаешь, как силен,—
Бронебойки, пушки, танки.
Ты, брат,— это батальон.
Полк. Дивизия. А хочешь —
¹³⁰ Фронт. Россия! Наконец,
Я скажу тебе короче
И понятней: ты — боец.

- Ты в строю, прошу усвоить,
А быть может, год назад
¹³⁵ Ты бы здесь изведал, воин,
То, что наш изведал брат.

- Ноги б с горя не носили!
Где свои, где чьи края?
Где тот фронт и где Россия?
¹⁴⁰ По какой рубеж своя?

И однажды ночью поздно,
От деревни в стороне
Укрывался б ты в колхозной,
Например, сенной копне...

- ¹⁴⁵ Тут, озноб вдувая в души,
Долгой выгнувшись дугой,
Смертный свист скатился в уши,
Ближе, ниже, суше, глуше —
И разрыв!
За ним другой...

¹⁵⁰ — Ну, накрыл. Не даст дослушать
Человека.
— Он такой...

И за каждым тем разрывом
На примолкнувших ребят
Рваный лист, кружась лениво,
¹⁵⁵ Ветки сбитые летят.

Тянет всех, зовет куда-то,
Уходи, беда вот-вот...
Только Теркин:
— Брось, ребята,
Говорю — не попадет.

¹⁶⁰ Сам сидит как будто в кресле,
Всех страшует от огня.
— Ну, а если?..
— А уж если...
Получи тогда с меня.

Слушай лучше. Я серьезно
¹⁶⁵ Рассуждаю о войне.

Вот лежишь ты в той бесхозной,
В поле брошенной копне.

Немец где? До ближней хаты
Полверсты — ни дать ни взять,
¹⁷⁰ И приходят два солдата
В поле сена навязать.

Из копнушки вяжут сено,
Той, где ты нашел приют,

Уминают под колено
175 И поют. И что ж поют!

Хлопцы, верьте мне, не верьте,
Только врать не стал бы я,
А поют, худые черти,
Сам слышал: «Москва моя».

180 Тут состроил Теркин рожу
И привстал, держась за пень,
И запел весьма похоже,
Как бы немец мог запеть.

До того тянул он криво,
185 И смотрел при этом он
Так чванливо, так тоскливо,
Так чудно,— печенки вон!

— Вот и смех тебе. Однако
Услыха бы ты тогда
190 Эту песню,— ты б заплакал
От печали и стыда.

И смеешься ты сегодня,
Потому что, знай, боец:
Этой песни прошлогодней
195 Нынче немец не певец.

— Не певец-то — это верно,
Это ясно, час не тот...
— А деревню-то, примерно,
Вот берем — не отдает.

200 И с тоскою бесконечной,
Что, быть может, год берег,

Кто-то так чистосердечно,
Глубоко, как мех кузнечный,
Вдруг вздохнул...
— Ого, сынок!

205 Подивился Теркин вздоху,
Посмотрел,— ну, ну! — сказал,—
И такой ребячий хохот
Всех опять в работу взял.

— Ах ты, Теркин. Ну и малый.

210 И в кого ты удался,
Только мать, наверно, знала...
— Я от тетки родился.

— Теркин — теткин, елки-палки,
Сыпь еще назло врагу.

215 — Не могу. Таланта жалко.
До бомбежки берегу.
Получай тогда на выбор,
Что имею про запас.

— И за то тебе спасибо.

220 — На здоровье. В добрый час.

ЗаклЮчить теперь нельзя ли,
Что, мол, горе не беда,
Что ребята встали, взяли
Деревушку без труда?

225 Что с удачей постоянной
Теркин подвиг совершил:
Русской ложкой деревянной
Восемь фрицев уложил!

- Нет, товарищ, скажем прямо:
230 Был он долог до тоски,
Летний бой за этот самый
Населенный пункт Борки.
- Много дней прошло суровых,
Горьких, списанных в расход.
- 235 — Но позвольте,— скажут снова,—
Так о чем тут речь идет?
Речь идет о том болоте,
Где война стелила путь,
Где вода была пехоте
240 По колено, грязь — по грудь;
Где в трясине, в ржавой каше,
Безответно — в счет, не в счет —
Шли, ползли, лежали наши
Днем и ночью напролет;
- 245 Где подарком из подарков,
Как труды ни велики,
Не Ростов им был, не Харьков,
Населенный пункт Борки.
- И в глуши, в бою безвестном
250 В сосняке, в кустах сырых
Смертью праведной и честной
Пали многие из них.
- Пусть тот бой не упомянут
В списке славы золотой,
255 День придет — еще повстанут
Люди в памяти живой.

И в одной бессмертной книге
Будут все навек равны —
Кто за город пал великий,
260 Что один у всей страны;

Кто за гордую твердыню,
Что у Волги у реки,
Кто за тот, забытый ныне,
Населенный пункт Борки.

265 И Россия — мать родная —
Почесть всем отдаст сполна.
Бой иной, пора иная,
Жизнь одна и смерть одна.

О ЛЮБВИ

Всех, кого взяла война,
Каждого солдата
Проводила хоть одна
Женщина когда-то...

⁵ Не подарок, так белье
Собрала, быть может,
И что дольше без нее,
То она дороже.

И дороже этот час,
¹⁰ Памятный, особый,
Взгляд последний этих глаз,
Что забудь, попробуй.

Обойдись в пути большим,
Глупой славы ради,
15 Без любви, что видел в нем,
В том прощальном взгляде.

Он у каждого из нас
Самый сокровенный
И бесценный наш запас
20 Неприкосновенный.

Он про всякий час, друзья,
Бережно хранится.
И с товарищем нельзя
Этим поделиться.
25 Потому — он мой, он весь —
Мой, святой и скромный.
У тебя он тоже есть,
Ты подумай, вспомни.

Всех, кого взяла война,
30 Каждого солдата
Проводила хоть одна
Женщина когда-то...

И приходится сказать,
Что из всех тех женщин,
35 Как всегда, родную мать
Вспоминают меньше.

И не принято родной
Сетовать напрасно,—
В срок иной, в любви иной
40 Мать сама была женой
С тем же правом властным.

Да, друзья, любовь жены,—
Кто не знал — проверьте,—
На войне сильнее войны
45 И, быть может, смерти.

Ты ей только не перечь,
Той любви, что вправе
Ободрить, предостеречь,
Осудить, прославить.

50 Вновь достань листок письма,
Перечти сначала,
Пусть в землянке полутьма,
Ну-ка, где она сама
То письмо писала?

55 При каком на этот раз
Примостилась свете?
То ли спали в этот час,
То ль мешали дети,
То ль болела голова

60 Тяжко, не впервые,
Оттого, брат, что дрова
Не горят сырые?..

Впряжена в тот воз одна,
Разве не устанет?

65 Да зачем тебе жена
Жаловаться станет?

Жены думают, любя,
Что иное слово
Все ж скорей найдет тебя
70 На войне живого.

Нынче жены все добры,
Беззаветны в досталь,
Даже те, что до поры
Были ведьмы просто.

75 Смех — не смех, случилось мне
С женами встречаться,
От которых на войне
Только и спасаться.

Чем томиться день за днем
90 С той женою-крошкой,
Лучше ползать под огнем
Или под бомбежкой.

Лучше, пять пройдя атак,
Ждать шестую в сутки...
85 Впрочем, это только так,
Только ради шутки.

Нет, друзья, любовь жены,—
Сотню раз проверьте,—
На войне сильнее войны
90 И, быть может, смерти.

И одно сказать о ней
Вы б могли вначале:
Что короче, что длинней —
Та любовь, война ли?

95 Но, бестрепетно в лицо
Глядя всякой правде,
Я замолвил бы словцо
За любовь, представьте.

Как война на жизнь ни шла,
100 Сколько ни пахала,
Но любовь пережила
Срок ее немалый.

И недаром нету, друг,
Письмеца дороже,
105 Что из тех далеких рук,
Дорогих усталых рук
В трещинках по коже.

И не зря взываю я
К женам настоящим:
110 — Жены, милые друзья,
Вы пишите чаще.

Не ленитесь к письмецу
Приписать, что надо.
Генералу ли, бойцу
115 Это — как награда.

Нет, товарищ, не забудь
На войне жестокой:
У войны короткий путь,
У любви — далекий.

120 И ее большому дню
Сроки близки ныне.

А к чему я речь клоню?
Вот к чему, родные.

Всех, кого взяла война,
125 Каждого солдата

Проводила хоть одна
Женщина когда-то...

Но хотя и жалко мне,
Сам помочь не в силе,
130 Что остался в стороне
Теркин мой Василий.

Не случилось никого
Проводить в дорогу.

Полюбите вы его,
135 Девушки, ей-богу!

Любят летчиков у нас,
Конники в почете.

Обратитесь, просим вас,
К матушке-пехоте!

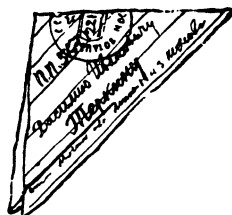
140 Пусть тот конник на коне,
Летчик в самолете,
И, однако, на войне
Первый ряд — пехоте.

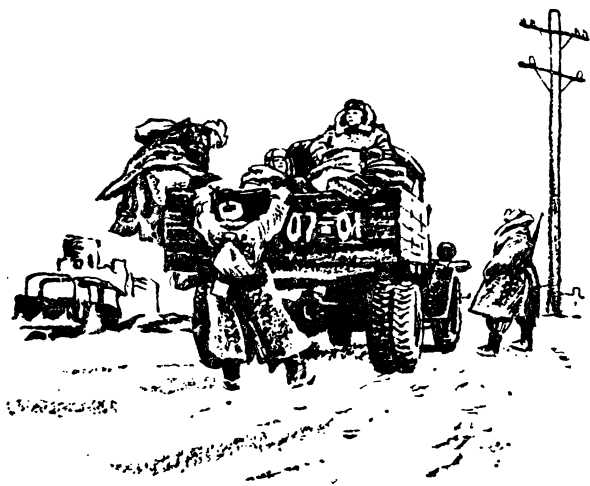
Пусть танкист красив собой
145 И горяч в работе,
А ведешь машину в бой —
Поклонись пехоте.

Пусть форсист артиллерист
В боевом расчете,
150 Отстрелялся — не гордись,
Дела суть — в пехоте.

Обойдите всех подряд,
Лучше не найдете:
Обратите нежный взгляд,
155 Девушки, к пехоте.

Полюбите молодца,
Сердце подарите,
До победного конца
Верно полюбите!

ОТДЫХ ТЕРКИНА

На войне — в пути, в теплушке,
В тесноте любой избушки,
В блиндаже иль погребушке,—
Там, где случай приведет,—

⁵ Лучше нет, как без хлопот,
Без перины, без подушки,
Примостясь кой-как друг к дружке,
Отдохнуть... Минут шестьсот.

Даже больше б не мешало,
¹⁰ Но солдату на войне
Срок такой для сна, пожалуй,
Можно видеть лишь во сне.

И представь, что вдруг, покинув
В некий час передний край,
15 Ты с попутною машиной
Попадаешь прямо в рай.

Мы здесь вовсе не желаем
Шуткой той блеснуть спроста,
Что, мол, рай с передним краем
20 Это — смежные места.

Рай по правде. Дом. Крылечко.
Веник — ноги обметай.
Дальше — горница и печка.
Все, что надо. Чем не рай?

25 Вот и в книге ты отмечен,
Раздевайся, проходи.
И плечьми у теплой печи
На свободе поведи.

Осмотришь вокруг детально,
30 Вот в ряду твоя кровать.
И учти, что это — спальня,
То есть место — специально
Для того, чтоб только спать.

Спать, солдат, весь срок недельный,
35 Самолично, безраздельно
Занимать кровать свою,
Спать в сухом тепле постельном,
Спать в одном белье нательном,
Как положено в раю.

⁴⁰ И по строгому приказу,
Коль тебе здесь быть пришлось,
Ты помимо сна обязан
Пищу в день четыре раза
Принимать. Но как? — вопрос.

⁴⁵ Всех привычек перемена
Поначалу тяжела.
Есть в раю нельзя с колена,
Можно только со стола.

И никто в раю не может
⁵⁰ Бегать к кухне с котелком,
И нельзя сидеть в одеже
И корезить хлеб штыком.

И такая уставовка
Строго-настрого дана,
⁵⁵ Что у ног твоих винтовка
Находиться не должна.

И в ущерб своей привычке
Ты не можешь за столом
Утереться рукавичкой
⁶⁰ Или — так вот — рукавом.

И когда покончишь с пищей,
Не забудь еще, солдат,
Что в раю за голенище
Ложку прятать не велят.

⁶⁵ Все такие оговорки
Разобрав, поняв путем,
Принял в счет Василий Теркин
И решил:
— Не пропадем.

Вот обед прошел и ужин.
70 — Как вам нравится у нас?
— Ничего. Немножко б хуже,
То и было б в самый раз...

Покурил, вздохнул и на бок.
Как-то странно голове.
75 Простыня — пускай одна бы,
Нет, так на, мол, сразу две.

Чистота — озноб по коже,
И неловко, что здоров,
А до крайности похоже,
80 Будто в госпитале вновь.

Бережет плечо в кровати,
Головой не повернет.
Вот и девушка в халате
Совершает свой обход.

85 Двое справа, трое слева
К ней разведчиков тотчас.
А она, как королева:
Мол, одна, а сколько вас.

Теркин смотрит сквозь ресницы:
90 О какой там речь красе.
Хороша, как говорится,
В прифронтной полосе.

Хороша, при смутном свете,
Дорога, как нет другой,
95 И видать, ребята эти
Отдохнули день, другой...

Сон-забвенье на пороге,
Ровно, сладко дышит грудь.
Ах, как холодно в дороге
¹⁰⁰ У объезда где-нибудь!

Как прохватывает ветер,
Как луна теплом бедна!
Ах, как трудно все на свете:
Служба, жизнь, зима, война.

¹⁰⁵ Как тоскует о постели
На войне солдат живой!
Что ж не спится в самом деле?
Не укрыться ль с головой?

Полчаса и час проходит,
¹¹⁰ С боку на бок, навзничь, ниц.
Хоть убейся — не выходит.
Все храпят, а ты казись.

То ли жарко, то ли зябко,
Не понять, а сна все нет.
¹¹⁵ — Да надень ты, парень, шапку,—
Вдруг дают ему совет.

Разъясняют:
— Ты не первый,
Не второй страдаешь тут.
Поначалу наши нервы
¹²⁰ Спать без шапки не дают.

И едва надел родимый
Головной убор солдат,
Боевой, пропахший дымом
И землей, как говорят,—

125 Тот, обношенный на славу
Под дождем и под огнем,
Что еще колючкой ржавой
Как-то прорван был на нем;

Тот, в котором жизнь проводишь,
130 Не снимая,— так хорош! —
И когда ко сну отходишь,
И когда на смерть идешь,—

Видит: нет, не зря послушал
Тех, что знали, в чем резон:
135 Как-то вдруг согрелись уши,
Как-то стало мягче, глуше —
И всего свернуло в сон.

И проснулся он до срока
С чувством редкостным — точь-в-точь
140 Словно где-нибудь далеко
Побывал за эту ночь;

Словно выкупался где-то,
Где — хоть вновь туда вернись —
Не зима была, а лето,
145 Не война, а просто жизнь.

И с одной ногой обутой,
Шапку снять забыв свою,
На исходе первых суток
Он задумался в раю.

150 Хороши харчи и хата,
Осуждать не станем зря,
Только, знаете, война-то
Не закончена, друзья

Посудите сами, братцы,
155 Кто б чудней придумать мог:
Раздеваться, разуваться
На такой короткий срок.

Тут обвыкнешь — сразу крышка,
Чуть покинешь этот рай.
160 Лучше скажем: передышка.
Больше время не терйй.

Закусил, собрался, вышел,
Дело было на мази.
Грузовик идет,— заслышал,
165 Голосует:
— Подвези.

И, четыре пуда грузу
Добавляя по пути,
Через борт ввалился в кузов,
Постучал: давай, крути.

170 Ехал — близко ли, далеко —
Кому надо, вымеряй.
Только, рай, прощай до срока,
И опять — передний край.

Соскочил у поворота,—
175 Глядь — и дома, у огня.
— Ну, рассказывайте, что тут,
Как тут, хлопцы, без меня?

— Сам рассказывай. Кому же
Неохота знать тотчас,
180 Как там, что в раю у вас..,

— Хорошо. Немножко б хуже,
Верно, было б в самый раз...

Хорошо поспал, богато,
Осуждать не станем зря.
185 Только, знаете, война-то
Не закончена, друзья.

Как дойдем до той границы
По Варшавскому шоссе,
Вот тогда, как говорится,
190 Отдохнем. И то не все.

А пока — в пути, в теплушке,
В тесноте любой избушки,
В блиндаже иль погребушке,
Где нам случай приведет,—
195 Лучше нет, как без хлопот,
Без перины, без подушки,
Примостясь плотней друг к дружке,
Отдохнуть.
А там — вперед.

В НАСТУПЛЕНИИ

Столько жили в обороне,
Что уже с передовой
Сами шли, бывало, кони,
Как в селе, на водопой.

⁵ И на весь тот лес обжитый,
И на весь передний край
У землянок домовитый
Раздавался песнь лай.

И прижившийся на диво,
¹⁰ Петушок — была пора —
По утрам будил комдива,
Как хозяина двора.

И во славу зимних буден
В бане — пару не жалей —
15 Секлись вениками люди
Вязки собственной своей.

На войне, как на привале,
Отдыхали про запас,
Жили, «Теркина» читали
20 На досуге.
Вдруг — приказ...

Вдруг — приказ, конец стоянке.
И уж где-то далеки
Опустевшие землянки,
Сиротливые дымки.

25 И уже обыкновенно
То, что минул целый год,
Точно день. Вот так, наверно,
И война, и все пройдет...

И солдат мой поседелый,
30 Коль останется живой,
Вспомнит: то-то было дело,
Как сражались под Москвой...

И с печалью горделивой
Он начнет в кругу внучат
35 Свой рассказ неторопливый,
Если слушать захотят...

Трудно знать. Со стариками
Не всегда мы так добры.

Там посмотрим.

А покамест

⁴⁰ Далеко до той поры.

* * *

Бой в разгаре. Дымкой синей

Серый снег заволокло.

И в цепи идет Василий,

Под огнем идет в село.

⁴⁵ И до отчего порога,
До родимого села
Через то село дорога —
Не иначе — пролегла.

Что поделаешь — иному
⁵⁰ И еще кружнее путь.
И идет иной до дому
То ли степью незнакомой,
То ль горами где-нибудь...

Низко смерть над шапкой свищет,
⁵⁵ Хоть кого согнет в дугу.

Цепь идет, как будто ищет
Что-то в поле на снегу.

И бойцам, что помоложе,
Что впервые так идут,
⁶⁰ В этот час всего дороже
Знать одно, что Теркин тут.

Хорошо — хотя ознобцем
Пронимает под огнем —
Не последним самым хлопцем
65 Показать себя при нем.

Толку нет, что в миг тоскливый,
Как снаряд берет разбег,
Теркин так же ждет разрыва,
Камнем кинувшись на снег;

70 Что над страхом меньше власти
У того в бою подчас,
Кто судьбу свою и счастье
Испытал уже не раз;

Что, быть может, эта сила
75 Уцелевшим из огня
Человека выносила
До сегодняшнего дня,—

До вот этой борозденки,
Где лежит, вобрав живот,
80 Он, обшитый кожей тонкой
Человек. Лежит и ждет...

Где-то там, за полем бранным,
Думу думает свою
Тот, по чьим часам карманным
85 Все часы идут в бою.

И за всей вокруг пальбою,
За разрывами в дыму
Он следит, владыка боя,
И решает, что к чему.

⁹⁰ Где-то там, в песчаной круче,
В блиндаже сухом, сыпучем,
Глядя в карту, генерал
Те часы свои достал;
Хлопнул крышкой, точно дверкой,
⁹⁵ Поднял шапку, вытер пот...

И дождался, слышит Теркин:
— Взвод! За Родину! Вперед!..

И хотя слова он эти —
Клич у смерти на краю —
¹⁰⁰ Сотни раз читал в газете
И не раз слышал в бою,—

В душу вновь они вступали
С одинаковою той
Властью правды и печали,
¹⁰⁵ Сладкой горечи святой;

С тою силой неизменной,
Что людей в огонь ведет,
Что за все ответ священный
На себя уже берет.

¹¹⁰ — Взвод! За Родину! Вперед!..

Лейтенант щеголеватый,
Конник, спешенный в боях,
По-мальчишески усатый,
Весельчак, плясун, казак,
¹¹⁵ Первым встал, стреляя с ходу,
Побежал вперед со взводом,
Обходя село с задов.

И пролегал уже далеко
След его в снегу глубоком —
120 Дальше всех в цепи следов.

Вот уже у крайней хаты
Поднял он ладонь к усам:
— Молодцы! Вперед, ребята! —
Крикнул так молодежато,
125 Словно был Чапаев сам.

Только вдруг вперед подался,
Оступился на бегу,
Четкий след его прервался
На снегу...

130 И нырнул он в снег, как в воду,
Как мальчонка с лодки в вир.
И пошло в цепи по взводу:
— Ранен! Ранен командир!..

Подбежали. И тогда-то,
135 С тем и будет не забыт,
Он привстал:
— Вперед, ребята!
Я не ранен. Я — убит...

Край села, сады, задворки —
В двух шагах, в руках вот-вот...
140 И увидел, понял Теркин,
Что вести его черед.

— Взвод! За Родину! Вперед!..

И доверчиво по знаку,
За товарищем спеша,
145 С места бросились в атаку
Сорок душ — одна душа...

Если есть в бою удача,
То в исходе все подряд
С похвалой, весьма горячей,
150 Друг о друге говорят.

— Танки действовали славно.
— Шли саперы молодцом.
— Артиллерия подавно
Не ударит в грязь лицом.
155 — А пехота!
— Как по нотам,
Шла пехота. Ну да что там!
Авиация — и та...

Словом, просто — красота.

И бывает так, не скроем,
160 Что успех глаза слепит:
Столько сыщется героев,
Что — глядишь — один забыт.

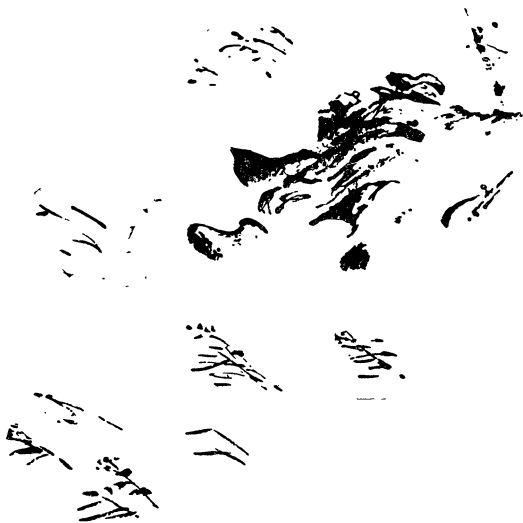
Но для точности примерной,
Для порядка генерал,
165 Кто в село ворвался первым,
Знать на месте пожелал.

Доложили, как обычно:
Мол, такой-то взял село,

Но не смог явиться лично,
170 Так как ранен тяжело.

И тогда из всех фамилий,
Всех сегодняшних имен —
Теркин — вырвалось — Василий!
Это был, конечно, он.

СМЕРТЬ И ВОИН

За далекие пригорки
Уходил сраженья жар.
На снегу Василий Теркин
Неподобранный лежал.

⁵ Снег под ним, набрякши кровью,
Взялся грудой ледяной.
Смерть склонилась к изголовью:
— Ну, солдат, пойдем со мной.

Я теперь твоя подруга,
¹⁰ Недалеко провожу,
Белой вьюгой, белой вьюгой,
Вьюгой след запорошу.

Дрогнул Теркин, замерзая
На постели снеговой.

¹⁵ — Я не звал тебя, Косая,
Я солдат еще живой.

Смерть, смеясь, нагнулась ниже:
— Полно, полно, молодец,
Я-то знаю, я-то вижу:

²⁰ Ты живой, да не жилец.

Мимоходом тенью смертной
Я твоих коснулась щек,
А тебе и незаметно,
Что на них сухой снежок.

²⁵ Моего не бойся мрака,
Ночь, поверь, не хуже дня...

— А чего тебе, однако,
Нужно лично от меня?

Смерть как будто бы замялась,

³⁰ Отклонилась от него.
— Нужно мне... такую малость,
Ну почти что ничего.

Нужен знак один согласья,
Что устал беречь ты жизнь,

³⁵ Что о смертном молишь часе...

— Сам, выходит, подпишись? —

Смерть подумала.

— Ну что же,—

Подпишись, и на покой.

— Нет, уволь. Себе дороже.

⁴⁰ — Не торгуйся, дорогой.

Все равно идешь на убыль.—
Смерть подвинулась к плечу.—
Все равно стянулись губы,
Стынут зубы...
— Не хочу.

⁴⁵ — А смотри-ка, дело к ночи,
На мороз горит заря.
Я к тому, чтоб мне короче
И тебе не мерзнуть зря...

— Потерплю.
— Ну, что ты, глупый!

⁵⁰ Ведь лежишь, всего светло.
Я б тебя тотчас тулуном,
Чтоб уже навек тепло.

Вижу, веришь. Вот и слезы,
Вот уж я тебе милей.

⁵⁵ — Врешь, я плачу от мороза,
Не от жалости твоей.

— Что от счастья, что от боли —
Все равно. А холод лют.
Завилась поземка в поле.

⁶⁰ Нет, тебя уж не найдут...

И зачем тебе, подумай,
Если кто и подберет.
Пожалеешь, что не умер
Здесь, на месте, без хлопот...

65 — Шутишь, Смерть, плетешь тенета.—
Отвернул с трудом плечо.—
Мне как раз пожить охота,
Я и не жил-то еще...

— А и встанешь, толку мало,—
70 Продолжала Смерть, смеясь.—
А и встанешь — все сначала:
Холод, страх, усталость, грязь...
Ну-ка, сладко ли, дружище,
Рассуди-ка в простоте.

75 — Что судить! С войны не взыщешь
Ни в каком уже суде.

— А тоска, солдат, в придачу:
Как там дома, что с семьей?

— Вот уж выполню задачу —
80 Кончу немца — и домой.

— Так. Допустим. Но тебе-то
И домой к чему прийти?
Догола земля раздета
И разграблена, учти.

85 Все в забросе.

— Я работник,
Я бы дома в дело вник.

— Дом разрушен.

— Я и плотник...

— Печки нету.

— И печник...

Я от скуки — на все руки,

90 Буду жив — мое со мной.

— Дай еще сказать старухе:
Вдруг придешь с одной рукой?
Иль еще каким калекой,—
Сам себе и то постыл...

⁹⁵ И со Смертью Человеку
Спорить стало свыше сил.
Истекал уже он кровью,
Коченел. Спускалась ночь...

— При одном моем условии,
¹⁰⁰ Смерть, послушай... я не прочь...

И, томим тоской жестокой,
Одинок, и слаб, и мал,
Он с мольбой, не то с упреком
Уговариваться стал:

¹⁰⁵ — Я не худший и не лучший,
Что погибну на войне.
Но в конце ее, послушай,
Дашь ты на день отпуск мне?
Дашь ты мне в тот день последний,
¹¹⁰ В праздник славы мировой,
Услыхать салют победный,
Что раздастся над Москвой?
Дашь ты мне в тот день немножко
Погулять среди живых?
¹¹⁵ Дашь ты мне в одно окошко
Постучать в краях родных?
И как выйдут на крылечко,—
Смерть, а Смерть, еще мне там
Дашь сказать одно словечко?
¹²⁰ Полсловечка?
— Нет. Не дам...

Дрогнул Теркин, замерзая
На постели снеговой.

— Так пошла ты прочь, Косая,
Я солдат еще живой

¹²⁵ Буду плакать, выть от боли,
Гибнуть в поле без следа,
Но тебе по доброй воле
Я не сдамся никогда.

— Погоди. Резон почище
¹³⁰ Я найду,— подашь мне знак...

— Стой! Идут за мною. Ищут.
Из санбата.

— Где, чудака?

— Вон, по стежке занесенной...

Смерть хохочет во весь рот:
¹³⁵ — Из команды похоронной.
— Все равно: живой народ.

Снег шуршит, подходят двое.
Об лопату звякнул лом.

— Вот еще остался воин.
¹⁴⁰ К ночи всех не уберем.
— А и то устали за день,
Доставай кисет, земляк
На покойничке присядем
Да покурим натошак.

- ¹⁴⁵ — Кабы, знаешь, до затяжки —
Щец горячих котелок.
— Кабы капельку из фляжки.
— Кабы так — один глоток.
— Или два...

- И тут, хоть слабо,
¹⁵⁰ Подал Теркин голос свой:
— Прогоните эту бабу,
Я солдат еще живой.

Смотрят люди: вот так штука!
Видят: верно,— жив солдат.

- ¹⁵⁵ — Что ты думаешь!
— А ну-ка,
Понесем его в санбат.

- Ну и редкостное дело,—
Рассуждают не спеша.—
Одно дело — просто тело,
¹⁶⁰ А тут — тело и душа.

— Еле-еле душа в теле..
— Шутки, что ль, зазяб совсем.
А уж мы тебя хотели,
Понимаешь, в наркомзем...

- ¹⁶⁵ — Не толкуй. Заждался малый.
Вырубай шинель во льду.
Поднимай.

А Смерть сказала:
— Я, однако, вслед пойду.

Земляки — они к работе
170 Приспособлены к иной.
Врете, мыслит, растрясете —
И еще он будет мой.

Два ремня да две лопаты,
Две шинели поперек.
175 — Береги, солдат, солдата.
— Понесли. Терпи, дружок.
Норовят, чтоб меньше тряски,
Чтоб ровнее как-нибудь,
Берегут, несут с опаской:
180 Смерть сторонкой держит путь.

А дорога — не дорога,—
Целина, по пояс снег.
— Отдохнули б вы немного,
Хлопцы...
— Милый человек,—
185 Говорит земляк толково,—
Не тревожься, не жалея.
Потому несем живого,
Мертвый вдвое тяжелей.

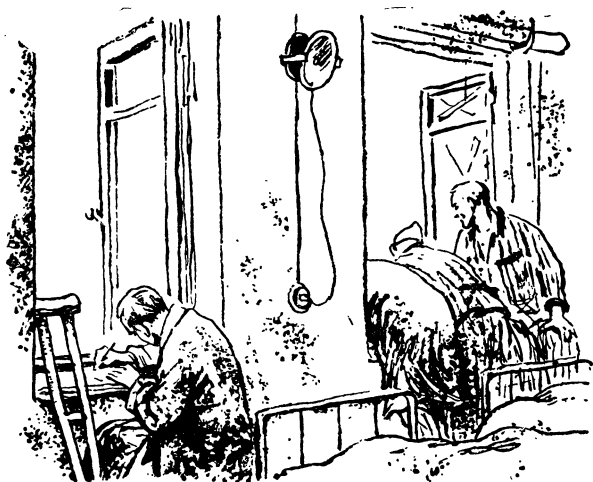
А другой:
— Оно известно,
190 А еще и то учесть,
Что живой спешит до места,—
Мертвый дома — где ни есть.

— Дело, стало быть, в привычке,—
Заключают земляки.—
195 Что ж ты, друг, без рукавички?
На-ко теплую, с руки...

И подумала впервые
Смерть, следя со стороны:
«До чего они, живые,
²⁰⁰ Меж собой свои — дружны.
Потому и с одиночкой
Сладить надобно суметь,
Нехотя даешь отсрочку».

И, вздохнув, отстала Смерть.

ТЕРКИН ПИШЕТ

...И могу вам сообщить
Из своей палаты,
Что, большой любитель жить,
Выжил я, ребята.

⁵ И хотя натер бока,
Належался лежнем,
Говорят, зато нога
Будет лучше прежней.

И намерен я опять
¹⁰ Вскоре без подмоги
Той ногой траву топтать,
Встав на обе ноги...

Озабочен я сейчас
Лишь одной задачей,
15 Чтоб попасть в родную часть,
Никуда иначе.

С нею жил и воевал,
Курс наук усвоил.
Отступая, пыль глотал,
20 Наступая, снег черпал
Валенками воин.

И покуда что она
Для меня — солдата —
Все на свете, все сполна:
25 И родная сторона,
И семья, и хата.

И охота мне скорей
К ней в ряды вклиниться
И, дождавшись добрых дней,
30 По Смоленщине своей
Топать до границы.

Впрочем, даже суть не в том,
Я скажу точнее:
Доведись другим путем
35 До конца идти, — пойдем,
Где угодно, с нею!

Если ж пуля в третий раз
Клюнет насмерть, злая,
То, по крайности, средь вас,
40 Братцы, свой последний час
Встретить я желаю.

Только с этим мы спешить
Без нужды не станем.
Я большой любитель жить,
45 Как сказал заране.

И, поскольку я спешу
Повстречаться с вами,
Генералу напишу
Теми же словами.

50 Полагаю, генерал
Как-никак уважит,—
Он мне орден выдавал,
В просьбе не откажет.

За письмом, надеюсь, вслед
55 Буду сам обратно...
Ну и повару привет
От меня двукратный.

Пусть и впредь готовит так,
Заправляя жирно,
60 Чтоб в котле стоял черпак
По команде «смирно»...

И одним слова свои
ЗаклЮчить хочу я:
Что великие бои,
65 Как погоду, чую.

Так бывает у коня
Чувство близкой свадьбы...
До того большого дня
Мне без палок встать бы!

⁷⁰ Сплю скорей да жду вестей.
Все сказал до корки...
Обнимаю вас, чертей.
Ваш
Василий Теркин.

ТЕРКИН — ТЕРКИН

Чья-то печка, чья-то хата,
На дрова распилен хлев...
Кто назябся — дело свято,
Тому надо обогрев.

⁵ Дело свято — чья там хата,
Кто их нынче разберет.
Грейся, радуйся, ребята,
Сборный, смешанный народ.

На полу тебе солома,
¹⁰ Задремалось, так ложись.
Не у тещи и не дома,
Не в раю, однако, жизнь.

- Тот сидит, разувши ногу,
Приподняв, глядит на свет.
- ¹⁵ Всю ощупывает строго,—
Узнает — его иль нет.
- Тот, шинель смахнув без страху,
Высоко задрав рубаху,
Прямо в печку хочет влезть.
- ²⁰ — Не один ты, братец, здесь.
— Отслонитесь, хлопцы. Темень...
— Что ты, правда, как тот немец...
— Нынче немец сам не тот.
- Ну, брат, он еще дает,
²⁵ Отпускает, не скупится...
— Все же с прежним не сравнится,—
Снял сапог с одной ноги.
— Дело ясное,— беги!
- Охо-хо. Война, ребятки.
- ³⁰ — А ты думал! Вот чудака.
— Лучше нет — чайку в достатке,
Хмель — он греет, да не так.
- Это чья же установка
Греться чаем? Вот и врешь.
- ³⁵ — Эй, не ставь к огню винтовку...
— А еще кулеш хорош...
- Опрокинутый истомой,
Теркин дремлет на спине,
От беседы в стороне.
- ⁴⁰ Так ли, сяк ли, Теркин дома,
То есть — снова на войне...

Это раненым известно:
Воротись ты в полк родной —
Все не то: иное место

⁴⁵ И народ уже иной.

Прибаутки, поговорки
Не такие ловит слух...
— Где-то наш Василий Теркин? —
Это слышит Теркин вдруг.

⁵⁰ Привстает, шурша соломой,
Что там дальше — подстеречь.
Никому он не знакомый —
И о нем как будто речь.

Но сквозь шум и гам веселый,
⁵⁵ Что кипел вокруг огня,
Вот он слышит новый голос:
— Это кто там про меня?..

— Про тебя? —

Без оговорки

Тот опять:

— Само собой.

⁶⁰ — Почему?

— Так я же Теркин.

Это слышит Теркин мой.

Что-то странное творится,
Непонятное уму.

Повернулись тотчас лица

⁶⁵ Молча к Теркину. К тому.

Люди вроде оробели:

— Теркин — лично?

— Я и есть.

— В самом деле?

— В самом деле.

— Хлопцы, хлопцы, Теркин здесь!

70 — Не свернете ли махорки? —

Кто-то вытащил кисет.

И не мой; а тот уж Теркин

Говорит:

— Махорки? Нет.

Теркин мой — к огню поближе,

75 Отгибает воротник.

Поглядит, а он-то рыжий —

Теркин тот, его двойник.

Если б попросту махорки

Теркин выкурил второй,

80 И не встрял бы, может, Теркин,

Промолчал бы мой герой.

Но поскольку водит носом,

Задается человек,

Теркин мой к нему с вопросом:

85 — А у вас небось «Казбек»?

Тот помедлил чуть с ответом:

Мол, не понял ничего.

— Что ж, трофейной сигаретой

Угошу.—

Возьми его!

⁹⁰ Видит мой Василий Теркин —
Не с того зашел конца.
И не то чтоб чувством горьким
Уколело молодца,—

Не любил людей спесивых,
⁹⁵ И, обиду затая,
Он сказал, вздохнув, лениво:
— Все же Теркин — это я...

Смех, волнение.
— Новый Теркин!
— Хлопцы, двое...
— Вот беда...
¹⁰⁰ — Как дойдет их до пятерки,
Разоудите нас тогда.

— Нет, брат, шутишь — отвечает
Теркин тот, поджав губу,—
Теркин — я.

— Да кто их знает,
¹⁰⁵ Не написано на лбу.

Из кармана гимнастерки
Рыжий — книжку:
— Что ж я вам...

— Точно: Теркин...
— Только Теркин
Не Василий, а Иван.

¹¹⁰ Но, уже с насмешкой глядя,
Тот ответил моему:

— Ты пойми, что рифмы ради
Можно сделать хоть Фому.

Этот выдохнул затяжку:

¹¹⁵ — Да, но Теркин-то — герой.

Тот шинелку нараспашку:

— Вот вам орден, вот другой,
Вот вам Теркин-бронейщик,
Верьте слову, не молвё.

¹²⁰ И машин подбил я больше —
Не одну, а целых две...

Теркин будто бы растерян,
Грустно шурился в огонь.

— Я бы мог тебя проверить,
¹²⁵ Будь бы здесь у нас гармонь.

Все кругом:

— Гармонь найдется,

Есть у старшего.

— Не тронь.

— Что не тронь?

— Смотри, проснется...

— Пусть проснется.

— Есть гармонь!

¹³⁰ Только взял боец трехрядку,

Сразу видно: гармонист.

Для начала, для порядку

Кинул пальцы сверху вниз.

И к мехам припал щекою,

¹³⁵ Строг и важен, хоть не брит,

И про вечер над рекою
Завернул, завел навзрыд...

Теркин мой махнул рукою:
— Ладно. Можешь,— говорит,—
140 Но одно тебя, брат, губит:
Рыжесть Теркину нейдет.

— Рыжих девки больше любят,—
Отвечает Теркин тот.

Теркин сам уже хохочет,
145 Сердцем щедрым наделен.
И не так уже хлопочет
За себя,— что Теркин он.

Чуть обидно, да приятно,
Что такой же рядом с ним.
150 Непонятно, да занятно
Всем ребятам остальным.

Молвит Теркин:
— Сделай милость,
Будь ты Теркин насовсем.
И пускай однофамилец
155 Буду я...

А тот:
— Зачем?..

— Кто же Теркин?
— Ну и лихо!.. —
Хохот, шум, неразбериха...

Встал какой-то старшина
Да как крикнет:
— Тишина!

¹⁶⁰ Что вы тут не разберете.
Не поймете меж собой?
По уставу каждой роте
Будет придан Теркин свой.

Слышно всем? Порядок ясен?
¹⁶⁵ Жалоб нету? Ни одной?
Разойдись!

И я согласен
С этим строгим старшиной.
Я бы, может быть, и взводам
Придал Теркина в друзья...

¹⁷⁰ Впрочем, все тут мимоходом
К разговору вставил я.

ОТ АВТОРА

По которой речке плыть,—
Той и сларушку творить...

С первый дней години горькой,
В тяжкий час земли родной,
⁵ Не шути, Василий Теркин,
Подружились мы с тобой.

Но еще не знал я, право,
Что с печатного столбца
Всем придется ты по нраву,
¹⁰ А иным войдешь в сердца.

До войны едва в помине
Был ты, Теркин, на Руси.

Теркин? Кто такой? А ныне
Теркин — кто такой? — спроси.

- ¹⁵ — Теркин, как же!
— Знаем.
— Дорог.
— Парень свой, как говорят.

— Словом, Теркин, тот, который
На войне лихой солдат,
На гулянке гость не лишней,
²⁰ На работе — хоть куда...

— Жаль, давно его не слышно,
Может, что худое вышло?
Может, с Теркиным беда?

- Не могло того случиться.
²⁵ — Не похоже.
— Враки.
— Вздор...

— Как же, если очевидца
Подвозил один шофер.

- В том бою лежали рядом,
Теркин будто бы привстал,
³⁰ В тот же миг его снарядом
Бронебойным — наповал.

— Нет, снаряд ударил мимо.
А слышали так, что мина..

— Пуля-дура...

— А у нас

³⁵ Говорили, что фугас.

— Пуля, бомба или мина —

Все равно, не в том вопрос.

А слова перед кончиной

Он какие произнес?

⁴⁰ — Говорил насчет победы.

Мол, вперед. Примерно так...

— Жаль,— сказал,— что до обеда

Я убитый, натошак.

Неизвестно, мол, ребята,

⁴⁵ Отправляясь на тот свет,

Как там, что: без аттестата

Признают нас или нет?

— Нет, иное почему-то

Слышал раненый боец.

⁵⁰ Молвил Теркин в ту минуту:

«Мне — копец, войне — конец».

Если так, тогда не верьте,

Разве это невдомек:

Не подвержен Теркин смерти,

⁵⁵ Коль войне не вышел срок...

Шутки, слухи в этом духе

Автор слышит не впервой.

Правда правдой остается,

А молва себе — молвой.

60 Нет, товарищи, герою,
Столько ляжку протащив,
Выходить теперь из строя? —
Извините! — Теркин жив!

Жив-здоров. Бодрей, чем прежде.

65 Помирать? Наоборот,
Я в такой теперь надежде:
Он меня переживет.

Все худое он изведаль,
Он терял родимый край

70 И одну политбеседу
Повторял:
— Не унывай!

С первых дней години горькой
Мир слышал сквозь грозный гром,—
Повторял Василий Теркин:

75 — Перетерпим. Перетрем...

Нипочем труды и муки,
Горечь бедствий и потерь.
А кому же книги в руки,
Как не Теркину теперь?!

80 Рассуди-ка, друг-товарищ,
Посмотри-ка, где ты вновь
На привалах кашу варишь,
В деревнях грызешь морковь.

Снова воду привелось
85 Из какой черпать реки!
Где стучат твои колеса,
Где ступают сапоги!

Оглянись, как встал с рассвета
Или ночь не спал, солдат,
90 Был иль не был здесь два лета,
Две зимы тому назад.

Вся она — от Подмосковья
И от волжского верховья
До Днепра и Заднепровья —
95 Вдаль на запад сторона,—
Прежде отданная с кровью,
Кровью вновь возвращена.

Вновь отныне это свято:
Где ни свет, то наша хата,
100 Где ни дым, то наш костер,
Где ни стук, то наш топор,
Что ни груз идет куда-то,—
Наш маршрут и наш мотор!

И такую-то махину,
105 Где гони, гони машину,—
Есть где ехать вдаль и вширь,
Он пешком, не вполовину,
Всю промерил, богатырь.

Богатырь не тот, что в сказке —
110 Беззаботный великан,
А в походной запояске,
Человек простой закваски,
Что в бою не чужд опаски,
Коль не пьян. А он не пьян.

115 Но покуда вздох в запасе,
Толку нет о смертном часе.

В муках тверд и в горе горд,
Теркин жив и весел, черт!

Праздник близок, мать-Россия,
¹²⁰ Оберни на запад взгляд:
Далеко ушел Василий,
Вася Теркин, твой солдат.

То серьезный, то потешный,
Нипочем что дождь, что снег,—
¹²⁵ В бой, вперед, в огонь кромешный
Он идет, святой и грешный,
Русский чудо-человек.

Разносись, молва, по свету:
Объявился старый друг...
¹³⁰ — Ну-ка, к свету.
— Ну-ка, вслух.

ДЕД И БАБА

Третье лето. Третья осень.
Третья озимь ждет весны.
О своих нет-нет и спросим
Или вспомним средь войны.

⁵ Вспомним с нами отступавших,
Воевавших год иль час,
Павших, без вести пропавших,
С кем видались мы хоть раз,
Провожавших, вновь встречавших,

¹⁰ Нам попить воды подавших,
Помолившихся за нас.

Вспомним вьюгу-завируху
Прифронтовой полосы,

Хату с дедом и старухой,
15 Где наш друг чинил часы.

Им бы не было износу
Впредь до будущей войны,
Но, как водится, без спросу
Снял их немец со стены:

20 То ли вещью драгоценной
Те куранты посчитал,
То ль решил с нужды военной,—
Как-никак цветной металл.

Шла зима, весна и лето,
25 Немец жить велел живым.
Шла война далеко где-то
Чередом глухим своим.

И в твоей родимой речке
Мылся немец тыловой.
30 На твоём сидел крылечке
С непокрытой головой.

И кругом его порядки,
И немецкий, привозной
На смоленской узкой грядке
35 Зеленел салат весной.

И ходил' сторонкой, боком
Ты по улочке своей,—
Уберегся ненароком,
Жить живи, дышать не смей.

⁴⁰ Так и жили дед да баба
Без часов своих давно,
И уже светилось слабо
На пустой стене пятно...

Но со страстью неизменной
⁴⁵ Дед судил, рядил, гадал
О кампании военной,
Как в отставке генерал.

На дорожке возле хаты
Костылем старик чертил
⁵⁰ Окруженья и охваты,
Фланги, клинья, рейды в тыл...

— Что ж, за чем там остановка? —
Спросят люди.— Срок не мал...
Дед-солдат моргал неловко,
⁵⁵ Кашлял:
— Перегруппировка... —
И таинственно вздыхал.

У людей уже украдкой
Наготове был упрек,
Словно добрую догадку
⁶⁰ Дед по скупости берег.

Словно думал подороже
Запросить с души живой.
— Дед, когда же?
— Дед, ну что же?
— Где ж он, дед, Буденный твой?

⁶⁵ И едва войны погудки
Заводил вдали восток,

Дед, не медля ни минутки,
Объявил, что грянул срок.

Отличал тотчас по слуху
70 Грохот наших батарей.
Бегал, топал:
— Дай им духу!
Дай еще! Добавь! Прогрей!

Но стихала канонада,
Потухал зарниц пожар,
75 — Дед, ну что же?
— Думать надо,
Здесь не главный был удар.

И уже казалось деду,—
Сам хотел того иль нет,—
Перед всеми за победу
80 Лично он держал ответ.

И, тая свою кручину,
Для всего на свете он
И угадывал причину,
И придумывал резон.

85 Но когда пора настала,
Долгожданный вышел срок,
То впервые воин старый
Ничего сказать не мог...

Все тревоги, все заботы
90 У людей слились в одну:
Чтоб за час до той свободы
Не постигла смерть в плену.

* * *

В ночь, как все, старик с женой
Поселились в яме.
95 А война — не стороной,
Нет, над головами.

Довелось под старость лет:
Ни в пути, ни дома,
А у входа на тот свет
100 Ждать в часы приема.

Под накатом из жердей,
На мешке картошки,
С узелком, с горшком углей,
С курицей в лукошке...

105 Две войны прошел солдат
Целый, невредимый.
Пошадь его, снаряд,
В конопле родимой!

Просвисти над головой,
110 Но вблизи не падай,
Даже если ты и свой,—
Все равно не надо!

Мелко крестится жена,
Сам не скроешь дрожи:
115 Ведь живая смерть страшна
И солдату тоже.

Стихнул грохот огневой
С полночи впервые.
Вдруг — шаги за коноплей.
120 — Ну, идут... немые...

По картофельным рядам
К погребушке прямо.
— Ну, старик, не выйти нам
Из готовой ямы.

125 Но старик встает, плюет
По-мужицки в руку,
За топор — и наперед:
Заслонил старуху.

Гибель верную свою,
130 Как тот миг ни горек,
Порешил встречать в бою,
Держит свой топорик.

Вот шаги у края — стоп!
И на шубу глухо
135 Осыпается окоп.
Обмерла старуха.

Все же вроде как жива,—
Наше место свято,—
Слышит русские слова:
140 — Жители, ребята!..

— Детки! Родненькие... Детки!.. —
Уронил топорик дед.
— Мы, отец, еще в разведке,
Тех встречай, что будут вслед.

¹⁴⁵ На подбор орлы-ребята,
Молодец до молодца.
И старшой у аппарата,—
Хоть ты что, знаком с лица.

— Закурить? Верти, папаша.—
¹⁵⁰ Дед садится, вытер лоб.
— Ну, ребята, счастье ваше —
Голос подали. А то б...

И старшой ему кивает:
— Ничего. На том стоим.
¹⁵⁵ На войне, отец, бывает —
Попадает по своим.

— Точно так.— И тут бы деду
В самый раз, что покурить,
В самый раз продлить беседу:
¹⁶⁰ Столько ждал! — Поговорить.

Но они спешат не в шутку.
И еще не снялся дым...
— погоди, отец, минутку,
Дай сперва освободим...

¹⁶⁵ Молодец ему при этом
Подмигнул для красоты,
И его по всем приметам
Дед узнал:
— Так это ж ты!

Друг-знакомец, мастер-ухарь,
¹⁷⁰ С кем сидели у стола.

Погляди скорей, старуха!
Узнаешь его, орла?

Та как глянула:
— Сыночек!
Голубочек. Вот уж гость.
¹⁷⁵ Может, сала съешь кусочек,
Воевал, устал небось?

Смотрит он; шутник тот самый:
— Закусить бы счел за честь,
Но ведь нету, бабка, сала?
¹⁸⁰ — Да и нет, а все же есть...

— Значит, цел, орел, покуда.
— Ну, отец, не только цел:
Отступал солдат отсюда,
А теперь, гляди, кто буду,—
¹⁸⁵ Вроде даже офицер.

— Офицер? Так-так. Понятно,—
Дед кивает головой.—
Ну, а если... на попятный,
То опять как рядовой?..

¹⁹⁰ — Нет, отец, забудь. Отныне
Нерушим простой завет:
Ни в большом, ни в малом чине
На попятный ходу нет.

Откажи мне в черствой корке,
¹⁹⁵ Прогони тогда за дверь.

Это я, Василий Теркин,
Говорю. И ты уж верь.

— Да уж верю! Как получше,
На какой теперь манер:
²⁰⁰ Господин, сказать, поручик
Иль товарищ офицер?

— Стар годами, слаб глазами,
И, однако, ты, старик,
За два года с господами
²⁰⁵ К обращению привык...

Дед — плеваться, а старуха,
Подпершись одной рукой,
Чуть склонясь и эту руку
Взявши под локоть другой,
²¹⁰ Все смотрела, как на сына
Смотрит мать из уголка.

— Закуси еще, — просила, —
Закуси, поешь пока...

И спешил, а все ж отведал,
²¹⁵ Угостился, как родной.
Табак у отсыпал деду
И простился.

— Связь, за мной! —
И уже пройдя немного, —
Мастер память и тут, —
²²⁰ Теркин будто бы с порога

Про часы спросил:

— Идут?

— Как не так! — и вновь причина
Бабе кинуться в слезу.

— Будет, бабка! Из Берлина
²²⁵ Двое новых привезу.

НА ДНЕПРЕ

За рекой еще Угрою,
Что осталась позади,
Генерал сказал герою:
— Нам с тобою по пути...

⁵ Вот, казалось, парню счастье,
Наступать расчет прямой:
Со своей гвардейской частью
На войне придет домой.

Но едва ль уже мой Теркин,
¹⁰ Жизнью третий человек,
При девчонках на вечерке
Помышлял курить «Казбек»...

Все же с каждым переходом,
С каждым днем, что ближе к ней,
15 Сторона, откуда родом,
Земляку была больней.

И в пути, в горячке боя,
На привале и во сне
В нем жила сама собою
20 Речь к родимой стороне:

— Мать-земля моя родная,
Сторона моя лесная,
Приднепровский отчий край,
Здравствуй, сына привечай!

25 Здравствуй, пестрая осинка,
Ранней осени краса,
Здравствуй, Ельня, здравствуй, Глинка,
Здравствуй, речка Лучеса...

Мать-земля моя родная,
30 Я твою изведал власть,
Как душа моя больная
Издали к тебе рвалась!

Я загнул такого крюку,
Я прошел такую даль,
35 И видал такую муку,
И такую знал печаль!

Мать-земля моя родная,
Дымный дедовский большак,
Я про то не вспоминаю,
40 Не хвалюсь, а только так!..

Я иду к тебе с востока,
Я тот самый, не иной.
Ты взгляни, вздохни глубоко.
Встреться наново со мной.

⁴⁵ Мать-земля моя родная,
Ради радостного дня
Ты прости, за что — не знаю,
Только ты прости меня!..

Так в пути, в горячке боя,
⁵⁰ В суете хлопот и встреч
В нем жила сама собою
Эта песня или речь.

Но война — ей все едино,
Все — хорошие края:
⁵⁵ Что Кавказ, что Украина,
Что Смоленщина твоя.

Через реки и речонки,
По мостам, и вплавь, и вброд,
Мимо, мимо той сторонки
⁶⁰ Шла дивизия вперед.

А левее той порою,
Ранней осенью сухой,
Занимал село героя
Генерал совсем другой...

⁶⁵ Фронт полнел, как половодье,
Вширь и вдаль. К Днепру, к Днепру
Кони шли, прося поводья,
Как с дороги ко двору.

И в пыли, рябой от пота,
70 Фронтовой смеялся люд:
Хорошо идет пехота,
Раз колеса отстают.

Нипочем, что уставали
По пути к большой реке
75 Так, что ложку на привале
Не могли держать в руке.

Вновь сильны святым порывом,
Шли вперед своим путем,
Со страдальчески-счастливым,
80 От жары открытым ртом.

Слева наши, справа наши,
Не отстать бы на ходу.
— Немец кухни с теплой кашей
Второпах забыл в саду.

85 — Подпереть его да в воду.
— Занял берег, сукин сын!
— Говорят, уж занял с ходу
Населенный пункт Берлин...

Золотое бабье лето
90 Оставляя за собой,
Шли войска — и вдруг с рассвета
Наступил днепровский бой...

Может быть, в иные годы,
Очищая русла рек,
95 Все, что скрыли эти воды,
Вновь увидит человек.

Обнаружит в илах сонных,
Извлечет из рыбьей мглы,
Как стволы дубов мореных,
¹⁰⁰ Орудийные стволы;

Русский танк с немецким в паре,
Что нашли один конец,
И обоих полушарий
Сталь, резину и свинец;

¹⁰⁵ Хлам войны — понтона днище,
Трос, оборванный в песке,
И топор без топорща,
Что сапер держал в руке.

Может быть, куда как пуше
¹¹⁰ И об этом топоре
Скажет кто-нибудь в грядущей
Громкой песне о Днестре;

О страде неимоверной
Кровью памятного дня.

¹¹⁵ Но о чем-нибудь, наверно,
Он не скажет за меня.

Пусть не мне еще с задачей
Было сладить. Не беда.
В чем-то я его богаче,—
¹²⁰ Я ступал в тот след горячий.
Я там был. Я жил тогда...

Если с грузом многотонным
Отстают грузовики,

И когда-то мост понтонный
125 Доберется до реки,—

Под огнем не ждет пехота,
Уставной держась статьи,
За паром идут ворота;
Доски, бревна,— за ладьи.

130 К ночи будут переправы,
В срок поднимутся мосты,
А ребятам берег правый
Свесил на воду кусты.

Подплывай, хватай за гриву,
135 Словно доброго коня.
Передышка под обрывом
И защита от огня.

Не беда, что с гимнастерки,
Со всего ручьем течет..
140 Точно так Василий Теркин
И вступил на берег тот.

На заре туман кудлатый,
Спутав дымы и дымки,
В берегах сползал куда-то,
145 Как река поверх реки.

И еще в разгаре боя,
Нынче, может быть, вот-вот,
Вместе с берегом, с землею
Будет в воду сброшен взвод.

150 Впрочем, всякое привычно,—
Срок войны, что жизни век.

От заставы пограничной
До Москвы-реки столичной
И обратно — столько рек!

¹⁵⁵ Вот уже боец последний
Вылезает на песок
И жует сухарь немедля,
Потому — в Днепре намок.

Мокрый сам, шуршит штанами.
¹⁶⁰ Ничего! — На то десант.
— Наступаем. Днепр за нами,
А, товарищ лейтенант?..

Бой гремел за переправу,
А внизу, южнее чуть —
¹⁶⁵ Немцы с левого на правый,
Запоздав, держали путь.

Но уже не разминутся,
Теркин строго говорит:
— Пусть на левом в плен сдаются,
¹⁷⁰ Здесь пока прием закрыт.

А на левом с ходу, с ходу
Подоспевшие штыки
Их толкали в воду, в воду,
А вода себе теки...

¹⁷⁵ И еще меж берегами
Без разбору, наугад
Бомбы свои помогали
Загонять, стелить накат.

Но уже из погребушек,
180 Из кустов, лесных берлог
Шел народ — родные души —
По обочинам дорог...

К штабу на берег восточный
Плелся стежкой, стороной
185 Некий немец беспорочный,
Веселя народ честной.

— С переправы?
— С переправы.
Только-только из Днeпра.
— Плавал, значит?
— Плавал, дьявол,
190 Потому — пришла жара...

— Сытый, черт!
Чистопородный.
— В плен спешит, как на привал...

Но уже любимец взводный —
Теркин, в шулки не встречал.
195 Он курил, смотрел нестрого,
Думой занятый своей.
За спиной его, дорога
Много раз была длинней.
И молчал он не в обиде,
200 Не кому-нибудь в упрек, —
Просто больше знал и видел,
Потерял и уберег...

— Мать-земля моя родная,
Вся смоленская родня,

205 Ты прости, за что — не знаю,
Только ты прости меня!
Не в плену тебя жестоком,
По дороге фронтовой,
А в родном тылу глубоком
210 Оставляет Теркин твой.
Минул срок години горькой,
Не воротится назад.

— Что ж ты, брат, Василий Теркин,
Плачешь вроде?..
— Виноват...

ПРО СОЛДАТА-СИРОТУ

Нынче речи о Берлине.
Шутки прочь,— подай Берлин.
И давно уж не в помине,
Скажем, древний город Клин.

⁵ И на Одере едва ли
Вспомнят даже старики,
Как полгода с бою брали
Населенный пункт Борки.

А под теми под Борками
¹⁰ Каждый камень, каждый кол
На три жизни вдался в память
Нам с солдатом-земляком.

Был земляк не стар, не молод,
На войне с того же дня
15 И такой же был веселый,
Наподобие меня.

Приходилось парню драпать,
Бодрый дух всегда берег,
Повторял: «Вперед, на запад»,
20 Продвигаясь на восток.

Между прочим, при отходе,
Как сдавали города,
Больше вроде был он в моде,
Больше славился тогда.

25 И по странности, бывало,
Одному ему почет,
Так: что даже генералы
Были будто бы не в счет.

Срок иной, иные даты.
30 Разделен издревле труд:
Города сдают солдаты,
Генералы их берут.

В общем, битый, тертый, жженный,
Раной меченный двойной,
35 В сорок первом окруженный,
По земле он шел родной.

Шел солдат, как шли другие,
В неизвестные края:
«Что там, где она, Россия,
40 По какой рубеж своя?..»

И в плену семью кидая,
За войной спеша скорей,

Что он думал, не гадаю,
Что он нес в душе слъчей.

45 Но какая ни морока,
Правда правдой, ложью ложь.
Отступали мы до срока,
Отступали мы далеко,
Но всегда твердили:
— Врешь!..

50 И теперь взглянуть на запад
От столицы. Край родной!
Не на шутку был он заперт
За железною стеной.

И до малого селенья
55 Та из плена сторона
Не по щучьему веленью
Вновь сполна возвращена,

По веленью нашей силы,
Русской, собственной своей.
60 Ну-ка, где она, Россия,
У каких гремит дверей!

И, навеки сбив охоту
В драку лезть на свой авось,
Враг ее — какой по счету! —
65 Пал ничком и лапы врозь.

Над какой столицей круто
Взмыл твой флаг, отчизна-мать!
Подождемте до салюта,
Чтобы в точности сказать.

70 Срок иной, иные даты.
Правда, ноша не легка...

Но продолжим про солдата,
Как сказали, земляка.

Дом родной, жена ли, дети,
75 Брат, сестра, отец иль мать
У тебя вот есть на свете,—
Есть куда письмо послать.

А у нашего солдата —
Адресатом белый свет.
80 Кроме радио, ребята,
Блиzkих родственников нет.

На земле всего дороже,
Коль имеешь про запас
То окно, куда ты сможешь
85 Постучаться в некий час.

На походе за границей,
В чужедадьней стороне,
Ах, как бережно хранится
Большая мечта о том окне!

90 А у нашего солдата,—
Хоть сейчас войне отбой,—
Ни окошка нет, ни хаты,
Ни хозяйки, хоть женатый,
Ни сынка, а был, ребята,—
95 Рисовал дома с трубой...

Под Смоленском наступали.
Выпал отдых. Мой земляк
Обратился на привале
К командиру: так и так,—

¹⁰⁰ Отлучиться разрешите,
Дескать, случай дорогой,
Мол, поскольку местный житель,
До двора — подать рукой.

Разрешают в меру срока...
¹⁰⁵ Край известный до куста.
Но глядит — не та дорога,
Местность будто бы не та.

Вот и взгорье, вот и речка,
Глушь, бурьян солдату в рост,
¹¹⁰ Да на столбике дощечка,
Мол, деревня Красный Мост.

И нашлись, что были живы,
И скажи ему спроста
Все по правде, что служивый —
¹¹⁵ Достоверный сирота.

У дощечки на развилке,
Сняв пилотку, наш солдат
Постоял, как на могилке,
И пора ему назад.

¹²⁰ И, подворье покидая,
За войной спеша скорей,
Что он думал, не гадаю,
Что он нес в душе своей...

Но, бездомный и безродный,
¹²⁵ Воротившись в батальон,
Ел солдат свой суп холодный
После всех, и плакал он.

На краю сухой канавы,
С горькой, детской дрожью рта,
¹³⁰ Плакал, сидя с ложкой в правой,
С хлебом в левой,— сирота.

Плакал, может быть, о сыне,
О жене, о чем ином,
О себе, что знал: отныне
¹³⁵ Плакать некому о нем.

Должен был солдат и в горе
Закусить и отдохнуть,
Потому, друзья, что вскоре
Ждал его далекий путь.

¹⁴⁰ До земли советской края
Шел тот путь в войне, в труде.

А война пошла такая —
Кухни сзади, черт их где!

Позабудешь и про голод
¹⁴⁵ За хорошею войной.
Шутки, что ли, сутки — город,
Двое суток — областной.

Срок иной, пора иная —
Бей, гони, перенимай.
¹⁵⁰ Белоруссия родная,
Украина золотая,
Здравствуй, пели, и прощай.

Позабудешь и про жажду,
Потому что пиво пьет
¹⁵⁵ На войне отнюдь не каждый
Тот, что брал пивной завод.

Так-то с ходу ли, не с ходу,
Соступив с родной земли,
Пограничных речек воду
160 Мы с боями перешли.

Счет сведен, идет расплата
На свету, начистоту.
Но закончим про солдата,
Про того же сироту.

165 Где он нынче на поверку.
Может, пал в бою каком,
С мелкой надписью фанерку
Занесло сырым снежком.

Или снова был он ранен,
170 Отдохнул, как долг велит,
И опять на поле брани
Вместе с нами брал Тильзит?

И, Россию покидая,
За войной спеша скорей,
175 Что он думал, не гадаю,
Что он нес в душе своей.

Может, здесь еще бездомней
И больней душе живой.
Так ли, нет,— должны мы помнить
180 О его слезе святой.

Если б ту слезу руками
Из России довелось
На немецкий этот камень
Донести,— прожгла б насквозь.

- 185 Счет велик, идет расплата.
И за той большой страдой
Не забудемте, ребята,
Вспомним к счету про солдата,
Что остался сиротой.
- 190 Грозен счет, страшна расплата
За миллионы душ и тел.
Уплати — и дело свято,
Но вдобавок за солдата,
Что в войне осиротел.
- 195 Далеко ли до Берлина,
Не считай, шагай, смоли,—
Вдвое меньше половины
Той дороги, что от Клина,
От Москвы уже прошли.
- 200 День идет за ночью следом,
Подведем штыком черту.
Но и в светлый день победы
Вспомним, братцы, за беседой
Про солдата-сироту...

ПО ДОРОГЕ НА БЕРЛИН

По дороге на Берлин
Вьется серый пух перин.

Провода умолкших линий,
Ветки вымокшие лип
5 Пух перин повил, как иней,
По бортам машин налип.

И колеса пушек, кухонь
Грязь и снег мешают с пухом.
И ложится на шинель
10 С пухом мокрая метель...

Скучный климат заграничный,
Чуждый край краснокирпичный,

Но война сама собой,
И земля дрожит привычно,
15 Хрусткий щебень черепичный
Отряхая с крыш долой...

Мать-Россия, мы полсвета
У твоих прошли колес,
Позади оставив где-то
20 Рек твоих раздольный плес.

Долго-долго за обозом
В край чужой тянулся вслед
Белый цвет твоей березы
И в пути сошел на нет.
25 С Волгой, с древнею Москвою
Как ты нынче далека!
Между нами и тобою —
Три не наших языка.

Поздний день встает не русский
30 Над немилрой стороной.
Черепичный щебень хрусткий
Мокнет в луже под стеной.

Всюду надписи, отметки,
Стрелки, вывески, значки,
35 Кольца проволочной сетки,
Загородки, дверцы, клетки —
Все нарочно для тоски...

Мать-земля родная наша,
В дни беды и в дни побед
40 Нет тебя светлей и краше
И желанней сердцу нет.

Помышляя о солдатской
Непредсказанной судьбе,
Даже лечь в могиле братской
45 Лучше, кажется, в тебе.

А всего милей до дому,
До тебя дойти живому,
Заявиться в те края:
— Здравствуй, родина моя!

50 Воин твой, слуга народа,
С честью может доложить:
Воевал четыре года,
Воротился из похода
И теперь желает жить.

55 Он исполнил долг во славу
Боевых твоих знамен.
Кто еще имеет право
Так любить тебя, как он!

День и ночь в боях сменяя,
60 В месяц шапки не снимая,
Воин твой, защитник-сын,
Шел, спешил к тебе, родная,
По дороге на Берлин...

По дороге неминучей
65 Пух перин клубится тучей.
Городов горелый лом
Пахнет паленым пером.

И под грохот канонады
На восток, из мглы и смрада,
70 Как из адовых ворот,
Вдоль шоссе течет народ.

Потрясенный, опаленный,
Всех кровей, разноплеменный,
Горький, выучный, пеший люд...
75 На восток — один маршрут.

На восток, сквозь дым и копоть,
Из одной тюрьмы глухой
По домам идет Европа.
Пух перин над ней пургой.

80 И на русского солдата
Брат француз, британец брат,
Брат поляк и все подряд
С дружбой будто виноватой,
Но сердечною глядят.

85 На безвестном перекрестке
На какой-то встречный миг —
Сами тянутся к прическе
Руки девушек немых.

И от тех речей, улыбок
90 Залит краской сам солдат:
Вот Европа, а спасибо
Все по-русски говорят.

Он стоит, освободитель,
Набок шапка со звездой.
95 Я, мол, что ж, помочь любитель,
Я насчет того простой.
Мол, такая служба наша,
Прочим флагам не в упрек...

— Эй, а ты куда, мамаша?
¹⁰⁰ — А туда ж,— домой, сынок.

В чужине, в пути далече,
В пестром сборище людском
Вдруг слова родимой речи,
Бабка в шубе, с посошком.

¹⁰⁵ Старость вроде, да не дряхлость
В ту котомку впряжена.
По-дорожному крест-накрест
Вся платком оплетена.

Поздоровалась и встала,
¹¹⁰ Земляку-бойцу под стать,
Деревенская, простая
Наша труженица-мать.

Мать святой извечной силы,
Из безвестных матерей,
¹¹⁵ Что в труде неизносимы
И в любой беде своей;

Что судьбою, повторенной
На земле сто раз подряд,
И растят в любви бессонной,
¹²⁰ И теряют нас, солдат;

И живут, и рук не сложат,
Не сомкнут своих очей,
Коль нужны еще, быть может,
Внукам вместо сыновей.

¹²⁵ Мать одна в чужбине где-то!
— Далеко ли до двора?

— До двора? Двора-то нету,
А сама из-за Днепра...

Стой, ребята, не годится,
¹³⁰ Чтобы этак с посошком
Шла домой из-за границы
Мать солдатская пешком.

Нет, родная, по порядку
Дай нам делать, не мешай.
¹³⁵ Перво-наперво лошадку
С полной сбруей получай.

Получай экипировку,
Ноги ковриком укрой.
А еще тебе коровку
¹⁴⁰ Вместе с приданной овцой.

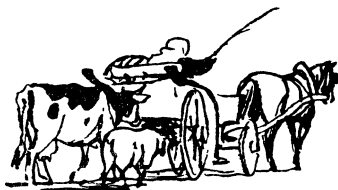
В путь-дорогу чайник с кружкой
Да ведро про запас,
Да перинку, да подушку,—
Немцу в тягость, нам как раз...

¹⁴⁵ — Ни к чему. Куда, родные? —
А ребята — нужды нет —
Волокут часы стенные
И ведут велосипед.

— Ну, прощай, Счастливо ехать! —
¹⁵⁰ Что-то силится сказать
И закашлялась от смеха,
Головой качает мать.

— Как же, детки, путь не близкий,
Вдруг задержат где меня:
¹⁵⁵ Ни записки, ни расписки
Не имею на коня.

- Ты об этом не печалься,
Поезжай да поезжай.
Что касается начальства,—
¹⁶⁰ Свой у всех передний край.
- Поезжай, кати, что с горки,
А случится что-нибудь,
То скажи, не забудь:
Мол, снабдил Василий Теркин,—
¹⁶⁵ И тебе свободен путь.
- Будем живы, в Заднепровье
Завернем на пироги.
— Дай господь тебе здоровья
И от пули сбереги...
- ¹⁷⁰ Далеко, должно быть, где-то
Едет нынче бабка эта.
Правит, щурится от слез.
И с боков дороги узкой,
На земле еще не русской —
¹⁷⁵ Белый цвет родных берез.
- Ах, как радостно и больно
Видеть их в краю ином!..
- Пограничный пост контрольный,
Пропусти ее с конем!

В БАНЕ

На околице войны —
В глубине Германии —
Баня! Что там Сандуны
С остальными банями!

⁵ На чужбине отчий дом —
Баня натуральная.
По порядку поведем
Нашу речь похвальную.

Дом ли, замо́к, все равно,
¹⁰ Дело безобманное:
Баннный пар занес окно
Пеленой туманною.

Стулья графские стоят
Вдоль стены в предбаннике.
15 Снял подштанники солдат,
Докурил без паники.

Докурил, рубаху с плеч
Тащит через голову.
Про солдата в бане речь,—
20 Поглядим на голого.

Невысок, да грудь вперед
И в кости надежен.
Телом бел,— который год
Загорал в одеже.

25 И хоть нет сейчас на нем
Форменных регалий,
Что знаком солдат с огнем,
Сразу б угадали.

Подивились бы спроста,
30 Что остался целым.
Припечатана звезда
На живом, на белом.

Неровна, зато красна,
Впрямь под стать награде,
35 Пусть не спереди она,—
На лопатке сзади.

С головы до ног мельком
Осмотреть атлета:
Там еще рубец стручком,
40 Там иная мета.

Знаки, точно письма
Памятной страницы.
Тут и Ельня, и Десна,
И родная сторона
45 В строку с заграницей.

Столько верст и столько ве
Не забыть иную.
Но разделся человек,
Так идет в парную.

50 Он идет, но как идет,
Проследим сторонкой:
Так ступает, точно лед
Под ногами тонкий;

Будто делает с трудом
55 Шаг — и непременно:
— Ух, ты! — крикает, притом
Щурится блаженно.

Говор, плеск, веселый гул,
Капли с потных сводов...
60 Ищет, руки протянув,
Прежде пар, чем воду.

Пар бодает в потолок.
Ну-ка, с ходу на полки!

В жизни мирной или бранной,
65 У любого рубежа,
Благодарны ласке банной
Наше тело и душа.

Ничего, что ты природой
Самый русский человек,
70 А берешь для бани воду
Из чужих, далеких рек.

Много хуже для здоровья,
По зиме ли, по весне,
Возле речек Подмосковья
75 Мыться в бане на войне.

— Ну-ка ты, псковской, елецкий
Иль еще какой земляк,
Зачерпни воды немецкой
Да уважь, плесни черпак.

80 Не жалея, добавь на пфенниг,
А теперь погладить швы
Дайте, хлопцы, русский веник,
Даже если он с Литвы.

Честь и слава помпохозу,
85 Снаряжавшему обоз,
Что советскую березу
Аж за Кенигсберг завез.

Эй, славяне, что с Кубани,
С Дона, с Волги, с Иртыша,
90 Занимай высоты в бане,
Закрепляйся не спеша!

До того, друзья, отлично
Так-то всласть, не торопясь,
Парить веником привычным
95 Заграничный пот и грязь.

Пар на славу, молодецкий,
Мокрым доскам горячо.
Ну-ка, где ты, друг елецкий,
Кинь гвардейскую еще!

¹⁰⁰ Кинь еще, а мы освоим
С прежней дачей заодно.
Вот теперь спасибо, воин,
Отдыхай. Теперь — оно!

Кто не нашей подготовки,
¹⁰⁵ Того с полу на полок
Не встануть и на веревке,—
Разве только через блок.

Тут любой старик любитель,
Сунься только, как ни рьян.
¹¹⁰ Больше двух минут не житель,
А и житель — не родитель,
Потому не даст семян.

Нет, куда, куда, куда там,
Хоть кому, кому, кому
¹¹⁵ Братся париться с солдатом,—
Даже черту самому.

Пусть он жиловатый парень,
Да такими вряд ли он,
Как солдат, жарам жарен
¹²⁰ И морозами печен.

Пусть он, в общем, тертый малый,
Хоть, понятно, черта нет,
Да поди сюда, пожалуй,
Так узнаешь, где тот свет.

125 На полкѣ, полкѣ, что тесан
Мастерами на войне,
Ходит веник жарким чесом
По малиновой спине.

Человек поет и стонет,

130 Просит:
— Гуще вагнетай.—
Стонет, стонет, а не донят:
— Дай! Дай! Дай! Дай!

Не допариться в охоту,
В меру тела для бойца —

135 Все равно что немца с ходу
Не доделать до конца.

Нет, тесни его, чтоб вскоре
Опрокинуть навзничь в море,
А который на земле —

140 Истоloch живьем в «котле».

И за всю войну впервые —
Немца нет перед тобой.
В честь победы огневые
Грянут следом за Москвой.

145 Грянет залп многоголосый,
Заглушая шум волны.
И пошли стволы, колеса
На другой конец войны.

С песней тронулись колонны
150 Не в последний ли поход?
И ладонью запыленной
Сам солдат слезу утрет.

Кто-то свистнет, гикнет кто-то,
Грусть растает, как дымок.
¹⁵⁵ И война — не та работа,
Если праздник недалек.

И война — не та работа,
Ясно даже простаку,
Если по три самолета
¹⁶⁰ В помощь придано штыку.

И не те как будто люди,
И во всем иная стать.
Если танков и орудий —
Сверх того, что негде стать.

¹⁶⁵ Сила силе доказала:
Сила силе — не ровня.
Есть металл прочней металла,
Есть огонь страшней огня!

Бьют Берлину у заставы
¹⁷⁰ Судный час часы Москвы...

А покамест суд да справа —
Пропотел солдат на славу,
Кость прогрел, разгладил швы,
Новый с ног до головы —
¹⁷⁵ И слезай, кончай забаву...

А внизу — иной уют,
В душевой и ванной
Завершает голый люд
Банный труд желанный.

¹⁸⁰ Тот упарился, а тот
Борется с истомой.
Номер первый спину трет
Номеру второму.

Тот, механик и знаток,
¹⁸⁵ У светца хлопочет,
Тот макушку мылит впрок,
Тот мозоли мочит;

Тот платочек носовой,
Свой трофей карманный,
¹⁹⁰ Моет мыльной водой,
Дармовою банной.

Ну, а наш слегка остыл
И — конец лежанке.
В шайке пену нарастил,
¹⁹⁵ Обработал фронт и тыл,
Не забыл про фланги.

Быстро сладил с остальным,
Обдался и вылез.
И невольно вслед за ним
²⁰⁰ Все поторопились.

Не затем, чтоб он стоял
Выше в смысле чина,
А затем, что жизни дал
На полке мужчина.

²⁰⁵ Любит русский человек
Праздник силы всякий,
Оттого и хлеще всех
Он в труде и драке.

И в привычке у него
210 Издавна, извечно
За лихое удалство
Уважать сердечно.

И с почтеньем все глядят,
Как опять без паники
215 Не спеша надел солдат
Новые подштанники.

Не спеша надел штаны
И почти что новые,
С точки зренья старшины,
220 Сапоги кирзовые.

В гимнастерку влез солдат,
А на гимнастерке —
Ордена, медали в ряд
Жарким пламенем горят...

225 — Закупил их, что ли, брат,
Разом в военторге?

Тот стоит во всей красе,
Занят самокруткой.
— Это что! Еще не все,—
230 Метит шуткой в шутку.

— Любо-дорого. А где ж
Те, мол, остальные?..
— Где последний свой рубеж
Держит немец ныне.

235 И едва простился он,
Как бойцы в восторге
Вслед вздохнули:
— Ну, силен!
— Все равно что Теркин.

ОТ АВТОРА

«Светит месяц, ночь ясна,
Чарка выпита до дна...»

Теркин, Теркин, в самом деле,
Час настал, войне отбой.

⁵ И как будто устарели
Тотчас оба мы с тобой.

И как будто оглушенный
В наступившей тишине,
Смолкнул я, певец смущенный,
¹⁰ Петь привыкший на войне.

В том беды особой нету:
Песня, стало быть, допета.
Песня новая нужна,
Дайте срок, придет она.

¹⁵ Я сказать хотел иное,
Мой читатель, друг и брат,
Как всегда, перед тобою
Я, должно быть, виноват.

Больше б мог, да было к спеху,
²⁰ Тем, однако, дорожи,
Что, случилось, врал для смеху,
Никогда не лгал для лжи.

И, по совести, порою
Сам вздохнул не раз, не два,
²⁵ Повторив слова героя,
То есть Теркина слова:

«Я не то еще сказал бы,—
Про себя поберегу.
Я не так еще сыграл бы,—
³⁰ Жаль, что лучше не могу».

И хотя иные вещи
В годы мира у певца
Выйдут, может быть, похлеще
Этой книги про бойца,—

³⁵ Мне она всех прочих боле
Дорога, родна до слез,
Как тот сын, что рос не в холе,
А в годину бед и гроз...

С первых дней години горькой,
⁴⁰ В тяжкий час земли родной,
Не шутя, Василий Теркин,
Подружились мы с тобой.

Я забыть того не вправе,
Чем твоей обязан славе,

⁴⁵ Чем и где помог ты мне,
Повстречавшись на войне.

От Москвы, от Сталинграда
Неизменно ты со мной —
Боль моя, моя отрада,

⁵⁰ Отдых мой и подвиг мой!

Эти строки и страницы —
Дней и верст особый счет,
Как от западной границы
До своей родной столицы,

⁶⁵ И от той родной столицы
Вспять до западной границы,
А от западной границы
Вплоть до вражеской столицы
Мы свой делали поход.

⁶⁰ Смыли весны горький пепел
Очагов, что грели нас.
С кем я не был, с кем я не пил
В первый раз, в последний раз...

С кем я только не был дружен
⁶⁵ С первой встречи близ огня.
Скольким душам был я нужен,
Без которых нет меня.

Скольких их на свете нету,
Что прочли тебя, поэт,
⁷⁰ Словно бедной книге этой
Много, много, много лет.

И сказать, помыслив здраво:
Что ей будущая слава!

Что ей критик, умник тот,
⁷⁵ Что читает без улыбки,

Ищет, нет ли где ошибки,—
Горе, если не найдет.

Не о том с надеждой сладкой
Я мечтал, когда украдкой
80 На войне, под кровлей шаткой,
По дорогам, где пришлось,
Без отлучки от колес,
В дождь, укрывшись плащ-палаткой,
Иль зубами сняв перчатку
85 На ветру, в лютой мороз,
Заносил в свою тетрадку
Строки, жившие вразброс.

Я мечтал о сущем чуде:
Чтоб от выдумки моей
90 На войне живущим людям
Было, может быть, теплей,

Чтобы радостью нежданной
У бойца согрелась грудь,
Как от той гармошки драной,
95 Что случится где-нибудь.

Толку нет, что, может статься,
У гармошки за душой
Весь запас, что на два танца,—
Разворот зато большой.

100 И теперь, как смолкли пушки,
Предположим наугад.
Пусть нас где-нибудь в пивнушке
Вспомнит после третьей кружки
С рукавом пустым солдат;

105 Пусть в какой-нибудь каптерке
У кухонного крыльца

Скажут в шутку: «Эй ты, Теркин!» —
Про какого-то бойца;

Пусть о Теркине почтенный
¹¹⁰ Скажет важно генерал,—
Он-то скажет непременно,—
Что медаль ему вручал;

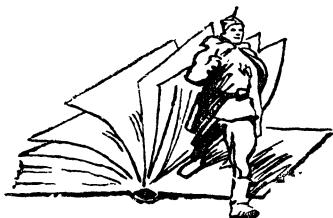
Пусть читатель вероятный
Скажет с книжкой в руке:
¹¹⁵ — Вот стихи, а все понятно,
Все на русском языке...

Я доволен был бы, право,
И — не гордый человек —
Ни на чью иную славу
¹²⁰ Не сменю того вовек.

Повесть памятной години,
Эту книгу про бойца,
Я и начал с середины
И закончил без конца

¹²⁵ С мыслью, может, дерзновенной
Посвятить любимый труд
Павших памяти священной,
Всем друзьям поры военной,
Всем сердцам, чей дорог суд.

1941—1945

ДОПОЛНЕНИЯ

А. Твардовский

КАК БЫЛ НАПИСАН «ВАСИЛИЙ ТЕРКИН» (Ответ читателям)

Первые главы «Василия Теркина» были опубликованы в 1942 году, хотя имя героя книги было известно по военной печати значительно ранее. Но именно с 1942 года я, как автор «Книги про бойца», получаю читательские письма, в которых вместе с общей оценкой этого произведения высказываются замечания, пожелания, выдвигаются вопросы. Их нельзя оставить без ответа. В моей частной переписке с читателями я, конечно, старался всякий раз хоть коротко отозваться на все эти вопросы, замечания и пожелания. Но мне уже давно казалось, что этим ограничиться в данном случае я не могу и должен в печати дать некоторые разъяснения по поводу «Теркина».

Вопросы, с которыми читатели этой книги обращаются ко мне вот уже много лет подряд, при всем многообразии оттенков и частных вопросов, сводятся к трем основным:

1. Вымышленное или действительно существовавшее в жизни лицо Василий Теркин?
2. Как была написана эта книга?
3. Почему нет продолжения книги о Теркине в послевоенное время?

Начну по порядку — с первого вопроса, который вообще чаще всего возникает у читателей в отношении героя той или иной книги.

«Существует ли в действительности Теркин?», «Тип он или один, известный вам, живой человек?», «Есть

ли он на самом деле?» — вот взятые выборочно из писем фронтовиков формулировки этого вопроса. Он возникал у читателя еще в то время, когда «Книгу про бойца» я только начал печатать в газетах и журналах. В одних письмах этот вопрос ставился с очевидным предположением утвердительного ответа, а из других — явствовало, что сомнений в существовании «живого» Теркина у читателя нет, а речь лишь идет о том, «не в нашей ли, такой-то, дивизии он служит?». И случаи адресования писем не ко мне, автору, а самому Василию Теркину — также свидетельство распространенности представления о том, что Теркин — «живое лицо».

Словом, было и есть до сих пор такое читательское представление, что Теркин — это, так сказать, личный человек, солдат, живущий под этим или иным именем, числящийся за номером своей воинской части и полевой почты. Более того, прозаические и стихотворные послания читателей говорят о желании, чтоб это было именно так, то есть чтобы Теркин был лицом невымышленным.

Однако я не мог и не могу к удовлетворению этого простодушного, но высоко ценимого мною читательского чувства заявить (как это могли и могут сделать некоторые другие писатели), что мой герой — не вымышленное лицо, а живет или жил там-то и встречался мне тогда-то и при таких-то обстоятельствах.

Нет, Василий Теркин, каким он является в книге, — лицо вымышленное от начала до конца, плод воображения, создание фантазии. И хотя черты, выраженные в нем, были наблюдаемы мною у многих живых людей, — нельзя ни одного из этих людей назвать прототипом Теркина.

Но дело в том, что задуман и вымышлен он не одним только мною, а многими людьми, в том числе литераторами, а больше всего нелитераторами и в значительной степени самими моими корреспондентами. Они активнейшим образом участвовали в создании «Теркина», начиная с первой его главы и до завершения книги, и поныне продолжают развивать в различных видах и направлениях этот образ.

Я поясняю это в порядке рассмотрения второго вопроса, который ставится в еще более значительной части писем,— вопроса: как был написан «Василий Теркин»? Откуда взялась такая книга?

«Что вам послужило материалом к ней и что — отправной точкой?»

«Уж не был ли автор сам одним из Теркиных?»

Об этом спрашивают не только рядовые читатели, но и люди, специально занимающиеся предметом литературы: студенты-дипломники, взявшие темой своих работ «Василия Теркина», преподаватели литературы, литературоведы и критики, библиотекари, лекторы и т. п.

Попробую рассказать о том, как «образовался» «Теркин».

«Василий Теркин», повторяю, известен читателю, в первую очередь армейскому, с 1942 года. Но «Вася Теркин» был известен еще с 1939—1940 года — с периода финской кампании. В то время в газете Ленинградского военного округа «На страже Родины» работала группа писателей и поэтов: Н. Тихонов, В. Саянов, А. Щербаков, С. Вашенцев, Ц. Солодарь и пишущий эти строки.

Как-то, обсуждая совместно с работниками редакции задачи и характер нашей работы в военной газете, мы решили, что нужно завести что-нибудь вроде «угол-

ка юмора» или еженедельного коллективного фельетона, где были бы стихи и картинки. Затея эта не была новшеством в армейской печати. По образцу агитационной работы Д. Бедного и В. Маяковского в революционные годы в газетах была традиция печатания сатирических картинок со стихотворными подписями, частушек, фельетонов с продолжениями с обычным заголовком — «На досуге», «Под красноармейскую гармонию» и т. п. Там были иногда и условные, переходящие из одного фельетона в другой персонажи, вроде какого-нибудь повара-весельчака, и характерные псевдонимы, вроде Дяди Сыся, Деда Егора, Пулеметчика Вани, Снайпера и других. В моей юности, в Смоленске, я имел отношение к подобной литературной работе в окружной «Красноармейской правде» и других газетах.

И вот мы, литераторы, работавшие в редакции «На страже Родины», решили избрать персонаж, который выступал бы в сериях занятных картинок, снабженных стихотворными подписями. Это должен был быть некий веселый, удачливый боец, фигура условная, лубочная. Стали придумывать имя. Шли от той же традиции «уголков юмора» красноармейских газет, где тогда были в ходу свои Пулькины, Мушкины и даже Протиркины (от технического слова «протирка» — предмет, употребляющийся при смазке оружия). Имя должно было быть значимым, с озорным, сатирическим оттенком. Кто-то предложил назвать нашего героя Васей Теркиным, именно Васей, а не Василием. Были предложения назвать Ваней, Федей, еще как-то, но остановились на Васе. Так родилось это имя.

Здесь я должен остановиться, к слову, на одном частном читательском вопросе, как раз относительно имени Василий Теркин.

Майор М. М-в, москвич, пишет в своем письме:

«Недавно прочитал я роман П. Д. Боборыкина «Василий Теркин». И, откровенно говоря, почувствовал большое смущение: что есть общего между его и вашим Василиями Теркиными? Чем похож ваш Вася Теркин — умный, веселый, бывалый советский солдат, действующий во время Великой Отечественной войны и с великим патриотизмом отстаивающий свою Советскую Родину, — на купца-пройдоху, выжигу и ханжу Василия Ивановича Теркина из романа Боборыкина? Так почему же вы выбрали для своего (да и нашего) героя такое имя, за которым уже скрывается определенный тип и который уже описан в нашей русской литературе? Неужели вами руководило соображение родственности этого, уже описанного, типа и созданного вами? Но ведь это оскорбление для бывшего солдата Васи Теркина! Или это случайность?»

Сознаюсь, что о существовании боборыкинского романа я услышал, когда уже значительная часть «Теркина» была напечатана, от одного из своих старших литературных друзей. Я достал роман, прочел его без особого интереса и продолжал свою работу. Этому совпадению имени Теркина с именем боборыкинского героя я не придаю и не придаю никакого значения. Ничего общего между ними абсолютно нет. Возможно, что кому-нибудь из нас, искавших имя персонажа для фельетонов в газете «На страже Родины», подвернулось это сочетание имени с фамилией случайно, как запавшие в память из книги Боборыкина. И то сомневаюсь: нам нужен тогда был именно Вася, а не Василий; Васей же боборыкинского героя никак не назовешь — это совсем иное. Что же касается того, почему я впоследствии стал именовать Теркина больше Василием, чем Васей, это опять дело особое. Словом, ни тени «заим-

ствования» здесь не было и нет. Просто есть такая русская фамилия Теркин, хотя мне раньше казалось, что эту фамилию мы «сконструировали», отталкиваясь от глаголов «тереть», «перетирать» и т. п. И вот одно из первых писем моих корреспондентов по «Книге про бойца», когда она печаталась в газете Западного фронта:

«В редакцию «Красноармейской правды», поэту тов. А. Твардовскому.

Тов. Твардовский, спрашиваем вас: нельзя ли в вашей поэме заменить имя Василий на Виктор, так как Василий — мой отец, ему 62 года, а я сын его — Виктор Васильевич Теркин, командир взвода. Нахожусь на Западном фронте, служу в артиллерии. А потому, если можно, то замените, и результат прошу сообщить мне по адресу: п/п 312, 668 арт. полк, 2-й дивизион, Теркину Виктору Васильевичу».

Наверное, это не единственный из однофамильцев героя «Книги про бойца»¹.

Но возвращаюсь к «Теркину» периода боев в Финляндии.

Написать вступление к предполагаемой серии фельетонов было поручено мне — я должен был дать хотя бы самый общий «портрет» Теркина и определить, так сказать, тон, манеру нашего дальнейшего разговора с читателем. Перед этим я напечатал в газете «На страже Родины» небольшое стихотворение «На при-

¹ В 1964 году в ряде газет («Неделя», «Вечерняя Москва», «Советская торговля») печаталась обширная корреспонденция о Теркине Василии Семеновиче, работнике прилавка, бывшем фронтовике, в которой подчеркивались именно «теркинские» черты облика, характера и жизненной судьбы этого человека. (Прим. автора.)

вале», написанное под непосредственным впечатлением от посещения одной дивизии.

В этом стихотворении были, между прочим, такие строчки:

Дельный, что и говорить,
Был старик тот самый,
Что придумал суп варить...
На колесах прямо.

Для меня, до того времени не служившего в армии (если не считать короткого времени освободительного похода в Западную Белоруссию) и не писавшего ничего «военного», это стихотворение было первым шагом в освоении новой тематики, нового материала. Я был тут очень еще неуверен, держался своих привычных ритмов, тональности (в духе, скажем, «Деда Данилы»). И в своем вступлении к коллективному «Теркину» я обратился к этой ранее найденной интонации, которая в применении к новому материалу, новой задаче казалась мне наиболее подходящей.

Приведу некоторые строфы этого «начала» «Теркина»:

Вася Теркин? Кто такой?
Скажем откровенно:
Человек он сам собой
Необыкновенный.

При фамилии такой,
Вовсе неказистой,
Слава громкая — герой —
С ним сроднилась быстро.

И еще добавим тут,
Если бы спросили:
Почему его зовут
Вася — не Василий!

Потому, что дорог всем,
Потому, что люди
Ладят с Васей как ни с кем,
Потому, что любят.

Богатырь, сажень в плечах,
Ладно сшитый малый.
По натуре весельчак,
Человек бывалый.

Хоть в бою, хоть где невесть,—
Но уж это точно:
Перво-наперво поесть
Вася должен прочно.

Но зато не бережет
Богатырской силы
И врагов на штык берет,
Как снопы на вилы.

И при этом, как ни строг
С виду Вася Теркин,—
Жить без шутки б он не мог
Да без поговорки...²

Замечу, что, когда я вплотную занялся своим ныне
существующим «Теркиным», черты этого портрета рез-
ко изменились, начиная с основного штриха:

Теркин — кто же он такой?
Скажем откровенно:
Просто парень сам собой
Он *обыкновенный*...

² «Вася Теркин на фронте». — Фронтальная библиотека газе-
ты «На страже Родины», «Искусство», Л., 1940,

И можно было бы сказать, что уже одним этим определяется наименование героя в первом случае Васей, а во втором — Василием Теркиным.

Все последующие иллюстрированные фельетоны, выполненные коллективом авторов, носили единообразные заголовки: «Как Вася Теркин...» Приведу полностью, к примеру, фельетон «Как Вася Теркин «языка» добыл»:

1. Снег глубокий, а сосны редки.
Вася Теркин на разведке.
Белоснежен, без заплат
Маскировочный халат.
2. Теркин видит, Теркин слышит —
Белофинн летит на лыжах:
Знать, беды не чуя, он
Лезет прямо на рожон.
3. Теркин, взвесив обстановку,
Применяет маскировку:
Он уткнулся в снег ничком —
Стал похож на снежный ком.
- 4 Вид заманчивый «трамплина»
Привлекает белофинна.
Мчит он с маху на «сугроб»...
5. Дальше хода нету, стоп!!
Так в разведке очень ловко,
Применивши маскировку,
6. Добыл Теркин языка
И доставил в штаб полка.

Может показаться, что я выбрал особо слабый образец, но и рассказы о том, «как Вася Теркин поджигателей в плен взял», которых он «бочками накрыл всех поодиночке и, довольный, закурил на дубовой бочке»; о том, как он «на лыжах донесение доставил», «пролетая леса выше, над бурливую рекой», «через горы, водопады мчась без удержу вперед»; о том, как из кабины вражеского самолета он «кошкой» вытянул «за штанину» шюцкоровца, и другие — все это производит теперь впечатление наивности изложения, крайней неправдоподобности «подвигов» Васи и не такого уж избытка юмора.

Я думаю, что тот успех «Васи Теркина», который у него был на финской войне, можно объяснить потребностью солдатской души позабавиться чем-то таким, что хотя и не соответствует суровой действительности военных будней, но в то же время как-то облакает именно их, а не отвлеченно-сказочный материал в почти что сказочные формы. Еще мне кажется, что немалую долю успеха нужно отнести на счет рисунков В. Брискина и В. Фомичева, исполненных как бы в мультипликационном стиле и нередко забавных по-настоящему.

К слову, неоднократно отмечалось, что иллюстрации О. Верейского к «Книге про бойца» очень слитны с ее стилем и духом. Это правда. Я лишь хочу сказать, что в отличие от «Васи Теркина» ни одна строка «Василия Теркина», иллюстрированного моим фронтовым товарищем художником О. Верейским, не была написана как текст к готовому рисунку, и мне даже трудно представить, как это могло бы быть. А с «Васей Теркиным» именно так и было, то есть задумывалась тема очередного фельетона, художники «разносили» ее на

шесть клеток, выполняли в рисунках, а уже потом являлись стихи-подписи.

Отдав дань «Васе Теркину» одним-двумя фельетонами, большинство его «зачинателей» занялись, каждый по своим склонностям и возможностям, другой работой в газете: кто писал военно-исторические статьи, кто фронтовые очерки и зарисовки, кто стихи, кто что. Основным автором «Теркина» стал А. Щербаков, красноармейский поэт, давний работник редакции.

А успех у читателя-красноармейца «Теркин» имел больший, чем все наши статьи, стихи и очерки, хотя тогда к этому успеху мы все относились несколько свысока, снисходительно. Мы по справедливости не считали это литературой. И по окончании войны в Финляндии, когда один из моих товарищей по работе в военной печати услышал от меня — в ответ на вопрос о том, над чем я теперь работаю, — что я пишу «Теркина», он лукаво погрозил мне пальцем: так, мол, я и поверил тебе, что ты станешь теперь этим заниматься.

Но я именно теперь думал, работал, бился над «Теркиным». «Теркин» — почувствовал я, по-новому обратившись к этой работе, — должен сойти со столбцов «уголков юмора», «прямых наводок» и т. п., где он до сих пор выступал под этим или иным именем, и занять не какую-то малую часть моих сил, как задача узкоспециального «юмористического» толка, а всего меня без остатка. Трудно сказать, в какой день и час я пришел к решению всеми силами броситься в это дело, но летом и осенью 1940 года я уже жил этим замыслом, который отслонил все мои прежние намерения и планы. Одно ясно, что это определялось острой впечатлений пережитой войны, после которой уже невозможно было просто вернуться к своей обычной литературной работе.

«Теркин», по тогдашнему моему замыслу, должен был совместить доступность, непритязательность формы — прямую предназначенность фельетонного «Теркина» — с серьезностью и, может быть, даже лиризмом содержания. Думая о «Теркине» как о некоем цельном произведении, поэме, я старался теперь разгадать, ухватить тот «нужный момент изложения» (как выразился в письме ко мне недавно один из читателей), без которого нельзя было сдвинуться с места.

Недостаточность «старого» «Теркина», как это я сейчас понимаю, была в том, что он вышел из традиции давних времен, когда поэтическое слово, обращенное к массам, было нарочито упрощенным применительно к иному культурному и политическому уровню читателя и когда еще это слово не было одновременно samozаветнейшим словом для его творцов, полагавших свой истинный успех, видевших свое настоящее искусство в другом, отложенном на время «настоящем» творчестве.

Теперь было другое дело. Читатель был иной — это были дети тех бойцов революции, для которых Д. Бедный и В. Маяковский когда-то писали свои песни, частушки и сатирические двустихия, — люди поголовно грамотные, политически развитые, приобщенные ко многим благам культуры, выросшие при Советской власти.

Я прежде всего занялся, так сказать, освоением материала пережитой войны, которая была для меня не только первой войной, но и первой по-настоящему близкой встречей с людьми армии. В дни боев я глубоко уяснил себе, что называется почувствовал, что наша армия — это не есть особый, отдельный от остальных людей нашего общества мир, а просто это те же советские люди, поставленные в условия армейской и фронтовой жизни.

Я перебелил мои карандашные записи из блокнотов в чистовую тетрадь, кое-что заново записал по памяти. Мне в этом новом для меня материале было дорого все до мелочей — какая-нибудь картинка, словесный оборот, отдельное слово, деталь фронтового быта. А главное — мне были дороги люди, с которыми я успел повстречаться, познакомиться, поговорить на Карельском перешейке. Шофер Володя Артюх, кузнец-артиллерист Григорий Пулькин, танковый командир Василий Архипов, летчик Михаил Трусов, боец береговой пехоты Александр Посконкин, военврач Марк Рабинович¹ — все эти и многие другие люди, с которыми я подолгу беседовал, ночевал где-нибудь в блиндаже или уцелевшем во фронтовой полосе переполненном доме, не были для меня мимолетным журналистским знакомством, хотя большинство из них я видел только раз и недолго. О каждом из них я уже что-то написал — очерк, стихи, — и это само собой, в процессе той работы, заставило меня разбираться в своих свежих впечатлениях, то есть так или иначе «усваивать» все связанное с этими людьми.

И, вынашивая свой замысел «Теркина», я продолжал думать о них, уяснять себе их сущность как людей первого послеоктябрьского поколения.

«Не эта война, какая бы она ни была, — записывал я себе в тетрадку, — породила этих людей, а то большее, что было до войны. Революция, коллективизация, весь строй жизни. А война обнаруживала, выдавала в ярком виде на свет эти качества людей. Правда, и она что-то делала».

И еще:

«Я чувствую, что армия для меня будет такой же дорогой темой, как и тема переустройства жизни в деревне, ее люди мне так же дороги, как и люди колхоз-

ной деревни, да потом ведь это же в большинстве те же люди.

Задача — проникнуть в их духовный внутренний мир, почувствовать их как свое поколение (писатель — ровесник любому поколению). Их детство, отрочество, юность прошли в условиях Советской власти, в заводских школах, в колхозной деревне, в советских вузах. Их сознание формировалось под воздействием, между прочим, и нашей литературы».

Я был восхищен их душевной красотой, скромностью, высокой политической сознательностью, готовностью прибегать к юмору, когда речь заходит о сáмых тяжких испытаниях, которые им самим приходилось встречать в боевой жизни. И то, что я написал о них в стихах и прозе, — все это, я чувствовал, как бы и то, да не то. За этими ямбами и хорейми, за фразеологическими оборотами газетных очерков оставались где-то втуне, существовали только для меня и своеобразная живая манера речи кузнеца Пулькина или летчика Трусова, и шутки, и повадки, и хватки других героев в натуре.

Я перечитывал все, что появлялось в печати, относящееся к финской войне, — очерки, рассказы, записи воспоминаний участников боев. С увлечением занимался всякой работой, которая так или иначе, пусть не в литературном собственно плане, касалась этого материала. Совместно с С. Я. Маршаком я обрабатывал появившиеся затем в «Знамени» воспоминания генерал-майора Героя Советского Союза В. Кашубы². По заданию Политического Управления РККА выезжал с Василием Гроссманом в одну из дивизий, пришедших с Карельского перешейка, с целью создания ее истории. Между прочим, в рукописи истории этой дивизии нами изложен, со слов участников одной операции,

эпизод, послуживший основой для написания главы будущего «Теркина».

Осенью 1940 года я съездил в Выборг, где стояла 123-я дивизия, в которой я находился в дни прорыва «линии Маннергейма»: мне нужно было посмотреть места боев, встретиться с моими знакомцами в дивизии. Все это — с мыслью о «Теркине».

Я уже начинал «опробовать стих» для него, нашу-пывать какие-то начала, вступления, запевы:

...Там, за той рекой Сестрою,
На войне, в снегах по грудь,
Золотой Звездой героя
Многих был отмечен путь.
Там, в боях полубезвестных,
В сосняке болот глухих,
Смертью храбрых, смертью честных
Пали многие из них...

Именно этот размер — четырехстопный хорей — все более ощущался как стихотворный размер, которым нужно писать поэму. Но были и другие пробы. Часто четырехстопный хорей казался как бы слишком уж сближающим эту мою работу с примитивностью стиха «старого» «Теркина». «Размеры будут разные, — решил я, — но в основном один будет «обтекать». Были наброски к «Теркину» и ямбами, из этих «заготовок» как-то потом образовалось стихотворение: «Когда прой-
дешь путем колонн...»

«Переправа» начиналась, между прочим, и так:

Кому смерть, кому жизнь, кому слава,
На рассвете началась переправа.
Берег тот был, как печка, крутой,
И, угрюмый, зубчатый,

Лес чернел высоко над водой,
Лес чужой, непочатый.

А под нами лежал берег правый,—
Снег укатанный, втоптаный в грязь,—
Вровень с кромкою льда.

Переправа

В шесть часов началась...

Здесь налицо многие слова, из которых сложилось начало «Переправы», но этот стих у меня не пошел.

«Очевидно, что размер этот явился не из слов, а так «напелся», и он не годится»,— записывал я, отказываясь от этого начала главы. Я и теперь считаю, вообще говоря, что размер должен рождаться не из некоего бессловесного «гула», о котором говорит, например, В. Маяковский³, а из слов, из их осмысленных, присущих живой речи сочетаний. И если эти сочетания находят себе место в рамках любого из так называемых канонических размеров, то они подчиняют его себе, а не наоборот, и уже являют собою не просто ямб такой-то или хорей такой-то (счет ударных и безударных — это же чрезвычайно условная, отвлеченная мера), а нечто совершенно своеобразное, как бы новый размер.

Первой строкой «Переправы», строкой, развившейся в ее, так сказать, «лейтмотив», проникающий всю главу, стало само это слово «переправа», повторенное в интонации, как бы предваряющей то, что стоит за этим словом:

Переправа, переправа...

Я так долго обдумывал, представлял себе во всей натуральности эпизод переправы, стоившей многих жертв, огромного морального и физического напряже-

ния людей и запомнившейся, должно быть, навсегда всем ее участникам, так «вжился» во все это, что вдруг как бы произнес про себя этот вздох-возглас:

Переправа, переправа...

И «поверил» в него. Почувствовал, что это слово не может быть произнесено иначе, чем я его произнес, имея про себя все то, что оно означает: бой, кровь, потери, гибельный холод ночи и великое мужество людей, идущих на смерть за Родину.

Конечно, никакого «открытия» вообще здесь нет. Прием повторения того или иного слова в зачине широко применялся и применяется и в устной и в письменной поэзии.

Но для меня в данном случае это было находкой: явилась строка, без которой я уже не мог обойтись. Я и думать забыл — хорей это или не хорей, потому что ни в каких хорях на свете этой строки не было, а теперь она была и сама определяла строй и лад дальнейшей речи.

Так нашлось начало одной из глав «Теркина».

В это примерно время мною было написано два-три стихотворения, которые скорее всего даже и не осознавались как «заготовки» для «Теркина», но впоследствии частично или полностью вошли в текст «Книги про бойца» и перестали существовать как отдельные стихи. Например, было такое стихотворение — «Лучше нет».

На войне, в пыли походной...

и т. д. до конца строфы, ставшей начальной строфой «Теркина».

Было стихотворение «Танк», посвященное танковому экипажу Героев Советского Союза товарищей Д. Ди-

денко, А. Крысюка и Е. Кривого. Отдельные его строфы и строки оказались нужны при работе над главой «Теркин ранен».

Страшен танк, идущий в бой...

Некоторые дневниковые записи весны 1941 года рассказывают о поисках, сомнениях, решениях и перерешениях в работе, может быть, даже лучше, чем если я говорю об этой работе с точки зрения своего сегодняшнего отношения к ней.

«Написано уже строк сто, но все кажется, что нет «электричества». Все обманываешься, что вот пойдет само и будет хорошо, а на поверку оно и в голове еще не сложилось. Нетвердо даже знаешь, чего тебе нужно. Концовка (Теркин, переплывший в калсонах протоку и таким образом установивший связь со взводом) яснее перехода к ней. Надо, чтобы появление героя было радостным. Это нужно подготовить. Думал было заменить покамест это место точками, но, не справившись с труднейшим, не чувствуешь сил и для более легкого. Завтра буду вновь ломать».

«Начинал с неуверенной решимостью писать «просто», как-нибудь. Материал, казалось, такой, что, как ни напиши, будет хорошо. Казалось, что он и требует даже известного безразличия к форме, но это только казалось так. Пока ничего об этом не было, кроме очерков... Но и они уже отняли у меня отчасти возможность писать «просто», удивлять «суровостью» темы и т. п. А потом появляются другие вещи, книга «Бои в Финляндии»⁴, — и это уже обязывает все больше. «Колорит» фронтовой жизни (внешний) оказался общедоступным. Мороз, иней, разрывы снарядов, землянки, заиндевелые плащ-палатки — все это есть и у А. и у Б. А нет того, чего и у меня покамест нет или только

в намеке,— человека в индивидуальном смысле, «нашего парня»,— не абстрагированного (в плоскости «эпохи», страны и т. п.), а живого, дорогого и трудного».

«Если не высекать настоящих искорок из этого материала — лучше не братья. Нужно, чтобы было хорошо не в соответствии с некоей сознательной «простотой» и «грубостью», а просто хорошо — хоть для кого. Но это не значит, что нужно «утончать» все с самого начала (Б., между прочим, тем и плох, что не о читателе внутренне гадают, а о своем кружке друзей с его эстетическими жалкими приметам)».

«Начало может быть полулубочным. А там этот парень пойдет все сложнее и сложнее. Но он не должен забываться, этот «Вася Теркин»».

«Больше должно быть предыдущей биографии героя. Она должна проступать в каждом его жесте, поступке, рассказе. Но не нужно ее давать как таковую. Достаточно ее продумать хорошо и представлять для себя».

«Трудность еще в том, что таких «смешных», «примитивных» героев обычно берут в пару, для контраста к герою настоящему, лирическому, «высокому». Больше отступлений, больше самого себя в поэме».

«Если самого не волнует, не радует, не удивляет порой хотя бы то, что пишешь,— никогда не взволнует, не порадует, не удивит другого: читателя, друга-знатока. Это надо еще раз хорошо почувствовать сначала. Никаких скидок самому себе на «жанр», «материал» и т. п.».

Двадцать второе июня 1941 года прервало все эти мои поиски, сомнения, предположения. Все это было той нормальной литературной жизнью мирного времени, которую нужно было тотчас оставить и быть ото всего этого свободным при выполнении задач, стояв-

ших теперь перед каждым из нас. И я оставил свои тетрадки, наброски, записи, намерения и планы. Мне тогда и в голову не пришло, что эта моя прерванная началом большой войны работа понадобится на войне.

Теперь я объясняю себе этот бесповоротный разрыв с замыслом, с рабочим планом еще и так. В моей работе, в поисках и усилиях, как ни глубоко было впечатление минувшей «малой войны», все же был грех литературности. Я писал в мирное время, моей работы никто особо не ждал, никто не торопил меня, конкретная потребность в ней как бы отсутствовала во мне. И это позволяло мне считать именно очень существенной стороной дела форму как таковую. Я был еще в какой-то мере озабочен и обеспокоен тем, что сюжет не представлялся мне готовым; что герой мой не таков, каким должен быть по литературным представлениям главный герой поэмы; что не было еще примера, чтобы большие вещи писались таким «несолидным» размером, как четырехстопный хорей, и т. п.

Впоследствии, когда я вдруг обратился к своему замыслу мирного времени, исходя из непосредственных нужд народной массы на фронте, я махнул рукой на все эти предубеждения, соображения и опасения.

Но покамест я просто свернул все свое писательское хозяйство для того, чтобы заниматься тем, чего неотложно и немедленно требует обстановка.

В качестве спецкорреспондента, а еще точнее сказать — в качестве именно «писателя» (была такая штатная должность в системе военной печати) я прибыл на Юго-Западный фронт, в редакцию газеты «Красная Армия», и стал делать то, что делали тогда все писатели на фронте.

Я писал очерки, стихи, фельетоны, лозунги, листовки, песни, статьи, заметки — все.

И когда в редакции возникла идея завести постоянный фельетон с картинками, я предложил «Теркина», но не своего, оставленного дома в тетрадках, а того, который со дней финской кампании был довольно известен в армии. У того Теркина было много «братьев» и «сверстников» в различных фронтовых изданиях, только они носили другие имена. В нашей фронтовой редакции также захотели иметь «своего» героя, назвали его Иваном Гвоздевым, и он просуществовал в газете вместе с отделом «Прямой наводкой», кажется, до конца войны. Несколько главок этого «Ивана Гвоздева» я написал в соавторстве с поэтом Борисом Палийчуком, никак опять же не связывая этой своей работы с намерениями мирного времени в отношении «Теркина».

На фронте один товарищ подарил мне толстую тетрадь в черном клеенчатом переплете⁵, но из бумаги «под карандаш» — плохой, шершавой, пропускающей чернила. В эту тетрадь я наклеивал или подкальывал мою ежедневную «продукцию» — вырезки из газеты. В обстановке фронтового быта, переездов, ночевок в пути, в условиях, когда всякий час нужно было быть готовым к передислокации и быть всегда в сборе, эта тетрадь, которую я держал в полевой сумке, была для меня универсальным предметом, заменявшим портфель, папки архива, ящики письменного стола и т. п. Она поддерживала во мне очень важное в такой жизни, хотя бы условное чувство сохранности и упорядоченности «личного хозяйства».

Я в нее не заглядывал, пожалуй, с той самой поры и, перелистывая ее теперь, вижу, как много в той разнообразной по жанрам газетной работе, которой я за-

нимался, было сделано для будущего «Теркина», без мысли об этом, о какой-нибудь иной жизни этих стихов и прозы, кроме однодневного срока газетной страницы.

«Иван Гвоздев» был в смысле литературного выполнения, пожалуй, лучше «Васи Теркина», но того успеха не имел. Во-первых, это дело было не в новинку, а во-вторых, и это главное, читатель был во многом иной. Война не была позиционной, когда досуг солдата, хотя бы и в суровых условиях военного быта, располагает к чтению и перечитыванию всего сколько-нибудь отвечающего интересам и вкусам фронтовика. Газета не могла с регулярностью попадать в части, которые находились, в сущности, на марше. Но еще более важно то, что умонастроения читательской массы определялись не просто трудностями собственно солдатской жизни, а всей огромностью грозных и печальных событий войны: отступление, оставление многими воинами родных и близких в тылу врага, присущая всем суровая и сосредоточенная дума о судьбах родины, переживавшей величайшие испытания. Но все же и в этот период люди оставались людьми, у них была потребность отдохнуть, развлечься, позабавиться чем-то на коротком привале или в перерыве между огненным налетом артиллерии и бомбежкой. И «Гвоздева» читали, хвалили, газету смотрели, начиная с уголка «Прямой наводкой». Это был фельетон, посвященный определенному эпизоду боевой практики «казака Гвоздева» (в отличие от В. Теркина-пехотинца Гвоздев был — может быть, по условиям насыщенности фронта кавалерийскими частями — казаком).

Вот, например: «Как обед варить искусно, чтобы вовремя и вкусно» («Из боевых приключений казака Ивана Гвоздева»);

1

Бой в тот день кипел суровый,
Ранен повар. Как тут быть?
И приходится Гвоздеву
Для бойцов обед варить...
Взял он все на скору руку:
Как гласит один стишок,—
На приправу перцу, луку
И петрушки корешок.

2

Хорошо идет работа,
С говорком кипит вода.
Только вдруг из минометов
Начал немец бить сюда.
— Боем — бой, обед — обедом,
Все иное нипочем.
Мины рвутся? Я отъеду,
Сберегу котел с борщом.

3

Борщ досыта, чай до пота
Будет вовремя готов.
Глядь — накрыли самолеты,—
Залезай-ка в щель, Гвоздев.
Забирай с собой лукошко —
Ждут борща бойцы-друзья.
Пусть бомбежка, а картошку
С шелухой в котел — нельзя.

4

И случись же так для смеху,
На помеху так случись,—
В лес, куда Гвоздев отъехал,
С неба — скок! — парашютист.
Подсмотрел Гвоздев фашиста,
Поспешил котел прикрыть,
Приложился. Грянул выстрел..
— Не мешай обед варить.

5

Борщ поспел, крупа упрела,
Не прошло и полчаса.
И Гвоздев кончает дело:
Борщ готовый — в термоса.
Ничего, что свищут мины,
Не стихает жаркий бой.
Развернул шофер машину
И давай — к передовой.

6

На переднем нашем крае,
Примостившись за бугром,
Борщ отменный разливает
Повар добрым черпаком.
Кто ж сегодня так искусно,
Сытно, вовремя и вкусно
Накормить сумел бойцов?
Вот он сам: Иван Гвоздев.

Еще были высказывания от имени Ивана Гвоздеза по разным актуальным вопросам фронтовой жизни.

Вот, например, беседа о важности сохранения военной тайны: «О языке» («Сядь послушай слово казака Гвоздева»):

Каждый знать обязан,
Как затвор и штык,
Для чего привязан
У него язык...

Или «Приветственное слово к ребятам из Девяносто девятой от казака Гвоздева» по случаю награждения названной дивизии за успешные боевые действия. А вот фельетон на тему «Что такое сабантуй» («Из бесед казака Гвоздева с бойцами, прибывшими на фронт»):

Тем, кто прибыл с немцем драться,
Надо, как там ни толкуй,
Между прочим, разобраться:
Что такое «сабантуй»...

Это было поучение, довольно близкое по форме и смыслу соответствующей беседе Теркина, на ту же тему в будущей «Книге про бойца».

Откуда это слово в «Теркине» и что оно в точности означает? — такой вопрос очень часто ставится мне и в письмах, и в записках на литературных вечерах, и просто изустно при встречах с различными людьми.

Слово «сабантуй» существует во многих языках и, например, в тюркских языках означает праздник окончания полевых работ: сабан — плуг, туй — праздник.

Я слово «сабантуй» впервые услышал на фронте ранней осенью 1941 года где-то в районе Полтавы, в одной части, державшей там оборону. Слово это, как часто бывает с привязчивыми словечками и выражениями, употреблялось и штабными командирами, и артилле-

ристами на батарее переднего края, и жителями деревушки, где располагалась часть. Означало оно и ложное намерение противника на каком-нибудь участке, демонстрацию прорыва, и действительную угрозу с его стороны, и нашу готовность устроить ему «угощение». Последнее ближе всего к первоначальному смыслу, а солдатскому языку вообще свойственно ироническое употребление слов «угощение», «закуска» и т. п. В эпиграфе к одной из глав «Капитанской дочки» А. С. Пушкин приводит строки старинной солдатской песни:

Мы в фортеции живем,
Хлеб едим и воду пьем;
А как лютые враги
Придут к нам на пироги,
Зададим гостям пирушку,
Зарядим картечью пушку.

Слово «сабантуй» мы с моим товарищем по работе в газете С. Вашенцевым привезли из этой поездки на фронт, и я употребил его в фельетоне, а С. Вашенцев — в очерке, который так и назывался: «Сабантуй».

В первые недели войны я написал как-то фельетон «Дело было спозаранку». Вместе с фельетоном о «сабантуе» и стихотворением «На привале», написанным в начале финской кампании, он послужил впоследствии как бы черновиком к главе «Теркина», также озаглавленной «На привале».

Дело было спозаранку,
Погляжу я...
— Ну и что ж?
— Прут немецких тыща танков...
— Тыща танков? А не врешь?
— Чтоб я врал тебе, дружище?

— Ты не врешь — язык твой врет.
— Ну, пускай себе не тыща,
Только было штук пятьсот...

Это — рифмованное переложение на фронтовой лад старой побасенки о лжеце со страху, образец той стихотворной импровизации, какая чаще всего выполнялась в один присест, по плану завтрашнего номера газеты. Так делался «Гвоздев» мною с Б. Палийчуком вместе. Затем серия «Про деда Данилу» — мною одним по праву, так сказать, первоавторства, затем серия о немецком солдате — «Вилли Мюллер на востоке», в которой я совсем мало участвовал, переложения популярных песен — «Катюша», «По военной дороге» и иная всевозможная стихотворная мелочь.

Правда, в эти писания западало кое-что из живого изустного солдатского юмора, зарождавшихся и приобретающих широкое распространение словечек и т. п.

Но в целом вся эта работа, подобно «Васе Теркину», далеко не соответствовала возможностям и склонностям ее исполнителей и ими самими считалась не главной, не той, с которой они связывали более серьезные творческие намерения. И в редакции «Красной Армии», как и в свое время в газете «На страже Родины», наряду со всей специальной стихотворной продукцией появлялись стихи поэтов, причастных «Прямой наводке», но уже написанные с установкой на «полную художественность». И странное дело — опять же те стихи не имели такого успеха, как «Гвоздев», «Данила» и т. п. А что греха таить — и «Вася Теркин» и «Гвоздев», как и все подобное им во фронтовой печати, писались наспех, небрежно, с такими допущениями в форме стихов, каких ни один из авторов этой продукции не потерпел бы в своих «серьезных» сти-

хах, не говоря уже об общем тоне, манере, рассчитанной как бы не на взрослых грамотных людей, а на некую выдуманную деревенскую массу. Последнее ощущалось все более, и наконец становилось невмоготу говорить таким языком с читателем, которого нельзя было не уважать, не любить. А вдруг остановиться, начать говорить с ним по-другому не было сил, не было времени.

Внутреннее удовлетворение мне больше доставляла работа в прозе — очерки о героях боев, написанные на основе личных бесед с людьми фронта. Пусть эти короткие, в двести — триста газетных строк, очерки далеко не вмещали всего того, что давало общение с человеком, о котором шла речь, но, во-первых, это было фиксацией живой человеческой деятельности, закреплением реального материала фронтовой жизни, во-вторых, здесь не нужно было шутить во что бы то ни стало, а просто и достоверно излагать на бумаге суть дела, и, наконец, мы все знали, как ценили сами герои эти очерки, делавшие их подвиги известными всему фронту, заносившие их как бы в некую летопись войны. И если описывался подвиг, или, как тогда говорили, боевой эпизод, где герой погиб, то и тут было важно посвятить его памяти свое описание, лишней раз упомянуть в печатной строке его имя. Очерки чаще всего и озаглавливались именами бойцов или командиров, боевой работе которых они посвящались: «Капитан Тарасов», «Батальонный комиссар Петр Мозговой», «Красноармеец Саид Ибрагимов», «Сержант Иван Акимов», «Командир батареи Рагозян», «Сержант Павел Задорожный», «Герой Советского Союза Петр Петров», «Майор Василий Архипов» и т. д.

Из стихотворений, написанных в этот период не для отдела «Прямой наводкой», некоторые я до сих пор

включаю в новые издания своих книжек. Это «Баллада о Москве», «Рассказ танкиста», «Сержант Василий Мысенков», «Когда ты летишь», «Бойцу Южного фронта», «Дом бойца», «Баллада об отречении» и другие. За каждым из этих стихотворений было памятное до сих пор для меня живое фронтовое впечатление, факт, встреча. Но и в то время я чувствовал, что собственно литературный момент как-то отдалял от читателя реальность и жизненность этих впечатлений, фактов, людских судеб.

Словом, чувство неудовлетворенности всеми видами нашей работы в газете постепенно становилось для меня личной бедой. Приходили мысли и о том, что, может быть, не здесь твое настоящее место, а в строю — в полку, в батальоне, в роте,— где делается самое главное, что нужно делать для Родины.

Зимой 1942 года у нас в редакции возникла мысль расширить отдел «Прямой наводкой» до отдельного еженедельного листка — приложения к газете. Я взялся написать как бы программную передовую в стихах для этого издания, которое, кстати сказать, по разным причинам просуществовало недолго. Вот вступительная часть этого стихотворения:

На войне, в быту суровом,
В трудной жизни боевой,
На снегу, под зябким кровом —
Лучше нет простой, здоровой,
Прочной пищи фронтовой.

И любой вояка старый
Скажет попросту о ней:
Лишь была б она с наваром
Да была бы с пылу, с жару —
Подобрей, погорячей.

Чтоб она тебя согрела,
Одарила, в кровь пошла,
Чтоб душа твоя и тело
Поднялися вместе смело
На хорошие дела.

Чтоб идти вперед, в атаку,
Силу чувствуя в плечах,
Бодрость чувствуя. Однако
Дело тут не только в шах...

Жить без пищи можно сутки,
Можно больше, но порой
На войне одной минутки
Не прожить без прифайтки,
Шутки самой немудрой...

Перед весной 1942 года я приехал в Москву и, взглянув в свои тетрадки, вдруг решил оживить «Василия Теркина». Сразу было написано вступление о воде, еде, шутке и правде. Быстро дописались главы «На привале», «Переправа», «Теркин ранен», «О награде», лежавшие в черновых набросках. «Гармонь» осталась в основном в том же виде, как была в свое время напечатана. Совсем новой главой, написанной на основе впечатлений лета 1941 года на Юго-Западном фронте, была глава «Перед боем».

Перемещение героя из обстановки финской кампании в обстановку фронта Великой Отечественной войны сообщило ему совсем иное, чем в первоначальном замысле, значение. И это не было механическим решением задачи. Мне уже приходилось говорить в печати о том, что собственно военные впечатления, батальный фон войны 1941—1945 годов для меня во

многим были предварены работой на фронте в Финляндии. Но дело в том, что глубина всенародно-исторического бедствия и всенародно-исторического подвига в Отечественной войне с первого дня отличила ее от каких бы то ни было иных войн и тем более военных кампаний.

Я недолго томился сомнениями и опасениями относительно неопределенности жанра, отсутствия первоначального плана, обнимающего все произведение наперед, слабой сюжетной связанности глав между собой. Не поэма — ну и пусть себе не поэма, решил я; нет единого сюжета — пусть себе нет, не надо; нет самого начала вещи — некогда его выдумывать; не намечена кульминация и завершение всего повествования — пусть, надо писать о том, что горит, не ждет, а там видно будет, разберемся. И когда я так решил, порвав все внутренние обязательства перед условностями формы и махнув рукой на ту или иную возможную оценку литературными этой моей работы, — мне стало весело и свободно. Как бы в шутку над самим собой, над своим замыслом я набросал строчки о том, что эта «книга про бойца, без начала, без конца». Действительно, было «сроку мало начинать ее сначала»: шла война, и я не имел права откладывать то, что нужно сказать сегодня, немедленно, до того времени, как будет изложено все по порядку, с самого начала.

Почему же без конца?!

Просто жалко молодца.

Мне казалось понятным такое объяснение в обстановке войны, когда конец рассказа о герое мог означать только одно — его гибель. Однако в письмах товарищей, не просто читателей «Теркина», а рассматривающих его, так сказать, в научном плане, было какое-

то недоумение по поводу этих строк: не следует ли понимать их как-нибудь иначе? Не следует!

Но не скажу, что вопросы формы моего сочинения так-таки и не волновали меня больше с той минуты, как я отважился писать «без формы», «без начала и конца». Формой я был озабочен, но не той, какая мыслится вообще в отношении, скажем, жанра поэмы, а той, какая была нужна и постепенно в процессе работы угадывалась для этой собственно книги.

И первое, что я принял за принцип композиции и стиля,—это стремление к известной законченности каждой отдельной части, главы, а внутри главы — каждого периода, и даже строфы. Я должен был иметь в виду читателя, который хотя бы и незнаком был с предыдущими главами, нашел бы в данной, напечатанной сегодня в газете главе нечто целое, округленное. Кроме того, этот читатель мог и не дожидаться моей следующей главы: он был там, где и герой,— на войне. Этой примерной завершенностью каждой главы я и был более всего озабочен. Я ничего не держал про себя до другого раза, стремясь высказаться при каждом случае — очередной главе — до конца, полностью выразить свое настроение, передать свежее впечатление, возникшую мысль, мотив, образ. Правда, этот принцип определился не сразу — после того, как первые главы «Теркина» были напечатаны подряд одна за другой, а новые потом уже появлялись по мере написания. Я считаю, что правильным и во многом определившим судьбу «Теркина» было мое решение печатать первые главы до завершения книги. Читатель мне помог написать эту книгу такой, какова она есть, об этом я еще скажу ниже.

Жанровое обозначение «Книги про бойца», на котором я остановился, не было результатом стремления

просто избежать обозначения «поэма», «повесть» и т. п. Это совпало с решением писать не поэму, не повесть или роман в стихах, то есть не то, что имеет свои узаконенные и в известной мере обязательные сюжетные, композиционные и иные признаки. У меня не выходили эти признаки, а нечто все-таки выходило, и это нечто я обозначил «Книгой про бойца». Имело значение в этом выборе то особое, знакомое мне с детских лет звучание слова «книга» в устах простого народа, которое как бы предполагает существование книги в единственном экземпляре. Если говорилось, бывало, среди крестьян, что, мол, есть такая-то книга, а в ней то-то и то-то написано, то здесь никак не имелось в виду, что может быть другая точно такая же книга. Так или иначе, но слово «книга» в этом народном смысле звучит по-особому значительно, как предмет серьезный, достоверный, безусловный.

И если я думал о возможной успешной судьбе моей книги, работая над ней, то я часто представлял себе ее изданной в матерчатом мягком переплете, как издаются боевые уставы, и что она будет у солдата храниться за голенищем, за пазухой, в шапке. А в смысле ее построения я мечтал о том, чтобы ее можно было читать с любой раскрытой страницы.

С того времени как в печати появились главы первой части «Теркина», он стал моей основной и главной работой на фронте.

Ни одна из моих работ не давалась мне так трудно поначалу и не шла так легко потом, как «Василий Теркин». Правда, каждую главу я переписывал множество раз, проверяя на слух, подолгу трудился над какой-нибудь одной строфой или строкой.

К примеру вспомнить, как складывалось начало главы «Смерть и воин», в стихотворном смысле «образо-

вавшейся» из строчек старинной песни о солдате:

Ты не вейся, черный ворон,
Над моею головой.
Ты добычи не дождешься,
Я солдат еще живой...

Сперва была запись, где стихи шли вперемежку с прозаическим изложением,— важно было «охватить» в целом картину:

Русский раненый лежал...

Теркин лежит на снегу, истекая кровью. Смерти присела в изголовье, говорит:

— Теперь ты мой.
Отвечает: — Нет, не твой,
Я солдат еще живой.
— Ну,— говорит,— живой!
Шевельни хотя б рукой.—
Теркин тихо отвечает:
Соблюдаю, мол, покой...

Потом появилась начальная строфа:

В чистом поле, на пригорке,
Одинок, и слаб, и мал,
На снегу Василий Теркин
Неподобранный лежал.

Но тут не хватало приметы поля боя, и получалась слишком условно-песенная картина: «В чистом поле...» — и дальше просились слова: «под ракитой...» А мне нужна была при интонации, идущей от известной песни, реальность нынешней войны. Кроме того, вторая строчка не годилась — она была не проста, в

ней больше было беллетристической, чем песенной характеристики. Тогда пришла строфа:

За далекие пригорки
Уходил сраженья жар.
На снегу Василий Теркин
Неподобранный лежал.

Это не очень хорошо, но дает большую определенность места и времени: бой уже вдалеке, раненый уже долго лежит на снегу, он замерзает. И следующая строфа естественно развивает первую:

Снег под ним, набрякши кровью,
Взялся грудой ледяной.
Смерть склонилась к изголовью:
— Ну, солдат, пойдем со мной.

Но в целом эта глава написалась легко и быстро: сразу были найдены ее основной тон и композиция³. А сколько было написано строк, переправленных десятки раз только затем иногда, чтобы выбросить их в конце концов, испытывая при этом такую же радость, как при написании новых удачных строк.

И все это, пусть даже было трудно, но не нудно, делалось всегда в большом душевном подъеме, с радостью, с уверенностью. Должен сказать вообще: по-моему, хорошо бывает то, что пишется как бы легко, а

³ Главе «Смерть и воин» в «Книге про бойца» принадлежит, между прочим, еще и та роль, что она ближайшим образом связывает «Василия Теркина» с опубликованным спустя много лет «Теркиным на том свете». В ней, этой главе, содержится внешняя сюжетная схема последней моей поэмы: Теркин, полумертвым подобранный на поле боя, возвращается к жизни из небытия, «с того света», картины которого составляют особое, современное содержание моего «второго «Теркина»». (Прим. автора).

не то, что набирается с мучительной кропотливостью по строчечке, по словечку, которые то встанут на место, то выпадут — и так до бесконечности. Но все дело в том, что добраться до этой «легкости» очень нелегко, и вот об этих-то трудностях подхода к «легкости» идет речь, когда мы говорим о том, что наше искусство требует труда. А если ты так-таки и не испытал «легкости», радости, когда чувствуешь, что «пошло», не испытал за все время работы над вещью, а только, как говорят, тащил лодку посуху, так и не спустив ее на воду, то вряд ли и читатель испытает радость от плода твоих кропотливых усилий.

В это время я работал уже не на Юго-Западном, а на Западном (3-м Белорусском) фронте. Войска фронта находились тогда, примерно говоря, на земле восточных районов Смоленской области. Направление этого фронта, которому предстояло в недалеком будущем освободить Смоленщину, определило некоторые лирические мотивы книги. Будучи уроженцем Смоленщины, связанный с нею многими личными, биографическими связями, я не мог не увидеть героя своим земляком.

С первых читательских писем, полученных мною, я понял, что работа моя встречена хорошо, и это придавало мне сил продолжать ее. Теперь уже я не был с нею один на один: мне помогало теплое, участливое отношение читателя к ней, его ожидание, иногда его «подсказки»: «А вот бы еще отразить то-то и то-то»... и т. п.

В 1943 году мне казалось, что в соответствии с первоначальным замыслом «история» моего героя завершается (Теркин воюет, ранен, возвращается в строй), и я поставил было точку. Но по письмам читателей я понял, что этого делать нельзя.

В одном из таких писем сержант Шершнев и красноармеец Соловьев писали:

«Очень огорчены Вашим заключительным словом, после чего не трудно догадаться, что Ваша поэма закончена, а война продолжается. Просим Вас продолжить поэму, ибо Теркин будет продолжать войну до победного конца».

Получалось, что я, рассказчик, поощряемый моими слушателями-фронтовиками, вдруг покидаю их, как будто чего-то не досказав. И, кроме того, я не видел возможности для себя перейти к какой-то другой работе, которая бы так захватила меня. И вот из этих чувств и многих размышлений явилось решение продолжать «Книгу про бойца». Я еще раз пренебрег литературной условностью, в данном случае условностью завершенности «сюжета», и жанр моей работы определился для меня как некая летопись не летопись, хроника не хроника, а именно «книга», живая, подвижная, свободная по форме книга, неотрывная от реального дела защиты народом Родины, от его подвига на войне. И я с новым увлечением, с полным сознанием необходимости моей работы принялся за нее, видя ее завершение только в победном завершении войны и ее развитие в соответствии с этапами борьбы — вступлением наших войск на новые и новые, освобождаемые от врага земли, с продвижением их к границам и т. д.

Еще одно признание. Примерно на середине моей работы меня было увлек-таки соблазн «сюжетности». Я начал было готовить моего героя к переходу линии фронта и действиям в тылу у противника на Смоленщине. Многие в таком обороте его судьбы могло представляться органичным, естественным и, казалось, давало возможность расширения поля деятельности героя, возможность новых описаний и т. д. Глава «Генерал» в своем первом напечатанном виде посвящена

была прощанию Теркина с командиром своей дивизии перед уходом в тыл к врагу. Были опубликованы и другие отрывки, где речь уже шла о жизни за линией фронта. Но вскоре я увидел, что это сводит книгу к какой-то частной истории, мельчит ее, лишает ее той фронтовой «всеобщности» содержания, которая уже наметилась и уже делала имя Теркина нарицательным в отношении живых бойцов такого типа. Я решительно повернул с этой тропы, выбросил то, что относилось к вражескому тылу, переработал главу «Генерал» и опять стал строить судьбу героя в сложившемся ранее плане.

Говоря об этой работе в целом, я могу только повторить слова, что уже были сказаны мною в печати по поводу «Книги про бойца»:

«Каково бы ни было ее собственно литературное значение, для меня она была истинным счастьем. Она мне дала ощущение законности места художника в великой борьбе народа, ощущение очевидной полезности моего труда, чувство полной свободы обращения со стихом и словом в естественно сложившейся непридуманной форме изложения. «Теркин» был для меня во взаимоотношениях писателя со своим читателем моей лирикой, моей публицистикой, песней и поучением, анекдотом и присказкой, разговором по душам и репликой к случаю».

Читатель-фронтвик, которого я за время нашего очного и заочного, через страницы печати, общения привык считать как бы своим соавтором — по степени его заинтересованности в моей работе, — этот читатель со своей стороны также считал «Теркина» нашим общим делом.

«Уважаемый Александр (не знаю, как по отчеству), — писал, например, боец Иван Андреев, — если Вам

потребуется материал, могу сделать услугу. Год на передовой линии фронта и семь боев кое-чему научили и кое-что дали мне».

«Я слышал на фронте рассказ бойца о Васе Теркине, который не читал в Вашей поэме,—сообщал К. В. Зорин из Вышнего Волочка.— Может быть, он вас интересуется?»

«Почему нашего Василия Теркина ранило? — спрашивали меня в коллективном письме Д. Калиберды и другие.— Как он попал в госпиталь? Ведь он так удачно сшиб фашистский самолет и ранен не был. Что он — простудился и с насморком попал в госпиталь? Так наш Теркин не таковский парень. Так нехорошо, не пишите так про Теркина. Теркин должен быть всегда с нами на передовой, веселым, находчивым, смелым и решительным малым... С приветом! Ждем скорее из госпиталя Теркина».

И много таких писем, где читательское участие в судьбе героя книги перерастает в причастность самому делу написания этой книги.

Задолго до завершения «Теркина» в редакции газет и журналов, где печатались очередные части и главы книги, стали поступать «продолжения» «Теркина» в стихах, написанных почти исключительно людьми, впервые пробуящими свои силы в подобном деле. Одним из первых опытов стала «третья часть» «Теркина», присланная гвардии старшим сержантом Кондратьевым, который в своем письме на имя редактора газеты «Красноармейская правда» писал:

«Тов. редактор!

Убедительно прошу извинить, если оторву несколько минут Вашего времени на мою поэму «Василий Теркин», 3-я часть. Прошу, конечно, согласовать с тов. Твардовским, как автором этой поэмы. Будучи на

фронте, за последние 8—10 месяцев мне не приходилось читать новинки нашей литературы. Вот только в госпитале я увидел поэму о Теркине, хотя не читал первую часть. Не зная замысла автора и будущего Теркина, я дерзнул попробовать изобразить его как красноармейца, предполагая, что его в момент захвата селения не было в первых рядах, но он должен был как хотя бы и временным командиром проявить себя и стать примером...»

Курсант В. Угрюмов рассказывает в письме о своем «плане» описать второго Теркина, героя труда...

«Солдат приходит с войны,— пишет он,— но ему отдых (даже месяц отдыха после всех передышек) не по нутру. С первого дня он начинает работу. Встречается с замкомбатом, и вместе начинают руководить, работать. От бригадира полевой бригады Теркин доходит до директора МТС. За доблестный труд представлен к высшей награде...

Вот, примерно, вкратце такой сюжет...»

Кроме «продолжений» «Теркина», большое место среди писем читателей, особенно в послевоенное время, занимают стихотворные послания к Василию Теркину, с настоятельными пожеланиями, чтобы «Книга про бойца» была мною продолжена.

Мне остается остановиться на этом, может быть наиболее трудном, пункте из трех, которые я наметил вначале.

В мае 1945 года была опубликована заключительная глава «Теркина» — «От автора». Она вызвала много откликов в стихах и прозе. Девяносто девять процентов их сводилось к тому, что читатели хотят узнать Теркина в условиях мирной, трудовой жизни. Такие письма я получаю до сих пор, а иногда они адресованы не мне, а редакциям различных изданий, Союзу

писателей, то есть организациям, которые, по мнению авторов писем, должны воздействовать на меня, так сказать, в общественном порядке.

В. Минеров из Пречистенского района на Смоленщине в сопроводительной к своим стихам «Розыск Теркина» приписке в адрес одной из московских редакций пишет: «Я очень прошу пропустить эти небрежные и грубые строки. Я не поэт, но пришлось потрудиться: призвать Твардовского к труду».

В пожеланиях и советах продолжать «Теркина» поле деятельности героя в мирных условиях определяется обычно родом занятий авторов писем. Одни желали бы, чтобы Теркин, оставшись в рядах армии, продолжал свою службу, обучая молодое пополнение бойцов и служа им примером. Другие хотят его видеть непременно вернувшимся в колхоз и работающим в качестве предколхоза или бригадира. Третьи находят, что наилучшее развитие его судьбы было бы в работе на какой-нибудь из великих послевоенных строек, например на сооружении Волго-Донского канала, и т. п.

Вот строфы, взятые из послания в стихах к герою книги от имени людей Советской Армии:

Где ж ты, наш Василий Теркин,
Вася Теркин, наш герой?
Или ты теперь не Теркин,
Или стал совсем другой?

О тебе мы часто помним,
Вспоминаем о былом,
О войне, как воевали,
Как покончили с врагом...

Но прошло четыре года,
Как настал войне отбой,

Как тебя средь нас не стало,
Что случилось, брат, с тобой?..
Может, ты ушел на стройку
Пятилетки боевой?
Но наш адрес ты ведь помнишь —
Он все тот же — полевой...

Но мы знали твой характер,
И уверены мы в том,
Что ты с нами будешь вместе
После всей войны большой

В нашей армии трудиться,
Как в семье своей родной,
Ты ей можешь пригодиться,
У тебя ведь опыт свой...

Н. Матвеев

Автор послания выражает уверенность, что герой «Книги про бойца» находится в рядах армии. Другой корреспондент, курсант Ж. Ягупов, от лица самого Теркина утверждает это не без явного упрека в адрес автора книги:

Я готовый вам ответить,
Мой создатель, мой поэт,
Разрешите лишь заметить,
Где вы были столько лет?
Что-то Армию забыли.
И обидно очень мне:
Ведь когда-то мы служили
Вместе с вами на войне...
Я солдат хотя не гордый,
Но обидно мне, поэт...
Значит, Теркин, в битвах тертый,

Вдруг в отставку? Шутись. Нет!
Я, брат, с Армией сроднился,
И в отставку мне нельзя...
.
И поэтому простите,
Что, у вас я не спросив,
Стал курсантом. Как хотите,
Мне советовал актив.
Жить хотят со мной солдаты,
Говорят мне: мол, уважь...
Остаюсь виноватым
Перед вами, Теркин Ваш.

В. Литаврин из Читы, также озабоченный послевоенной судьбой Теркина, допуская ее различные возможности, спрашивает:

Может, он сейчас в забое
Выполняет норму втрое,
Чем дают ему по плану?
Может быть, подходит к стану,
И с веселой поговоркой,
Всем известный Вася Теркин,
В прошлом доблестный солдат,
Он дает стальной прокат?..
Что же делает ваш Теркин:
Посещает ли вечерки?
Иль жеңился уж давно?
Все пишете — все равно.
Может, он, мечту лелея,
Тихим утром средь аллей
Внемлет песне соловья?
Иль давным-давно судья?
Иль герой он наших дней?
Иль играет он в хоккей?

Может, стал он комбайнером?
Или властвует над хором
И ведет он драмкружок?
Где ты, наш родной дружок?..

А вот А. И. Макаров в своем письме вроде подробной инструкции решительно предлагает мне «пустить» Теркина «на фронт сельского хозяйства».

«Пусть он,— рекомендует А. И. Макаров,— серьезно и с юмором расскажет и укажет колхозникам и колхозницам, трактористам и работникам МТС, совхозов:

1. Что продовольствие во всех видах... это физическая сила народа, бодрый дух народа...

2. Что изобилия продовольствия можно добиться своевременным посевом всех культур хорошими семенами, хорошей обработкой почвы, внесением удобрений, введением правильных многопольных севооборотов...

Следующий раздел... критика недостатков... по которым надо ударить... теркинским острым словцом:

1. По недобросовестной работе...

2. По плохому качеству сельхозмашин и запасных частей к ним.

3. По... небрежному... уходу за сельхозмашинами, инвентарем, рабочим скотом и сбруей.

4. По агрономам, которые... не сделали планов правильных многопольных севооборотов.

5. По виновникам, у которых на полях больше сорняков, чем колосьев.

6. По Министерству лесного хозяйства.

7. По руководителям рыбной промышленности».

И т. д.

А. И. Макаров представляет себе эту работу в виде объемистой брошюры-сборника... «Теркин в сельском хозяйстве». С иллюстрациями под отдельными заго-

ловками (главами): «Теркин в колхозе, в совхозе, на молочной ферме, в птичнике, на плантациях табака, свеклы, во фруктовом саду, в огороде, на бахчах, на виноградниках, в Заготзерне, на элеваторе, на рыбных промыслах и прочее, и прочее.

Стоит, конечно, пригласить на это дело и помощников и поездить по колхозам и совхозам разных областей и по рыбопромыслам...

Помочь в этом деле вам готов во всем и всегда, в чем только смогу».

Уже само по себе такое многообразие пожеланий в отношении конкретной судьбы «послевоенного» «Теркина» ставило бы меня в крайне затруднительное положение.

Но дело, конечно, не в этом.

Я отвечал и отвечаю моим корреспондентам, что «Теркин» — книга, родившаяся в особой, неповторимой атмосфере военных лет, и что, завершенная в этом своем особом качестве, книга не может быть продолжена на ином материале, требующем иного героя, иных мотивов. Я ссылаюсь на строки из заключительной главы:

Песня новая нужна.

Дайте срок, придет она.

Однако новые и новые письма с предложениями и настоятельными советами написать «мирного» «Теркина», причем каждому корреспонденту, естественно, представляется, что он первым открыл для меня такую возможность, понуждают меня объясниться с читателями по этому поводу чуть-чуть подробнее.

«По-моему,— пишет И. В. Леншин из Воронежской области,— Вы и сами чувствуете и Вам самим жаль, что Вы кончили писать Теркина. Надо бы еще его продолжить... написать, что делает Теркин сейчас...»

Но если бы это было даже и так, что я жалел бы о разлуке с «Теркиным», я все равно не мог «продолжать» его. Это означало бы «эксплуатировать» готовый, сложившийся и уже как-то отпечатлевшийся в сознании читателей образ, увеличивать количество строк под старым заглавием, не ища нового качества. Такие вещи в искусстве невозможны. Приведу один пример.

В той же газете «Красноармейская правда», где печатался «Теркин», печатались «Новые похождения бравого солдата Швейка». Писал эту вещь мой товарищ по работе на фронте литератор М. Слободской. Это было «продолжение» произведения Я. Гашека, созданного на материале первой мировой войны. Успех «Новых пождений бравого солдата Швейка» объясняется, по моему, во-первых, большой потребностью в такого рода занимательно-развлекательном чтении, во-вторых, конечно, тем, что знакомый образ был сатирически отнесен к условиям гитлеровской армии.

Но никому, я думаю, не пришло бы в голову продолжать это «продолжение» «Швейка» в послевоенное время. Более того, автор «Нового Швейка» после минувшей войны даже не нашел нужным издать его отдельной книжкой — нет такой книги, а была и есть книга Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка». Потому что книга Гашека была творческим открытием образа, а работа М. Слободского в данном случае была более или менее искусным использованием готового образа, что, вообще говоря, не может быть задачей искусства. Правда, история литературы знает примеры «использования готовых образов», как это мы встречаем, например, у Салтыкова-Щедрина, переносившего грибоедовского Молчалина или гоголевского Ноздрева в условия иной действительности — из

первой во вторую половину XIX века. Но это оправдывалось особыми задачами сатирико-публицистического жанра, не столь озабоченного, так сказать, вторичной полнокровной жизнью этих образов как таковых, а использующего их характеристические, привычные для читателя черты в применении к новому материалу и в иных целях⁴.

Может быть, для отдельных читателей все эти пояснения излишни, но я имею здесь в виду главным образом тех читателей, которые с неизменной настойчивостью требуют продолжения «Теркина». Между прочим, им тем более непонятно мое «молчание», что «продолжение» им представляется не таким уж трудным.

В цитированном выше послании В. Литаврина так прямо и говорится:

Где наш Теркин, где Василий,—
Вы найдете без усилий,
Так как, знаю, для поэта
Малый труд — задача эта...

И Литаврин, как и другие, думающие так, совершенно прав. «Продолжить» «Теркина», написать несколько новых глав в том же плане, тем же стихом, с той же «натурой» героя в центре — действительно «малый труд — задача эта». Но дело в том, что именно эта очевидная легкость задачи лишила меня права и желания осуществить ее. Это значило бы, что я отказался от новых поисков, от новых усилий, при которых только

⁴ Примерно так и можно объяснить теперь появление «Теркина на том свете», который отнюдь не есть «продолжение» «Василия Теркина», а вещь совсем иная, обусловленная именно «особыми задачами сатирико-публицистического жанра». Но об этом, возможно, впереди еще особый разговор с читателями. (Прим. автора.)

и возможно сделать что-нибудь в искусстве, и стал бы переписывать самого себя.

А что задача эта, очевидно, не трудная, тому доказательством служат и сами «продолжения» «Василия Теркина», которые до сих пор имеют широкое распространение.

«Я недавно прочел Вашу поэму «Василий Теркин»... — пишет мне семнадцатилетний Юрий Морятов,— и я решил написать сам поэму «Василий Теркин», только:

Вы писали о том, как Вася
Дрался с немцем на войне,
Я пишу о пятилетке
И о Васином труде...»

Другой молодой поэт, Дмитрий Морозов, пишет «Открытое письмо Василия Теркина бывшим однополчанам» в плане освещения именно послевоенной судьбы героя:

В арсенал мой автомат
Сдан под смазкой жирной.
Я по форме — не солдат,
Перешел, как говорят,
К жизни новой, мирной.
Край наш древний — глушь да лес —
Весь преобразился,
Так сказать, большой прогресс
В жизни проявился.
Укрепились мы весной,
Зажили богато.
Как в атаку, словно в бой,
Шли на труд солдаты.
Демобилизован я
В первый срок Указа,
Дом отстроил, и своя
Завелась теперь семья,

Или, скажем, база.

.

Слава мирному труду!

Нынче будьте зорки.

Если что,— так я приду!

Шлю привет. В. Теркин.

Из «продолжений» и «подражаний» «Теркину», известных мне, можно было бы составить книгу, пожалуй, не меньшего объема, чем существующая «Книга про бойца». Мне известны случаи печатных продолжений «Теркина».

Например, в нескольких номерах газеты «Звезда» на заводе в Перми печатался «Василий Теркин на заводе» Бориса Ширшова:

В новой летней гимнастерке
(Отпуск взять пришел черед)
Фронтвик Василий Теркин
Навестить решил завод.
Говорят, Василий Теркин
Из смоленской стороны,
А другие спорят: «В сборке
Он работал до войны». Ну, а третьи не шутейно,
А серьезно говорят:
«Вася Теркин! Да в литейном
Вместе много лет подряд
Проработали». Короче,
Чтоб не спорить, скажем так:
Теркин нашим был рабочим,
Остальное все пустяк...

Главы «Теркин в сборочном цехе», «Теркин в инструментальном цехе», «Теркин в литейном цехе» и

другие рассказывают об участии приезжего солдата в заводских делах, о его встречах с рабочими; собственные имена и конкретные факты производственной жизни, фактура привычной строфики и интонации стиха «Теркина».

Спорить с читателем — дело невыгодное, безнадежное, но объяснить с ним при нужде можно и должно. В порядке этого объяснения приведу еще такой пример.

Когда я написал «Страну Муравию» и опубликовал ее в том виде, как она есть до сих пор, то не только я, по молодости, но и многие другие товарищи считали, что это «первая часть». Предполагались еще две части, в которых путешествие Никиты Моргунка распространилось бы на колхозы юга страны и районы Урало-Кузбасса. Это представлялось обязательным, а главное — и трудов-то, казалось, не составляло больших: повествование развернулось, стиль и характер его определились — давай дальше. Но эта-то очевидная легкость и обязательность задачи насторожили меня. Я отказался от «продолжения» поэмы и до сих пор не жалею об этом.

«Василий Теркин» вышел из той полуфольклорной современной «стихии», которую составляют газетный и стенгазетный фельетон, репертуар эстрады, частушка, шуточная песня, раек и т. п. Сейчас он сам породил много подобного материала в практике газет, специальных изданий, эстрады, устного обихода. Откуда пришел — туда и уходит. И в этом смысле «Книга про бойца», как я уже отчасти говорил, — произведение не собственное мое, а коллективного авторства. Свою долю участия в нем я считаю выполненной. И это никак не ущемляет мое авторское чувство, а, наоборот, очень приятно ему: мне удалось в свое время потрудиться

над выявлением образа Теркина, который приобрел, как свидетельствуют письменные и устные отзывы читателей, довольно широкое распространение в народе.

В заключение хочу от всего сердца поблагодарить моих корреспондентов за их письма о «Теркине», как те, что содержат в себе вопросы, советы и замечания, так и те, что просто выражают свое доброе отношение к этой моей работе.

* * *

За годы после опубликования этой статьи «теркинская почта» принесла множество новых читательских откликов. Они приходили и приходят по случаю то нового издания «Книги про бойца», то очередной радиопередачи «Василий Теркин» в исполнении покойного Д. Н. Орлова⁶, то постановки одноименного спектакля в профессиональных театрах (сценическая композиция К. Воронкова) и на сцене армейской самодеятельности, наконец, по случаю появления в печати других моих книг.

Среди этих откликов большое место занимает такой активный вид читательского участия в судьбе книги, как многочисленные «самодеятельные» инсценировки, сценарии или их либретто по «Теркину», не говоря уже о настоятельных предложениях такого рода автору книги.

Но, пожалуй, еще более активной формой читательского отношения к герою книги является стремление как бы продлить его сегодняшнюю жизнь, перенести его из фронтовой обстановки в условия мирного послевоенного труда. Статья, объясняющая, почему автор воздерживается от «продолжения» этой своей книги на новом материале, отнюдь не уменьшила такие читательские требования и пожелания. Но стихотворные

послания — призывы к продолжению «Теркина» его автором решительно уступили главное место «продолжениям» «Книги про бойца» самими читателями, пусть даже людьми с некоторыми затаенными или явными литературными претензиями, но, во всяком случае, не литераторами-профессионалами.

Вслед за Теркиным — курсантом военного училища появляются: Теркин — зенитчик ПВО; Теркин — демобилизованный, едущий на строительство Братской ГЭС; Теркин в электрокузнечном цехе; Теркин на целине; Теркин — милиционер... Появляются «сыновья» и «племянники» Теркина — годы идут, и даже возраст героя в соответствии с интересами молодых читателей претерпевает такого рода «поправки».

Некоторые из этих «Теркиных» печатались: «Василий Теркин в ПВО» старшего лейтенанта Е. Чумакова — в газете «На боевом посту»; «Яша Теркин» М. Ивановой — «Трудовые резервы» (Алма-Ата); «Теркин в пожарных войсках» — «Тревога» (Харьков) и др.⁵

Литературные достоинства этих «продолжений», как напечатанных, так и рукописных, иногда весьма больших по объему, конечно, условны — их прямая зависимость от «Книги про бойца» не только в заимствовании основного образа, но и во всей фактуре стиха очевидна. Да она и не маскируется их авторами, не выдается за что-нибудь иное, чем газетный, стенгазетный или эстрадный материал местного или «отраслевого» назначения. Во всяком случае, побуждения этих авторов трогательны и бескорыстны.

⁵ За последние два-три года, в связи с выходом в свет «Теркина на том свете», количество подражаний и продолжений в моем «Теркинском архиве», пожалуй, удвоилось, причем тематика их и полемическая или иная направленность определялась уже содержанием этого второго «Теркина». (Прим. автора.)

Словом, именно так: образ Теркина «откуда пришел — туда и уходит» — в современную полуфольклорную поэтическую «стихию». И такое коллективное «продолжение» «Теркина» может меня только радовать и вызывать во мне только чувство дружеской признательности к моим многочисленным, так сказать, соавторам по «Теркину».

Но совсем, конечно, иные чувства вызывает один особый случай «продолжения» «Книги про бойца» — в целях, глубоко чуждых образу Теркина, и способом, не имеющим даже отдаленного сходства с общепринятыми понятиями литературного дела.

Я имею в виду изданную в Нью-Йорке книгу некоего С. Юрасова «Василий Теркин после войны» с обозначением в скобочках: «По А. Твардовскому». Этот «соавтор» отнюдь не является неискушенным начинающим, и это его произведение не есть простодушная «проба пера» — ему принадлежит, например, объявленный на обложке этого издания автобиографический роман «Враг народа», в котором изображен «портрет советского майора Федора Панина, решившего порвать с большевизмом и стать эмигрантом».

С. Юрасов делает вид, что вполне буквально понял мои слова в «Ответе читателям» о том, что в известном смысле «Книга про бойца» произведение не собственное мое, а коллективного авторства. Он так и пишет:

«Часть книги «Василий Теркин после войны» состоит из того, что я слышал в армии и в Советском Союзе. Некоторые места этой части совпадают с отдельными местами у А. Твардовского, но имеют совсем иной смысл. Что здесь является подражанием безымянных «Теркиных» поэту, а что, наоборот, принадлежит фольклору и было использовано А. Твардовским, — сказать трудно».

«Можно сказать,— продолжает Юрасов,— что «Василий Теркин» такой, каким он живет и поныне создается в гуще солдатских и народных масс,— это свободное народное творчество».

Представив дело таким образом, Юрасов присваивает себе право на полную «свободу» в обращении с текстом моего «Василия Теркина».

Открываем первую страницу книги:

По которой речке плыть,—
Той и славушку творить...

С первых дней години горькой,
В тяжкий час земли родной,
Не шутя, Василий Теркин,
Подружились мы с тобой.

Но еще не знал я, право,
Что с печатного столбца
Всем придется ты по нраву,
А иным войдешь в сердца...

И так далее, и так далее — строфа за строфой, все в точности «по Твардовскому», если не считать, что, например, строка «С первых дней години горькой» заменена неудобопроизносимой «С дней войны, с години горькой», а строка «Но еще не знал я, право» — «И никто не думал, право...» Так до третьей страницы, где вслед за моей строкой «Может, с Теркиным беда?» вдруг идет строфа целиком юрасовского изготовления:

— Может, в лагерь посадили —
Нынче Теркиным нельзя...
— В сорок пятом,— говорили,—
Что на Запад подался...

Эта кощунственная попытка судьбу заслуженного советского воина, героя-победителя уподобить — хотя бы предположительно — своей презренной биографии перебежчика, изменника родины, естественно, способна вызвать только омерзение, которое не позволяет останавливаться на всех приемах этой бесстыдной фальсификации.

Работа грубая. Берется, например, из главы «Поединок» вся, так сказать, техническая сторона рукопашной Теркина с немцем и при помощи кое-как слепленных от себя строчек и строф выдается за рукопашную Теркина с... милиционером. В сравнении с этим покраска ворами-автомобилистами украденной машины в другой цвет и замена номерного знака представляет делом куда более благовидным.

Юрасов «цитирует» меня строфами, периодами и целыми страницами, однако нигде не ставит кавычек, полагая, что его «добавления» и «замены» дают ему право как угодно пользоваться общеизвестным, столько раз переизданным текстом советской книги в его низких антисоветских целях. Показательно, что этот человек, пошедший «в услужение» буржуазному миру, где высшим божеством является частная собственность, начисто пренебрег принципом литературной собственности, которая в нашем социалистическом обществе как раз охраняется законом, являясь понятием в первую очередь моральным.

Впрочем, чему еще удивляться, если издатели антихудожественной стряпни Юрасова не стесняются называть свое заведение в Нью-Йорке именем одного из величайших и благороднейших русских писателей — А. П. Чехова, как это указано на обложке воровской, поддельной книги С. Юрасова.

А. Твардовский

С КАРЕЛЬСКОГО ПЕРЕШЕЙКА

(Из фронтовой тетради) ¹

20.IV.40.— Переписывая в тетрадь карандашные записи для порядка, я все время думал о том, что же я буду писать о походе всерьез. Мне уже представился в каких-то моментах путь героя моей поэмы. Переход границы, ранение, госпиталь, следование за частью, которая ушла далеко уже. Участие в решительных боях, какое-то знакомство с девушкой — лекпомом или сестрой. Но ни имени, ни характера в конкретности еще не было.

Вчера вечером или сегодня утром герой нашелся, и сейчас я вижу, что только он мне и нужен, именно он. Вася Теркин! Он подобен фольклорному образу. Он — дело проверенное. Необходимо только поднять его, поднять незаметно, по существу, а по форме почти то же, что он был на страницах «На страже Родины». Нет, и по форме, вероятно, будет не то.

А как необходимы его веселость, удачливость, энергия и неунывающая душа для преодоления сурового материала этой войны! И как много он может вобрать в себя из того, чего нужно коснуться! Это будет веселая армейская шутка, но вместе с тем в ней будет и лиризм. Вот когда Вася ползет, раненный, на пункт и

¹ А. Т. Твардовский. Собрание сочинений, т. 5. М., «Художественная литература», 1971, стр. 428—431.

дела его плохи, а он не поддается — это все должно быть поистине трогательно.

Благодаря тому, что в первый раз он ранен в начале кампании и что, отославшись в госпитале, он, где пешком, где с оказией, пробирается через весь Карельский перешеек, ему удастся видеть очень много — тылы, дороги и т. п. Тут столько может быть занятных моментов. Нет, это просто счастье — вспомнить о Васе. И в голову никому не придет из тех, что подписывали картинки про Васю Теркина, что к нему можно обратиться всерьез. Моральное же мое право на Теркина в том, что я его начинал, в том, что я правил чужие подписи к картинкам Брискина и Фомичева, и, главное, в том, что никто за это дело не возьмется, а если возьмется, то не сделает так, как это сделаю я, если все пойдет по-хорошему.

Вася Теркин из деревни, но уже работал где-то в городе или на новостройке. Весельчак, остро слов и балагур вроде того шофера, что вез меня с М. Голодным из Феодосии в Коктебель².

Теркин — участник освободительного похода в Западную Белоруссию, про который он к месту вспоминает и хорошо рассказывает. Холост. Очень умелый и находчивый человек. Играет на чем придется — балалайка так балалайка, гармонь так гармонь.

Хоть в бою, хоть где невесть —
Но уж это точно —
Перво-наперво поесть
Вася любит прочно.

² В тетради, которая по времени предшествует этой, запись: «1.IX.39. Феодосийский шофер. Это тот герой, которого как раз недостает в нашей литературе, — весельчак, балагур, остряк в любую минуту жизни и т. п. Я попытался бы сделать что-нибудь из него в стихах, но для этого нужно бы от него больше послушаться».

Он умеет и кашеварить. На походе случается ему и блины печь, и курицу жарить, и корову доить.

В нем сочетается самая простодушная уставная дидактика с вольностью и ухарством. В мирное время у него, может быть, и не обходилось без взысканий, хотя он и тут ловок и подкупающе находчив. В нем — пафос пехоты, войска, самого близкого к земле, к холоду, к огню и смерти.

Соврать он может, но не только не преувеличит своих подвигов, а наоборот — неизменно представляет их в смешлом, случайном, нестоящем виде.

При удаче это будет ценнейший подарок армии, это будет ее любимец, нарицательное имя. Для молодежи это должно быть книжкой, которая делает любовь к армии более земной, конкретной.

Даже в нравах армии это может сделать свое дело — разрядить немного то, что в ней есть сухого, безулыбочного и т. п., не подрывая ничуть священных основ дисциплины. Одним словом, дай бог сил! ³

³ Первоначальный замысел «Книги про бойца», самый момент находки образа «Теркина» и все тогдашние предположения насчет будущего его развития — все это для меня самого было как бы в новость, когда я напал на эти записи почти тридцатилетней давности, до которых почему-то не добрался во время работы над статьей «Как был написан «Василий Теркин»».

**ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ
И ВАРИАНТЫ**

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- А* — автограф.
- ГПБ* — автограф Гос. публичной библиотеки («По которой речке плыть...»).
- М* — авторизованная машинопись (гл. «Дед и баба»).
- БКП* — А. Твардовский. Василий Теркин. Книга про бойца. Издательство газеты «Красноармейская правда». Действующая армия. Западный фронт, 1942 («Библиотека «Красноармейской правды»).
- З* — журнал «Знамя».
- К* — журнал «Красноармеец».
- КП* — газета «Красноармейская правда».
- ЛГ* — «Литературная газета».
- РТ* — Рабочая тетрадь (рукопись) А. Т. Твардовского.
- 1942* — А. Твардовский. Василий Теркин. Книга про бойца. М., издательство «Молодая гвардия», 1942.
- 1944* — А. Твардовский. Василий Теркин. Книга про бойца. М., Гослитиздат, 1944.
- 1944С* — А. Твардовский. Василий Теркин. Книга про бойца. Смоленское областное государственное издательство, 1944.
- 1946СП* — А. Твардовский. Василий Теркин. Книга про бойца. М., издательство «Советский писатель», 1946.
- 1946В* — А. Твардовский. Василий Теркин. Книга про бойца. М., Воениздат, 1946.

- 1946Г — А. Твардовский. Василий Теркин. Книга про бойца. М. Государственное издательство художественной литературы, 1946 («Роман-газета», № 4).
- 1970 — А. Твардовский. Василий Теркин. Книга про бойца. М., издательство «Советский писатель», 1970.

* * *

Наброски начала (11—21 июня 1941)

Велика страна родная,
Так раскинулась она,
Что и впрямь — война иная
Для нее — как не война.

Но в любой глухой краине,
Но в любой душе родной
Столько связано отныне
С этой, может, не войной.

Пусть пробитый той зимою
След ее травой порос
И прибой залива моет
Корни сосен и берез;

Пусть в тот край вернулись птицы
И пришло зверье в леса
И за старую границей
День отличный начался,—
Там...

Там, в боях полубезвестных,
В сосняке болот глухих
Смертью храбрых, смертью честных
Пали многие из них.

Там, за той рекой Сестрою,
На войне, в снегах по грудь,
Золотой звездой героя
Многих был отмечен путь.

[Там, где вьюга выла в трубах...]

Стоил он, тот путь, не мало,
Прегражден лютой зимой,

Тьмой лесной, огнем, металлом,
Надолб каменным оскалом,
[Поперек дорог завалом],
Льдом, водой, землей самой.

Хорошо — покуда молод
Послужить, повоевать,
На походе в дождь и в холод
Запевале подпевать.

На любой подстилке тощей
На привале кануть в сон.
Правда, дома да у тещи
Тоже, братец, есть резон.

Хорошо — и в самом деле,
Но с другого взять конца,
То родней, теплей шинели
Нет постели для бойца.

У старинного веселого
Солдата — стлать постель
Поучись — шинель под голову,
Под бок шинель,
Наверх шинель...

А сколько их — одна.

И уже казалось людям,
Что
Никакой весны не будет —
Ничего — одна война.

PT

От автора (стр. 5)

Первоначальный набросок (12.VI.1942)

На войне, в быту суровом,
В трудной жизни боевой

На снегу под зябким кровом
 Лучше нет простой, здоровой
 Прочной пищи фронтовой

И любой вояка старый
 Скажет попросту о ней:
 Лишь была б она с наваром,
 Да была бы с пылу, с жару—
 Подобрей, погорячей.

Чтоб она тебя согрела,
 Ободрила, в кровь пошла,
 Чтоб душа твоя и тело
 Поднялися вместе смело
 На хорошие дела.

Чтоб идти вперед, в атаку,
 Силу чувствуя в плечах,
 Немцам — бешеным собакам
 Не давать дышать. Однако
 Дело тут не только в шах...

Жить без пищи можно сутки,
 Можно больше, но порой
 На войне одной минутки
 Не прожить без прибаутки,
 Шутки, самой немудрой.

Поразмыслишь, и выходит
 Шутка тем и дорога,
 Что она живет в народе,
 Веселит бойца в походе,
 Помогает бить врага...

PT

На привале (стр. 8)

12 Да кидай другую.

КП

После 12 Что мне завтра предстоит,
 Это неизвестно,

Только я свой аппетит
Не забыл под Брестом.

КП, К, З, БКП, 1942

17—18 Смеху ради добавляет
Каши грудок рытый.

КП

25—26 И, усевшись под сосной,
Снова вспомнил: — Да, мол,
Не старик — отец родной
Был старик тот самый.
С мелкой каплей дождевой
Кашу мнет, сутулясь.

КП, К, З, БКП, 1942, 1944С

83 Он-те с виду грозен очень,

КП

89—94 А еще, гляди, ударит,
Сабантуй тебя в башку

1944

После 104 Хорошо, кому к лицу
Вздор незаменимый.
Хорошо, когда в лесу —
Дом тебе родимый...

З, БКП, 1942, 1944С

После 173 Говорун, шутник лихой
Словом, добрый малый,
Друг-товарищ дорогой
И боец бывалый.

КП

195 С прошлогоднего июля

КП, К, З, БКП, 1942

199—200 Был штыком задет в атаке,
Зажило, как на собаке.

КП, К, З

В БКП, 1942 — нет.

Был задет не раз в атаке,—
Зажило, чуть видны знаки.

1944

Рукописные варианты

И как будто все в порядке,
Кое-где боец с бойцом
Сквозь дремоту смутным, кратким
Перемолвятся словцом.

Говорок, зевок и снова
Сон. И снова говорок.
А про *тех* никто ни слова,—
Вспоминать не вышел срок.

Там, за той рекой-Сестрою,
На войне, в снегах по грудь
Золотой звездой героя
Многих был отмечен путь.

Там, в боях полубезвестных,
В стычках, в поисках ночных
Смертью храбрых, смертью честных
Пали многие из них.

Пусть не каждый упомянут
В списке славы боевой,
Срок придет, еще повстанут
Люди в памяти живой.

Те, что, может, в списке бранной,
Там под рощей «Молотком»¹,
Под высоткой «Безымянной»
Позабыты, спят рядком.

Спят, молчат. Страна родная,
Почетъ им отдай сполна.
Год иной, война иная,
Жизнь одна и смерть одна.

Друг мой дальний или близкий,
Эту повесть так начнем:
Есть музей артиллерийский
В Ленинграде Нынче в нем,

Меж других знатнейших пушек,
Что в иные времена
С честью в море иль на суше
Послужили, есть одна.

В свежих вмятинах, в зазорах,
С покореженным щитом...
Это пушка, о которой
Я скажу еще потом.

Там, где вьюга выла в трубах
Над пожарищами сел,
Танки вел свои Кошуба,
Капитан Угрюмов шел.

18. VI. 41. Грязи.

На макушке темной ели,
Где-то возле Териок,
Вдруг припомнилось, висели
Клок шинели, сена клок.

Шел обоз дорогой новой,
И высоко на возу
Молодой сидел ездовый,
Рукавом сушил слезу.

Может, парень был хороший,
Работающий, запасной.
Может так, что он и лошадь
Были местности одной...

Эх, ребята, вот поход
В Польшу был когда-то...

Как от первой от версты
От родной заставы,—
Поспевай считать мосты,
Шел ты, парень бравый

День не в счет и ночь не в счет,
Шел Василий Теркин,
И закончил весь поход
В летней гимнастерке.

И на площади любой
Ради братской встречи
Перед тысячной толпой
Говорил ты речи

Отвечать случалось мне
На вопрос не всякий —
О земле, о трудодне,
О семье и браке...

Я однажды три часа
Баял с половиной.
— А скажи, видал ксендза
Или там раввина?

— Сотни видел. А потом —
В городишке дальнем
Повстречался я с попом
Самым натуральным.

Батя — мимо не пройдёшь,
Важный, волосатый,
Бородатый...

— Ну и что ж,
Оробел ты?
— Я-то?

Я ничуть. А из толпы
Тут как раз спросили:
Мол, скажите, а попы
Есть у вас в России?

На вопрос ответ готов,
Это нам привычно:
— Что касается попов,
Да, мол, есть частично.

— Есть-то есть, — я слышу тут,
Поп сказал со вздохом.
Есть-то есть, да вот живут
По наслышке — плохо.

Я стою себе, смотрю
С выдержкой примерной,
Извините, говорю,
Это слух неверный.

Да, мол, заработок их —
Неказистый, точно.
Но при этом у иных
Есть доход побочный.

— А какой такой доход? —
Оживился батя.

— А побреет, пострижет —
Вот ему и платят.

— А еще — да всякий труд
Нам, толкую, нужен. —
Ну, по радио поют,
Банщиками служат...

Может, я какой пример
Там привел неловкий,
Но, признаться, не имел
Ясной установки.

Осветить хотел вопрос
Чтобы политично.
— А скажи теперь всерьез,
Врешь, небось, частично?

— Врать могу, зато не лгу, —
Так что не обижен.
А про Котова в полку
Знают все, что рыжий.

Рыжий красного спроси,
Потому как зависть,
Где ты бороду красил,
Что такой красавец.

Я на солнышке лежал
На курорте в Сочи.
Кверху бороду держал,
Помогает очень.

РТ

Перед боем (стр. 17)

45—48 Из бойцов. Большой. Плечистый.
Местность эту знал вокруг
Я ж, как более речистый,
Был там как бы политрук.

КП

57—60 В 1944 — нет.

68—72 Хутор нищему — не круг...

КП

81—82 И, дождавшись ночи поздней,
Огородом, коноплей,

З

После 96 А кому оно по силе:
То — война, а то — семья.
Что там, где она, Россия,
По какой рубеж своя?..

КП, К, З, БКП, 1942, 1944С

165—168 В БКП, 1942, 1944, 1944С, 1946В — нет.

169—172 Стук в сенях. Хозяин вышел
На крыльцо.— Ты что — попить?
Покурить? — Да нет, дровишек
Для хозяйки нарубить.

З

После 180 Может прежде всяко было,
Не глядел — о чем там речь —
Как дрова она рубила
И когда топила печь.

КП, К

Отходы второй главы

Шел наш брат не той походкой,
Раскрутилася обмотка,
Труден путь, жара тяжка.
Встанешь, пот утрешь пилоткой
Да затяжкой короткой
Одолжишься у дружка.

И такая сохнет корка
У бойца-курца в груди
Даже спички и махорка
Все у немца позади.

И в сухой тяжелой злобе
Вдруг как станешь думать так
Для чего его утробе —
Хоть бы что, а то — табак
И табак, и мох, и лыко,
И болота, край Руси.
Для чего ему? Поди-ка
По хорошему — спроси.

По-людскому, правды ради
Подойди, спроси его.
Молви: дядя, мол а дядя
Для чего?

Посмеется: что вы дет..
Я до правды не горазд.
В морду двинь — тогда ответит,
Задави — тогда отдаст

К бою грудь на грудь сближая
Двух сторон войска

Берега несет большая
Русская река.

Наша, русская с верховья
До морской волны,
Та, что мы отдали с кровью
Кровью взять должны.

И за той рекой такую,
За полоскою одной,
Вот он, вот — подать рукою
Пленный край земли родной.

Он над берегом отвесным —
Горький край беды большой,
Онемевший, бессловесный,
Кровный, русский, да чужой.

И за долгий путь походный
Я узнал наперечет,
Изучил отряд наш сводный —
С бору с сосенки народ.

Вот один тебя потешит,
Пыль по ветру отлетай.
Точно с ярмарки он чешет
Похвалиться только дай

Дай пустить побольше пыли,
Удивить, коль довелось:
Никого так не бомбили.
Как бомбили наш обоз.

Вот бомбили. А другому —
Все такое — сторона.
— Кто куда, а я б до дому...
— А война?
— А что ж война?

Третий просто парень ходкий,
Норовит он, не шутя,
Подрулить к чужой молодке,
На войне пристать в зятя

Переждать лихое время,
Отоспаться, шутишь, друг.
Я иду, слежу за всеми,
Как хотите — политрук.

РТ

Переправа (стр. 26)

Первоначальный набросок, 5.IV.41.

Сутки длилась переправа,
Но, казалось, длилась год.
А на тот, на берег правый
Перебрался только взвод.
(взвод такого-то)
С первой группой ночью он
Погрузился на понтон.
Как паромщик, зная дело,
Управлялся он с шестом.
В стороне вода ревела
Под подорванным мостом.
Впереди чернел зубчатый
За (какою-то) чертой
Незнакомый, непочатый,
Лес над черною водой.
И по правде был он страшен,
Берег тот чужой, куда
Подплывала горстка наших,
Загремев о кромку льда.
И тотчас из тьмы глубокой,
Огненный взметнув клинок,
Луч прожектора протоку
Пересек наискосок,
И тогда из чащи хвойной
Залился огонь *трехслойный*.

Что со взводом — неизвестно,
Сколько там еще живых.
Дать бы дать туда *навесным*,
Да нельзя: А вдруг — своих.

РТ

40—44 В К — нет.

84—87 В К, З, 1944 — нет.

144 В дека бре — к зиме седой.

КП, К, З, БКП, 1942, 1944С

После 222 И не дрогнув даже глазом,
Сам глядит — ни дать, ни взять —
Теркин только ждет приказа,
Чтобы тотчас выполнять...

КП, К, З

О войне (стр. 35)

Заглавие: После боя

1942

После боя, кто обвык,
Так о смерти судит:
Многих наших нет в живых,
Что ж, и нас не будет.

Говорю не для красы,
Говорю серьезно:
Все там будем, как часы,
Рано или поздно.

Разрешите доложить
Коротко и просто:
Я большой охотник жить
Лет до девяноста.

А война — про все забудь,
И понять не вправе.
Собирался в дальний путь —
Дан приказ: Отставить!

Грянул год, пришел черед,
Нынче мы в ответе
За Россию, за народ
И за все на свете.

От Ивана до Фомы
Мертвые ль, живые,
Все мы вместе — это мы,
Тот народ, Россия.

И поскольку это мы,
То скажу вам, братцы,
Нам из этой кутерьмы
Некуда податься.

Тут не скажешь: я — не я,
Ничего не знаю,
Не докажешь, что твоя
Нынче хата с краю.

Невелик тебе расчет
Думать в одиночку
Бомба — дура. Попадет
С дуру прямо в точку.

На войне себя забудь,
Смелым будь со страха.
Рвись до немца грудь на грудь,
Драка, значит, драка.

И признать не премину,
Дам свою оценку,
Тут не то, что в старину
Стенкою на стенку.

Тут не то, что на кулак,
Поглядим, чей дюже.
Я сказал бы даже так:
Тут гораздо хуже.

Ну да что о том судить,
Как, друзья, ни горько,
Как ни что, а надо бить,
Бить его и только.

Сколько жил, на том конец,
От хлопот свободен.

И теперь ты тот боец,
Что для боя годен.

И пойдешь в огонь любой,
Выполнишь задачу.
И, глядишь, еще живой
Будешь сам впридачу.

А застигнет смертный час,
Значит, номер вышел.
В рифму что-нибудь про нас
После нас напишут.

Да украсят, да приврут,
От себя добавят
Чего не было. Но тут
Дела не поправить.

Горевать из пустяков
Нам не стоит, братцы.
То ж стихи. А от стихов
Дети не родятся.

РТ

1 — После боя, кто обвык,
Так о смерти судит:
Многих наших нет в живых.
Что ж, и нас не будет.

Если можно доложить

З

1—4 — Банка шпротов! Мы им честь
Должную окажем.
Как и с чем их нужно есть,
Мы сейчас расскажем.
Потерпи? С утра терплю.
Хлеба нет? Ну что же —
Я без хлеба их люблю,
С сухарями тоже.

Посмотрите вы, каков
Ужин наш трофейный.
Разрешите пару слов,
Вовсе не шутейных.

Не гадал, не думал фриц,
Чтобы эта банка
Вдруг могла из-за границ
К нам попасть в землянку.

Что ж, корысть невелика,
Рассуждая здраво,
Да впридачу есть река
Вместе с переправой.
Наша, кровная она
С самого верховья.
С кровью немцу отдана,
Нынче взята кровью.
И позвольте доложить
Коротко и просто:
Я большой охотник жить
Лет до девяноста.

БКП, 1942

30 Смелым будь со страха.

З, БКП, 1942

Помни все, однако.

1944С

42—44 Как, друзья, ни горько,
Как ни что, а надо бить,
Бить его — и только.

З, БКП, 1942

59—60 Может, что-нибудь про нас
Доброе напишут.

1944, 1946В

61—64 Да украсят, да приврут,
От себя добавят,
Чего не было. Но тут
Дела не поправить.

Горевать из пустяков
Нам не стоит, братцы.
То ж стихи. А от стихов
Дети не родятся.

3

Теркин ранен (стр. 38)

209 Кровь течет, дела табак.

1944

214 Сдохнуть с мокрыми ногами,

КП, К, З, БКП, 1942, 1944С

215 И пораненным плечом.

К

216 Жалко жизни, той жестянки,

КП, К, З

250 Или снайпер с автоматом,

КП, К, З, 1942, 1944С

279—282 Поправляйся, парень бравый,
Отдыхай себе в тепле ...
Без тебя идет кровавый,
Смертный бой — не ради славы,
Ради жизни на земле.

КП, К, З, БКП, 1942, 1946В

В 1944, 1944С — нет.

О награде (стр. 49)

9 Воевали — не гуляли.

БКП, 1942, 1944, 1944С

61—77 *В 1944, 1944С — нет.*

Гармонь (стр. 53)

54—62 *Стихи 54—58 и 59—62 переставлены местами (1970).*

После 97 Что-то медленно по слуху
Подбирал, как будто лень,
На гармонь склонившись ухом,
Шапку сдвинув набекрень.

*1946СП, 1946В; в КП, К, З, БКП, 1942,
1944, 1944С эта строфа стоит вместо
стихов 98—101*

98—101 *В 1946Г — нет.*

208—209 Как там ни было — на фронте
Случай может быть любой.

КП, К, З, БКП

Два солдата (стр. 62)

Заглавие: В избе солдата

КП, К, З

15 Как покорная подруга,

1944—1944С

93—96 А хозяин плутовато
Гостя под локоть: — Дела!
Вот что значит — мы, солдаты! —
Ни за что бы не дала...

К, З

145—156 — Что ж, не знал. Не та эпоха.
Воевал и так не плохо.

Но и ты отметить рад,
Ничего, видать, солдат.
— Говоря иначе — воин,
1944, 1944С

162—164 Отпихнем ли за между?..
— Погоди, отец, наемся,
Закушу, тогда скажу.
КП, К, З

162 Неприятеля побьем?
БКП, 1942, 1944С

О потере (стр. 70)

О потерях

Потерял боец кисет,
Заискался,— нет и нет.

Говорит боец: — Досадно,
Без кисета хуже нет.
Потерял жену. Ну, ладно.
Нет, так на-тебе,— кисет!

Без кисета жить бойцу
Неудобно. Не к лицу.

Незадачный номер вышел,
Столько вдруг свалилось бед.
Потерял боец детишек
За войну! А тут кисет.

Без кисета разве жизнь —
Хоть под бомбой не ложись.

Кабы годы молодые,
А не слишком сорок лет.
Потерял края родные
Человек. И вдруг — кисет

Теркин — потеря шапки.

Головной вернуть убор
Потерять голову

Хорошо, брат, холостому,
Нет тоски такой по дому.

Мне б денек один хотя бы.
И скажу — не так до бабы,
Как до деток...

Холостому? Это точно,
Это ты, как угадал.
И, поверь, что я нарочно
Не женился. Я, брат, знал..

Знал вперед, что не дадут нам жить, как мы жили.

Сколько лет живут на свете.
Двадцать? Скоро двадцать пять.

Четверть века. Ну и будет
привыкнут люди.

Мы на лодке днем
Лодка кверху дном (теплая)
Там сидели мы с одной..
(чувство близкой утраты всего)

Вот что, милые друзья,

Потерять жену не стыдно,
Потерять башку обидно.

Потерять кисет с махоркой
Человеку тоже горько,
Потеряешь — не найдешь.
Потерять страну — нельзя.

Потеряешь — не найдешь
Не найдут потомки наши.
А найдут, то так нескоро,
Что забудут нас с тобой.

РТ

123—126— Без кисета, как я вижу,
Ты вояка никакой.
Не годишься. Ладно, рыжий,
Принимай подарок мой.

КП

127—130 Принимай, я добрый парень,
Мне не жалко отдавать,
Мне еще пять штук подарят
Вместо ордена опять.

КП, 3, БКП, 1942, 1944С

Поединок (стр. 77)

Ранняя редакция (КП, 3, БКП):

Поединок

Ночь. Идут в разведку двое.
Светит снег, а все ж темно.
Охраненье боевое
Позади уже давно.

На пожарищах деревни,
На земле торчат ничьей
Обгорелые деревья
У обрушенных печей.

За пустынным, странным тыном,
За какой-нибудь стеной —
Ни собаки, ни скотины,
Ни одной души живой...

Хлопнул выстрел близко где-то,
И, склоняясь на восток,
Поднялась, пошла ракета,
И за ней — наискосок
Поднялись — другая, третья,
Освещая все вокруг.
И рванул, хлестнул, как плетью,

Пулемет*.

— Ползком, Савчук.

Снова снег мерцает синий.

Стихло все.

— Ты что, Савчук?

— Теркин, друг, лежу на mine...

Вася, милый, мне — каюк'

Теркин — к другу. Сам встревожен

— Эх, товарищ боевой,

Что со смерти слезть не может,

А лежит на ней живой**.

И с мальчишечьей отвагой

Руку — в снег:

— Позволь-ка, я...

Будто рака под корягой

Достает: а вдруг — змея?

Откопал, глядит на свет.

Капсюль — вон. И мины нет.

Подползли к кустам, к оврагу,

Вот уж проволока видна.

Стали, будто бы на тягу,

И — ни шагу до видна.

Просидели ночь в овраге,

Ночь не жаркая была.

*

Хлопнул выстрел близко где-то,

Поднялась, пошла ракета,

Освещая все вокруг.

Пулемет!

З, БКП

** Далее в З и БКП:

Отвались тихонько набок.

Слышишь, что ли? Дай помочь.

Что, ты думал — это баба,

Пригревать решил всю ночь?

Раза два из общей фляги
Потянули для тепла.

Втихомолку закусили,
Закурить бы — так побудь.
Ночь прошла. Вдохнул Василий
И — ни с чем в обратный путь.

Не с великою отвагой
Подползал Савчук к оврагу,
Но зато в обратный путь
Не пришлось его тянуть.

Как-то вовсе и не страшно
По следам ползти вчерашним,
Где, казалось, каждый шаг,
Вдох и выдох слышит враг.

Да, товарищи родные,
Правду молвить долг велит.
Кто в разведку шел впервые,
Испытал и страх и стыд.

Испытал тоску и жалость
По себе. И песью дрожь.
Так вот прямо ты, казалось.
В клешни тепленький идешь.

А бывалые ребята
Не боятся тех клешней.
Пусть тебе и страшновато,
Да врагу в сто раз страшней.

Ты врагу за каждой веткой
Ночью мнишься невпопад.
Ты один не спишь в разведке,
А зато там все не спят.

И за зря, свой выдав трепет,
В небо враг ракеты лепит,
Гонит пули в белый свет.
Ты здесь был. Тебя тут нет.

Ты ушел, богат удачей,
Не найти в ночи следа.
Правда, может и иначе
Получиться. Как когда...

На знакомые задворки
Вышли Теркин и Савчук.
Вскинув разом автоматы,
В снег ребята пали вдруг.

Немец шел, пригнувшись низко,
Белый, шел навстречу сам
Видно, тоже ночью рыскал.—
Мы к нему, он в гости к нам.

Под бойцами — снег горячий:
Взять «язык» была задача
Вот «язык», да хоть хорош,
Только вряд ли доведешь.

Вряд ли целого осилишь.
Вот он мимо их шагнул.
И товарища Василий
Тихо под локоть толкнул.

Ни стрельбы нельзя, ни крика —
Обхватить, свалить назад.
Силы был Савчук великой,—
Для того и в дело взят.

Смотрит Теркин: что ж он, Ваня?
Покачнулся, сбит, повален,
Кувырнулся, как мешок.
Лишь вспорхнул за ним снежок.

И лежит Иван, как мертвый,
В снег уткнулась голова.
И один вцепился Теркин
Немцу в оба рукава.

Двое дальних, неизвестных,
Порознь выросших людей,
Незнакомых, бессловесных,
Каждый с жизнью всей своей,—

На пустынном том задворке,
На утоптанном снегу,
Были — да! — и тот, и Теркин —
Зверю — зверь и враг — врагу.

Немец был силен и ловок,
Ладно скроен, крепко спит,
Он стоял, как на подковах, —
Не пугай — не побежит.

Сытый, бритый, береженный,
Даровым добром кормленный,
На войне, в чужой земле
Отоспавшийся в тепле.

Он ударил, не страшая,
Бил, чтоб сбить наверняка.
И была, как кость, чужая
В русской варежке рука...

Не играл со смертью в прятки, —
Взялся — бейся и молчи, —
Теркин знал, что в этой схватке
Он слабей. Не те харчи.

Есть войны закон не новый:
В отступленьи — ешь ты вдоволь
В обороне — так ли, сяк,
В наступленьи — натошак...

Немец стукнул так, что челюсть
Будто вправо подалась.
И тогда боец, не целясь,
Хрястнул немца промеж глаз.

И еще на снег не сплюнул
Первой крови злую соль,
Немец снова в санки сунул
С той же силой, в ту же боль.

Так сошлись, сцепились близко,
Что уже обоймы, диски,

Автоматы — к чорту — прочь!
Только б нож и мог помочь.

Бьются двое в клубах пара.
Об ином уже не речь,—
Ладит Теркин от удара
Хоть бы зубы заберечь

Но покуда Теркин санки,
Сколько мог,
В бою берег,
Двинул немец, точно штангой,
Да не в санки —
Вдруг — под вздох..

Охнул Теркин: плохо дело,
Плохо,— думает боец.
Хорошо, что легок телом —
Отлетел. А то б — конец.

Устоял — и сам с испугу
Теркин немцу дал леца,
Так, что собственную руку
Чуть не вынес из плеча.

Чорт с ней! Рад, что не промазал.
Хоть зубам не полон счет,
Но и немец правым глазом
Наблюденья не ведет.

Драка — драка, не игрушка:
Хоть огнем горит лицо,
Но и немец красной юшкой
Разукрашен, как яйцо.

Вот он — в полвершке — противник.
Носом к носу. Теснота.
До чего же он противный —
Дух у немца изо рта.

Злобно Теркин сплюнул кровью.
Ну и запах. Валит с ног

Ах ты, сволочь, для здоровья
Не иначе — жрешь чеснок.

Ах ты, племя нелюдское,
Ну, чеснок,— куда ни шло,
Нет, так мясо жрешь сырое,
Чтоб до баб тебя звало.

Ты куда спешил — к хозяйке?
Матка, млеко? Матка, яйки?
Оказать решил нам честь?
подавай? А кто ты есть?

Кто ты есть, что к нашей бабке
Заявился на порог,
Не спросясь, не снявши шапки
И не вытерши сапог?

Со старухой сладить в силе!
подавай? Нет, кто ты есть
Что должны тебе в России
подавать мы пить и есть?

Не калека ли убогий?
Или добрый человек?
Заблудился
По дороге?
Попросился
На ночлег?

Добрым людям люди рады.
Нет, ты сам себе силен.
Ты наводишь
Свой порядок.
Ты приходишь —
Твой закон.

Кто ж ты есть? Мне толку нету,
Чей ты сын и чей отец.
Человек по всем приметам,—
Человек ты? Нет. Подлец.

Двое топчутся по кругу,
Словно пара на кругу,
И глядят в глаза друг другу —
Зверю — зверь и враг — врагу.

Как на древнем поле боя,—
Грудь на грудь, что щит на щит,
Вместо тысяч бьются двое,
Словно схватка все решит.

А вблизи от деревушки,
Где застал их свет дневной,—
Самолеты, танки, пушки —
У обоих за спиной.

Но до боя нет им дела,
И ни звука с двух сторон.
В одиночку — грудью, телом
Бьется Теркин, держит фронт.

На печальном том задворке,
У покинутых дворов,
Держит фронт Василий Теркин,
В забвенье глотая кровь.

Бьется насмерть парень бравый,
Так, что дым стоит сырой.
Словно вся страна-держава
Видит Теркина: — Герой!

Что страна! Хотя бы рота
Видеть издали могла,
Какова его работа
И какие тут дела.

Только Теркин не в обиде.
Не за тем на смерть идешь,
Чтобы кто-нибудь увидел,—
Хорошо б! А нет — ну что ж...

Бьется насмерть парень бравый —
Так, как бьются на войне.

И уже рукою правой
Он владеет не вполне.

Кость гудит от раны старой,
И ему, чтоб крепче бить,
Чтобы слева класть удары,
Хорошо б левшою быть.

Бьется Теркин.
В драке зоркий,
Утирает кровь и пот.
Изнемог, убился Теркин,
Но и враг уже не тот.

Далеко не та заправка
И побита морда вся,
Словно яблоко - полявка,
Что иначе есть нельзя.

Кровь — сосульками. Однако
В самый жар вступает драка.
Немец горд.
И Теркин горд.
— Раз ты — пес, так я — собака,
Раз ты — чорт,
Так сам я — чорт!

Ты не знал мою натуру,
А натура — первый сорт.
В клочья шкуру —
Теркин чуру
Не попросит, — вот где чорт.

Кто одной боится смерти,
Кто плевал на сто смертей.
Пусть ты — чорт. Да наши черти
Всех чертей
В сто раз чертей.

Бей, не милуй. Зубы стисну.
А убьешь, так и потом
На тебе, как клещ, повисну,
Мертвый буду на живом.

Отоспись на мне, будь ласков,
Да свали меня вперед.
Ах ты вон как! Драться каской?
Ну не подлый ли народ!
Хорошо же!

И тогда-то,
Злость и боль забрав в кулак,
Незаряженной гранатой
Теркин немца с левой — шмяк!

Немец охнул и обмяк...

Теркин ворот нараспашку,
Теркин сел, глотает снег.
Смотрит грустно, дышит тяжело, —
Поработал человек.

Только видит: немец ожил
И пополз к себе домой,
Видит, видит, а не может
Встать хотя бы Теркин мой.

Вот он, немец, оглянулся.
Ни души иной вокруг —
Уползет! Но тут очнулся
На снегу Иван Савчук.

Поглядит — плетень, деревня
И кругом натопан снег.
Не поймет, как та царевна,
Что проспала целый век, —
В чем тут дело, что такое?

— Теркин, где мы?
— Тут пока.
Теркин левою рукою
Показал на след врага:
— Упустил живую силу.
— Ах ты пропасть!..
— Язва с ним.
А зато какой красивый
Он зайвится к своим.—

Сам чуть жив, кровавой коркой
Щеки, губы, нос покрыт,
Через боль хохочет Теркин,
Что у немца тот же вид.

А Савчук:
— Однако жалко.
Упустили. Вот дела.
И опять же — зажигалка
У него, небось, была?

Видит Теркин — в норме парень.
Говорит:
— Прошу учесть,
У него часов по паре —
Да каких! — вот здесь и здесь.

Тут Савчук насупил брови
И на звезды свежей крови
Покосился, хмурый, злой,—
Раз! — и валенки долой.

Напрямик как даст вдогонку —
Может, слышал, может, нет,—
— Только бей, Савчук, тихонько,—
Крикнул слабо Теркин вслед.

Вот минута, две минуты,
Три минуты, пять минут,—
Разувался не для шуток —
Шесть минут —
И парень тут.

Босиком — добро, закалка.
— Ну, Савчук, не так ты прост,
Если вместе с зажигалкой
Немца заживо принес...

Хорошо, друзья, приятно,
Сделав дело, ко двору —
В батальон идти обратно
Из разведки поутру.

По земле ступать советской.
Думать — мало ли о чем,
Автомат нести немецкий,
Между прочим, за плечом.

«Языка» — добычу ночи —
Что идет, куда не хочет,
На три шага впереди,
Подгонять: — Иди, иди...

Видеть, знать, что каждый встречный-
Поперечный
Это — свой.
Незнаком, а рад сердечно,
Что вернулся ты живой.

Доложить про все по форме,
Сдать трофеи неспеша.
А потом тебя покормят, —
Будет мерою душа.

Старшина отпустит чарку,
Строгий глаз в нее кося.
А потом у печки жаркой
Ляг, поспи. Война не вся.

После 64 Ах ты, племя нелюдское!
Ну, чеснок — куда ни шло,
Нет, так мясо жрешь сырое,
Чтоб до баб тебя звало.

КП, З, БКП, 1942,
1944, 1944С

191—195 В КП, БКП — нет; в архивных автор-
ских экземплярах БКП вписано автором
от руки.

От автора (стр. 85)

71—72 Без приказа и сигнала,
Скажем только, наш солдат
Города сдавал сначала,
Но теперь берет назад.

Словом, жить ни дня, ни часа
Он не может без приказа

РТ

44—107 Сказка-быль о женах, семьях,
Об огнях столиц и сел,
О родных советских землях,
По которым враг прошел.

О какой-нибудь Колодне,
Нынче спаленной дотла.
О гулянке среди села.
О реке, что там текла.
О судьбе, что в гору шла.
О той жизни, что была,
За которую сегодня
Жизнь отдай,— хоть как мила.

Вот что нам всего дороже,
Вот за что и в бой идешь.
Вот чем сердце растревожить
Мог бы каждому...

Ну, что ж!

Друг-читатель, не печалься,
Делу время не ушло.
Всё зависит от начальства,
А начальство — все учло.

Все концы и все начала,
Сердца вздох, запрос души.
Увязало, указало
И дозволило—пиши!

Отрази весну и лето,
Место осени отмерь.
И задача у поэта
Просто детская теперь.

Разложи перо, бумагу,
Сядь, газетку почитай,
Чтоб ни промаху, ни маху
Не случилось, и — катай

И пойдет, польется так-то,
Успевай хоть сам прочесть.
Ну, ошибся? Есть редактор.
Он ошибся? Цензор есть.

На посту стоят не тужат,
Не зевают, в толк возьми,
Что ошибку обнаружить
Любят — хлебом не корми.

Без особой проволочки
Разберут, прочтут до точки,
Личной славе места нет,
Так что даже эти строчки
Вряд ли выйдут в белый свет.

Тем же ладом, тем же рядом,
Только стежкой иной,
Пушки к бою едут задом,—
Это сказано не мной.

РТ *

Сказка-быль о женах, семьях,
Об огнях столиц и сел,
О родных советских землях,
По которым враг прошел.

* В КП вместо последних четырех строк («И пойдет, польется так-то...» и т. д.):

Что ж еще? И всё, пожалуй.
Та же книга про бойца —
Без начала, без конца.

Тем же ладом, тем же рядом,
Только стежкой иной.

— Пушки к бою едут задом,—
Это сказано не мной.

КП

О какой-нибудь Колодне,
 Нынче спаленной дотла.
 О гулянке средь села.
 О реке, что там текла.
 О судьбе, что в гору шла.
 О той жизни, что была,
 За которую сегодня
 Жизнь отдай, хоть как мила.

Вот что нам всего дороже,
 Вот за что и в бой идешь.
 Вот чем сердце растревожить
 Мог бы каждому...

Ну, что ж'

Что ж еще? И все, пожалуй.
 Та же книга про бойца —
 Без начала, без конца.
 Тем же ладом, тем же рядом,
 Только стежкою иной.

— Пушки к бою едут задом, —
 Это сказано не мной.

К

После 86 Мы не то сказать могли бы:
 Даже дружба коротка.
 Этот убыл, этот прибыл
 Счет ведется от штыка.

З

91 От любой поганой пули,

*З, 1944, 1944С,
 1946СП, 1946Г*

95—99 В З, 1944, 1944С — нет.

105 Только с присказкой иной.

З, 1944С

Кто стрелял? (стр. 90)

Рукописные наброски

Под бревенчатым накатом
Телефон в земле укрыт.
Капитан молодцеватый
Горбась, в трубку говорит:

Сидоренко, все в порядке?
Точно. Роща Молоток.
В шесть ноль-ноль идут лошадки,
Следом мы. Давай, браток.

От окопов пахнет пашней,
День стоит, как добрый день.
От силосной круглой башни
Поперек дороги — тень.

И увезут — и это страшно
На пожарищах сады.

Белым, белым, розоватым
Цветом землю облегли,
Словно выложили ватой
Раны черные земли.

Журавель. Труба без хаты.
Мертвый ельник невдали.

Где елушка, где макушка
Устояла от огня.
Пни, стволы стоят в окружку,
Как неровная стерня.

Ближе — старая церквушка
За оградой из плетня.

Кирпичи, столбы, солома,
Уцелевший угол дома,

Посреди села — дыра, —
Бомба памяти дала...

РТ

После 55 Хоть кого она согреет,
Рассудительная речь:
— Это герман батарюю
Здесь успел уже засечь.

КП, К

После 149 По порядку опросили,
Разыскали, наконец.
— Кто стрелял?
— Стрелял Василий
Теркин.
— Звание?
— Боец...

КП, К

162—165 В КП, К — нет.

162—164 И на том безвестном взгорке,
Славой будто бы смущен,
Перешел в герои Теркин,—

З, 1944С

К этой шутке-поговорке
Сам добавил батальон:
— Молодец Василий Теркин!—
Это был, понятно, он...

1944

О герое (стр. 97)

Заглавие: Еще о награде

КП, К

1—4 В КП, К, 1944 — нет.

После 8 Спим, лежим в одной палате.
Наравне. Светла * беда.
А сияет на халате
У него уже звезда.

КП, К

Генерал (стр. 101)

6 Где-то зимние упряжки

КП, К

14 Где-то огненным забором
К Волге двинулась беда...

КП, К

Далее в К:

И не диво ль, что тогда,

18 Скажем просто: загорал.

КП, К

После 143 Или попросту потрогал,
Распушил, проверил их,
Поершил, посунул. Много
Есть приемов и иных.

К

196—199 Хоть веселый, хоть угрюмый,
На-людях, наедине,
А пожалуй и во сне
Думал он, а что он думал,
Он докладывал не мне.

Много может быть догадок,
А не знаешь — что ж гадать.
Скажем: помощь Сталинграду
Под Сычёвкой² думал дать...

* В К: Одна

— Ты по карте мало-мальски
Разбираешься? Так вот...
Карандашик генеральский
За собой бойца ведет.

Обернулось как-то ловко,
Теркин, дело за тобой:
Получай командировку
В край родной смоленский свой.

Теркин знает все, что надо,
Наведен на ясный след.
— Доберёшься в штаб отряда...
Командир — товарищ Дед...

КП, К

203 Словно мастер кой о чем.

КП, К

204—212 В КП, К — нет.
После 237 Не скупой скороговоркой
Провожал бойца на бой.

— Ну так что ж, Василий Теркин,
В добрый путь! Бывай живой.

КП, К

244—245 То ль в родную сторону,
То ли с фронта на войну...

КП, К

О себе (стр. 111)

Заглавие: День в лесу

КП, К

Перед : В глубине тылов немецких,
От Днепра верстах в пяти
Русский смешанный, простецкий
Лес пришелся по пути.

Лес — ни пулей, ни осколком
Не пораненный ничуть;
Не порубленный без толку,
Без порядку как-нибудь;
Не корчеванный фугасом,
Не поваленный огнем,
Хламом гильз, жестянок, касок
Не заваленный кругом;
Блиндажами не изрытый,
Не застроенный зимой;
Ни своими не обжитый,
Ни чужими под землей.
Лес — как лес.

Ольха, орешник,
Дуб, сосна, береза, ель.
И с веселой силой вешней
Всё заплевший дикий хмель.

Полдень раннего июня
Был в лесу. И каждый лист —
Полный, радостный и юный,
Был горяч, но свеж и чист.
Лист к листу, листом прикрытый
В сборе лиственном густом,
Пересчитанный, промытый
Первым за лето дождем.
И в глуши родной ветвистой
И в тиши дневной, лесной —
Молодой, густой, смолистый,
Золотой держался зной.

И в спокойной чаще хвойной
У земли мешался он
С муравьиным духом винным
И пьянил, склоняя в сон.

И в истоме птицы смолкли.
Светлой каплею смола
По коре нагретой елки,
Как слеза во сне, текла...

Мать-земля моя родная,
Сторона моя лесная!

Край недавних детских лет,
Отчий край — ты есть или нет?

КП, К

9—24 В К — нет.

14—24 В КП — нет.

22 Не застроенный зимой,

З, 1944, 1944С, 1946СП,

1946В, 1946Г

29—54 Вспомнить разом, что придется:
Сонный полдень над водой,
Дворик, стезьку до колодца,
Где песочек золотой,
Книгу, читанную в поле,
Кнут, свисающий с плеча,
Лед на речке, глобус в школе
У Ивана Ильича...

Детства день до гроба милый,
Край родной, что сердцу свят.

КП, К

57—64 В КП, К — нет.

90—91 Этот час не за горою,
С этой вестью для тебя
Я послал туда героя,
Всею душой его любя...

КП, К

94 Ты уж начал про себя.

КП

127—130 Вот и ясно все до корки,
Дальше двигаться пора...
День провел Василий Теркин
В том лесу вблизи Днепра.

День был долгод и, быть может,
Хоть ни мало не поэт,

Теркин как-нибудь похоже
Размышлял. А нет, ну — нет...

КП, К

Рассказ партизана

— Скольких вас, про то не буду,
Проводил я на восток.
Первый ты идёшь оттуда,
Вот и дожил я, сынок.
Поздороваемся, ну-ко...

Взяв подмышку дробовик,
Подошёл к бойцу и руку
Протянул ему старик.

— Вот и радость, вот и жалость,—
Всхлипнул дед,— дождался я.
А старуха не дождалась,
Тимофеевна моя.
Вот и нет моей подружки,
Шутка ль, вместе сорок лет...

Жалко, видишь ли, телушки
Стало ей,— добавил дед.

Старина, как на картинках,
Седина, да свеж с лица.
В голубых глазах, в морщинках —
И печаль и хитреца.

Рябью тень лежит от веток,
В чаще трав куёт коваль.
— Немцев, милый, близко нету,
Это — наша магистраль.
Кто тут я? Чего же проще:
Проверяю вот, слежу...
— Ах, вот как! Регулировщик?
Дед не понял:
— Не скажу...

Сели. Ладится беседа.
Обняв дуло ружьяца,

Вот что дед бойцу поведал,
Слово в слово до конца.

— А и то подумать, милый,
А и так понять, сынок:
Ведь она ее кормила,
Берегла, растила впрок.
И забота ей в охоту
С телкой той. Была она
За усердную работу
От колхоза ей дана.
Дескать, вот тебе на племя,
Сберегай, обзаводись.
А теперь приходит немец
И свою имеет мысль.
«В ряд с немецкою полушкой
Твоему не встать рублю.
Матка, матка, дай телушку,
Я телятину люблю».
В глупой, жалостной надежде
Баба с просьбой к подлецу:
«Вы телушку, мол, не режьте,
А нарежьте вы овцу».
Плачет баба, топит печку,
Немца жалость не берет.
Правду скажем, что овечку
Он зарезал наперед.
Учинил себе пирушку,
Съел зараз бараний бок.
А потом уже телушку
На корыто поволок.
И опять у них жаркое,
Трое немцев за столом.
Даже в горе нет покоя
Со старухой нам вдвоем.
И в своем дому нам тесно,
Не уйти от ихних глаз.
Вдруг как станет интересно
Им спяна глядеть на нас.
Поглядят, перемигнутся,—
Их, мол, праздник и престол.
Вдруг как цорснут, аж погнутся,
Аж повалятся на стол.

Пожуют, чего-то скажут,
Выпьют, снова пожуют,
Снова с хохоту поляжут —
Кто на скатерть, кто под кут.
И вовек такого смеха
Я не видел у людей.
Тот под стол нарочно съехал,
Чтоб ещё ему смешней.
Тот в подливку локоть мочит,
Тот уж строит, что нивесть:
Вынул зеркалаще, хохочет
И глядит, какой он есть.
Наше горе — им игрушки,
Веселей идет обед.
Ни овечки, ни телушки
У старушки, дескать, нет.
Хохот, грохот. Вскоре гости
Вовсе память перешли.
Со стола кидать нам кости
Норовят. Хватай с земли.
Как последняя собака,
Человек в своей избе.
И не выдержал, заплакал,
Признаюсь, сынок, тебе.
Что ж тут есть на белом свете?
Как же быть? Куда бежать?
Где ж покинули вы, дети,
Старика, родную мать?
Или вы уж так далече,
Что кричать напрасно вслед?
Или бить его уж нечем —
Войска нет, силёнки нет?
И уже пройдет граница
Поперек родной Руси?
И уже, как говорится,
Только милости проси?
И уже навеки, глухо
Припечатана печать?..
А старуха... Ах, старуха,
Может, лучше б ей смолчать,
Вдруг и встала...
Не иначе

Не под силу боль пришлась:
 Как сажу, хозяин, плачу —
 Увидала в первый раз.
 Или, может быть, подружке,
 Тимофеевне моей,
 Так уж стало жаль телушки,
 Как бывает жаль детей.
 Или, может, стало плохо,
 Что топила жарко печь,—
 Вдруг немецкий этот хохот
 У старухи вызвал речь.
 У простой моей старухи,
 Что весь век жила за мной,
 Поднялися с дрожью руки
 Над седою головой.
 Слов тех много или мало,
 Суть одна и смерть одна.
 — Будьте прокляты,— сказала,—
 Ни покрывки вам, ни дна...

Отдалось в мозгах их пьяных
 Бабье слово трезвое.
 За столом их смех поганый,
 Как ножом, отрезало.
 И сидят в дыму табачном,
 Блеск идет от красных лиц.
 А старухе уж не страшно.
 — Врешь,— кричит,— подохнешь,
 фриц!..

При словах последних этих,—
 Все как будто бы во сне,—
 Вынул немец пистолетик,
 Отвалясь спиной к стене.
 Погрозился б, так не диво,
 Но меня, чуть вспомню,— в пот,
 Как он целился лениво
 И кривил от дыма рот.
 На особую заметку
 В память я навеки взял,
 Что в зубах он сигаретку
 В тот момент свою держал...

Не ослабла та пружинка,
Не подвел немецкий бой,
Не поспел и я, мужчинка,
Заслонить жену собой...

Отошла она без страху,
Довелось в своей избе.
А смеретную рубаху
Уж носила на себе.
Все тянулась пить из кружки,
И как мог сказать язык,
— Вот,— промолвила,— телушки
Не дождались мы, старик...

И такая боль и жалость
У меня, как вспомню я.
Ничего ты не дождалась,
Тимофеевна моя...

Вот и нет моей подружки,
Шутка ль, вместе сорок лет.
Жалко, видишь ли, телушки
Было ей,— закончил дед.

Молча, бережно и жадно
Слушал старого боец.
И вздохнул, и только:
— Ладно,
Ладно,— молвил подконец.

Но не будь он службой связан,
Не блюди солдатский долг,
Он бы, может, с тем рассказом
Воротился тотчас в полк.
От начальства до другого,
Как положено в строю,
Он пошел бы.
— Дайте слово,
Дайте речь сказать мою.

Он бы влез на танк, на пушку,
Чтобы всем издалека,

Всей дивизии в окружку
Слышно было.

А пока:

— Ладно, дед. За ту телушку
Мы возьмем еще быка.

КП, К

Рукописные варианты к главе «Рассказ партизана»

1. Попытка вставной песенки в «Рассказ партизана»:

Замуж вышла, свадьбу справила,
Надо жить, а тут война.
На войну меня отправили —
И осталась ты одна.

Двор раскрытый, луг некошенный,
Надо жить — как жить одной?
И пришел с войны поношенный,
Потревоженный, больной.

Миновало время слезное,
Надо жить, а нет поры.
Поднялась деревня розная,
В поле выползли дворы.

Воют в поле зимы снежные,
Надо жить — достаток мал.
А лета уже не прежние,
А детишек бог послал.

Вот и старость подбирается,
Надо жить. Неурожай.
А народ в колхоз собирается —
С места заново съезжай.

За людьми и мы, как исстари.
Надо жить — опять война.
И грозит уже не издали,
В двери ломится она.

Немец чистит под метелочку.
Надо жить — ему не спрос.
Вот бы выросли телочку,
А попала псу под хвост.

Рассудить, размыслить ежели —
Надо жить, а жизни нет.
А и жили мы иль не жили —
Неизвестно. Дай ответ.

2. Начало «Рассказа партизана»
(из «Гвоздева»):

На тропинку Теркин вышел,
Что такое? Шум в ушах?
Где-то рядом шорох слышит,
Осторожный чей-то шаг.

Дай-ка, думает, проверим
По привычке боевой,
Что за птицу или зверя
Мы имеем за спиной.

Все вокруг тебе знакомо.
Ты в родном лесном углу.
И однако ты не дома,
А во вражеском тылу...

Не поймет — кругом затишно,
Долог счет немых минут.
Остановится — не слышно,
Чуть пойдет — и вслед идут.

Надоела эта штука;
То ли дело — на войне.
И сказал боец: — А ну-ка,
Кто там есть, сюда — ко мне.

За кустами неприметно,
Кто и сколько, но тогда
Слышит голос он ответный:
— А поди-ка ты сюда.

Дальше — больше. Толку нету.
Тишина. Кругом кусты.
Не идет ни тот ни этот:
— Лучше ты.
— А лучше ты.

Зло солдату вникло в душу,
Нетерпенье давит грудь.
Что же ты думаешь, что трушу?
Так ничуть.— И я ничуть.

Ах, ничуть.— С тропинки узкой
Теркин — первым — в глушь кустов —
С тем одним словечком русским,
Что — замена стольких слов.

Сгоряча, а вышло ловко:
Свой — примета из примет.
Дробовик наизготовку —
Из кустов выходит дед.

И ни тот, ни тот — ни с места,
Но уж срок заговорить.
—Здравствуй, дед. Признайся честно —
Не найдется ль закурить.

Дед, прищурившись от света,
Достает кисет тотчас:
— Уж из этого кисета
Угощалось — тыщи вас.

Затеваётся беседа.
Сели. Правды нет в ногах.
Тот бойца, а этот деда
Проверяют не за страх...

.

Не скажу, чего не знаю,
А доподлинно одно,
Что сия тропа лесная
Не тропа, а полотно.

И не так давно движенье
Было здесь, сынок ты мой!
Тыщи душ из окруженья
Проводил я по прямой.

Шли худые, шли босые
В неизвестные края.
Что там, где она, Россия,
По какой рубеж своя?

Шли бойцы и шли майоры,
Подполковник ковылял
И полковник, а который,
Может, он и генерал.

И причмокнул, сидя рядом;
— Ну-ко, понял или нет?
— Ладно, дед, про то не надо.
Я ходил, я знаю, дед.

Из «Встречи»

— Что ж, не надо, так не буду.
Лучше ты скажи, сынок:
Скоро ль ждать нам вас оттуда,
Иль не скоро, милуй бог.

— Скоро ль, нет ли — не отвечу,
Тайну тайной сохраняю,
Но скажу, что время встречу
Вам тому готовить дню.

И задумавшись невольно,
Промолчал, вздохнул старик.
И взглянул на одноствольный
Свой старинный дробовик.

— Покажи-ка, что за пушка, —
Теркин взял ружье за ствол.
Пушка, парень, не игрушка.
Строго руку дед отвел.

И сказал, ружье поставив
Меж обутых в лапти ног.
— Это пушка не простая,
С ней история, сынок.

Продолжается беседа
И, коснувшись ружьяца,
Вот что дед бойцу поведал
Слово в слово до конца.

— Ровно тридцать лет досужее,
Вплоть до нынешней войны,
Это самое оружие
Не снималось со стены.

И висело, как повешено,
Дулом кверху — в потолок.
На дворе собаки бешеной
Не случилось в этот срок.

PT

Бой в болоте (стр. 117)

Перед ¹ В дни, когда расчет за нами
И героев имена
В ряд выходят с именами
Городов твоих, страна;
И торчит в степных заносах
Изувеченный металл,
Что не в шутку по колеса
Пол-Европы намотал;

И в походе на привалах
Светом праздничным огни
Лица воинов усталых
Освещают, — в эти дни —
К легким песням изготоясь,
Что всегда нужней в пути,
Не прервать ли нашу повесть,
Не свернуть ли нам с пути?

Нет, товарищи родные,
В славный год, в победный год,
Что б ни думали иные —
Нам идти на полный ход.

Как от раны боль на убыль
Повернет за много дней,
Лишь тогда легко и любо
Нам рассказывать о ней.

А еще добавим к слову:
Жив-здоров герой пока,
Но отнюдь не заколдован
От осколка-дурака,

От любой поганой пули,
Что, быть может, наугад,
Как пришлось, летит вслепую,
Подвернулся, — точка, брат.

И в предчувствии разлуки,
Что бывает на войне,
Рассказать еще о друге
Кое-что хотелось мне...

К

51—55 В 1944 — нет.

72—75 В КП, К — нет.

84—88 В КП, З — нет.

152 И неспешно за разрывом

КП, К

156 Да, заставь признаться честно —
Никому из них уже
На болоте это место,
Где лежат, не по душе,
Всех зовет еще куда-то:

КП, К

168—171 Немцы — вот: От ближней хаты
Слышен говор у крыльца.

И приходят вдруг солдаты
На постель набрать сена.

К

После 232 И покамест* где-то в сводке,
Близ иной какой строки,
Промелькнул строкой короткой
Населенный пункт Борки,—

КП, К, З, 1944

О любви (стр. 128)

После 4 [Все равно — жена ли, мать,
Может быть, сестренка,
Или, может быть, сказать
Попросту — девчонка.]

РТ

После 16 С губ шершавых не сойдет,
Сердцем не утрачен,
Поцелуй последний тот
Губ, от слез горячих.
Бедных тех, родимых губ,
Слабых и печальных,
Как он памятен и люб
Поцелуй прощальный.
В трудный час, в веселый час,
Пред бедой люблю —
Он у каждого из нас
При себе, с собою.

КП, К

25 Не проси. Он мой. Он весь

КП, К

После 45 Та любовь сквозь все прошла,
Силы не теряя.

* В З, 1944: покуда

И, глядишь, тебя нашла
На переднем крае.

КП, К

62 Не разжечь сырые.
Недосып и недоед —
Все, брат, ей знакомо.
На посту им смены нет —
Тем, что нынче дома.

КП, К

После 70 Только б цел ты. Не беда,
Если даже ранен.
Все равно ты ей всегда
Дорог и желанен.

КП, К

71—88 Да, друзья, любовь жены,
Что придет в конверте,

К

После 94 На обычном языке
Это означает,
Что иные вдалеке
Жены не скучают...

КП

Отдых Теркина (стр. 135)

Заглавие: На отдыхе

К

53—56 В КП — нет.

105—106 Кто тут жил? И где он ныне?
То ль на фронте, то ль в тылу,
То ли в городе Берлине
Спит на каменном полу.

А ему б в своей постели
Спать,— на то и угол свой.

КП

154—157 Посудите сами, братцы:
Не придумано чудней —
Раздеваться, разуваться
На каких-то на шесть дней.

КП

160—161 Лучше скажем: передышка,
Переспали — и прощай.

И никто б из нас не умер,
Если б дома переспал.—
Это Теркин все подумал,
Вслух ни слова не сказал...

КП

После 169 О родной мечтая кухне,
Растянулся вдоль доски.
И еще часок припухнул,
Как сказали б моряки.

КП, К

183 Хороши харчи и хата,
З, 1944, 1944С, 1946В

187 Как придем в Берлин-столицу
1946СП, 1946В

В наступлении (стр. 143)

29—40 В КП, К — нет.

37—40 В 1944, 1946В — нет.

95 Свой ведя минутам счет.

КП, К

Свой ведя секундам счет.
З, 1944С

113 Под Чапаева усатый,

КП, К

125 Словно был Суворов сам.

З, 1944, 1944С

Рукописные наброски:

Долго были в обороне
разъелись кони,
И поправился народ.
И у входа в блиндажи
Домовитые дворняжки
Поднимали дружный лай.
Петушок
По утрам будил комдива,
Как хозяина двора.
И нарочно, не нарочно
Были вмазаны котлы.
В банях парились —
Даже веники имели
С лета — свои.
Так без горя и печали
Жили, Теркина читали.
Вдруг — приказ —
конец стоянке.

Позади —
Опустевшие землянки,
Сиротливые дымки.

В обороне чуть не год.
вот так, наверно,
И война, и все пройдет.
И пожалуй жалко будет.
И об этом обо всем
Не один из уцелевших
Пожалеешь ты потом.
Скажешь — то ли дело было,
Как стоял я под Орлом.
И командующий третий
С адъютантом безотлучным
Капитаном —

Был в дивизии с утра.

И при нем, казалось,
Нельзя не иметь успеха
И при нем попасть не может
Пуля, мина.

Командир взвода, где Теркин —

Он сбежал с крылечка хаты
И пошел, держась к стене,
Молодой, молодцеватый,
С автоматом на ремне.

И за той глухой пальбою
За разрывами в дыму
Он следил, охотник боя,
Понимая что к чему.

Как посмотрит, что он скажет,
Люди знают наперед.

— Братцы, братцы... ранен сам...

Подбежали. И тогда-то —
С тем и будет не забыт —
Он сказал — Вперед, ребята,
Я не ранен. Я — убит.

Теркин:— За мной.

Кто взял деревню?

Командующий (с адъютантом безотлучным):

— Здравствуй, Теркин,
Поздравляю, лейтенант.
Сколько звезд — Теркин, хоть и прост.

Страшной власти это слово,
Пусть хоть тыщи раз оно
С жесткой ясностью суровой
На войне повторено.

Пусть за этим словом следом
В самом деле не всегда
Шла удача и победа,
А случалась и беда,—

Не убавившись нимало,
С полной силой всякий раз
Вновь и вновь оно звучало,
Слово краткое — приказ.

На исходе этих суток,
Точно зимний свет в окно,
Точно белый первоуток
В темный лес вошло оно.

И в своей шинели мятой,
Похудевший, бородатый
В самый раз походит он
На российского солдата
Всех компаний и времен.

И солдат мой поседелый,
Коль останется живой,
Вспомнит: то-то было дело,
Как стояли под Москвой.

И с печалью горделивой
Он начнет в кругу впучат
Свой рассказ неторопливый,
Если слушать захотят.

Трудно знать. Со стариками
Не всегда мы так добры.
Там посмотрим. А покамест —
Далеко до той поры...

Да идет, идет порядком,
А глядишь и не дошел,
Отдохнуть прилег с устатку
Под одним из тысяч сел.

На снегу ль, в траве ль зеленой —
Прикорнул на век боец.
А команде похоронной —
Подобрать — и с тем конец.

По природе был он тоже
Смертный, только и всего
Но казалось, с ним не может
Здесь случиться ничего.

PT

Смерть и воин (стр. 151)

Рукописная редакция:

Смерть и Теркин

В чистом поле на пригорке,
Одинок и слаб и мал,
На снегу Василий Теркин
Неподобранный лежал.

Голый ствол березы белой,
Обезглавленной огнем,
Полый, черный танк горелый,
Под откосом кверху дном —
Снеговых траншей развилок,
Сбросы свежие земли,—
Все уж это было тылом,
Бой гремел уже вдали...

Кровь давно взялася коркой,
Отходила боль и страх...
И в тоске почуял Теркин:
Смерть присела в головах.

И смекнув, что дело худо,
Чуть повел он головой:
— Смерть, поди-ка ты отсюда.
Я солдат еще живой.

Смерть над ним склонилась ниже:
— Не перечь мне, молодец,
Я-то знаю, я-то вижу:
Ты живой, да не жилец.

Незаметно тенью смертной
Я твоих коснулась щек.
И на них уже не тает
Молодой сухой снежок.

Я от севера до юга
Вдоль по фронту путь держу.
Я теперь твоя подруга,
В изголовьи посижу.
Угожу, не откажу,
Недалеко провожу,
Белой вьюгой,
Белой вьюгой,
Вьюгой след запорошу...

И как только Смерть запела,
Тотчас в горечи глухой
Голый ствол березы белой
Тихо скрипнул раз-другой.

И горелый танк, похожий
В перевернутой броне
На жука, что встать не может,
Очувтившись на спине,—
Звякнул чем-то в стороне.

Дрогнул Теркин, замерзая
На постели снеговой.
Смерть все ближе.
— Нет, Косая,
Я солдат еще живой...

Чует: вкрадчиво и властно
Смерть смеется:
— Где там жизнь.
Не торгуйся понапрасну,
Помирай, не дорожись.
Моего не бойся мрака,
Ночь, поверь; милее дня...

— Нет, но что ты, Смерть, однако,
Хочешь лично от меня?

Смерть как будто бы замялась,
Отклонилась от него.

— От тебя? Такую малость,
Ну, почти что ничего...

И поскольку непременно
Ты застынешь здесь в снегу,
Я с тобою откровенно
Говорить уже могу.

При последнем самом часе,
В тишине, наедине —
Слово, знак один согласия
От живого нужен мне.

Что ему постылы торги,
Что устал беречь он жизнь...

Усмехнулся даже Теркин:
— Сам, выходит, подпишись?..

Смерть смутилась:
— Ну — так что же.
Подпишись... Такой пустяк...
— Не твоей ли ради рожки
Подписаться! Как не так.

Смерть свое:
— Зачем так грубо.—
И подвинулась к плечу:
— Ведь уже мертвеют губы.
Соглашайся.
— Не хочу.

— Как не хочешь? Дело к ночи.
На мороз горит заря.
Хочешь! Хочешь, чтоб короче.
Чтоб уже не мерзнуть зря.

-- Не хочу.
-- Ну, что, ты, глупый.
Крови сколько утекло.

Снег, как битое стекло.
Сам лежишь — всего светло.
Только терпишь мне на зло.
Я б тебя тотчас тулупом,
Чтоб тепло, тепло, тепло...

Вижу, веришь. Вот и слезы.
Вот уж я тебе милей.
— Врешь. Я плачу от мороза.
Врешь, Косая.

— Дуралей.
Что от счастья, что от боли —
Все равно. А холод лют.
Завилась поземка в поле.
Нет, тебя уж не найдут...

И зачем тебе, подумай,
Загляни-ка наперед,
Если кто и подберет,
Пожалеешь, что не умер
Тут, на месте, без хлопот...
— Не пугай.—
А Смерть-старуха
Шепчет, вкладывает в ухо:
— Пожалеешь.

— Мне видней.

— Станут резать.
— И отлично.
— Будет страшно.
— Я привычный.
— Больно будет.
— Не больней...

— Не больней, да толку мало —
Продолжает Смерть, смеясь,—
— Только встанешь — все сначала:
Холод, страх, усталость, грязь.

На снегу, порой без пищи,
Без воды, а то в воде...

— То — война. С нее не взыщешь
Ни в каком уже суде...

— А тоска, солдат, впридачу:
Как там дома, что с семьей.
— Вот уж выполню задачу —
Кончу немца — и домой.
— Так. Допустим. Но тебе-то
И домой к чему прийти:
Догола земля раздета
И разграблена, учти.
Все в забросе.

— Я работник,
Я бы дома в дело вник.
— Дом разрушен.
— Я и плотник.
— Печки нету.
— И печник.
Я от скуки на все руки,
Я такой — мое со мной.

— Дай еще сказать старухе:
Вдруг придешь с одной рукой,
Иль еще каким калекой?

— Может быть. Не мудрено.
Но и четверть человека —
Я не сдамся все равно.

— Погоди еще: не сдамся.
Ты возьмешь слова назад.
Ты надеешься наверно,
Что когда придешь с войны,
По заслуге беспримерной
Оценить тебя должны?
Что за все твои потери,
За великий подвиг твой —
Ты потом, по крайней мере,
Накрасуешься живой?
Что не будет интересней
За любым тогда столом

Фронтовой жестокой песни
Иль рассказов о былом?
Что везде — такое диво —
Будешь вроде жениха,
Что без очереди пива
Кружку выпросишь? Ха-ха!
Не надейся. Лучше строго
И разумно рассуди.
Что таких вас будет много,
Очень много — пруд пруди.

Будет все обыкновенно,
Даже буднично, поверь.
— Ничего. Народ военный.
Унывать не станём, Смерть.
Меж собой мы все знакомы,
Все родня, что из огня.
Не пугай, что хуже дома

— А домой — уж это точно —
Не попасть тебе домой.
Рассуди. Решись — и точка.
Так ли, сяк, а будешь мой.
Только дашь напрасно кругу,
Обходя мою межу.
Я ж теперь твоя подруга,
Угожу — не откажу.
Недалеко провожу.
Белой вьюгой,
Белой вьюгой,
Вьюгой слёд запорошу... —

Завела она — и снова
Следом в горечи глухой
Ствол березы безголовой
Будто скрипнул раз-другой.
И холодный остов танка,
Что вчера погиб в огне,
Вновь какую-то жестянкой
Будто звякнул в стороне...

Чует Теркин, замерзая
На постели снеговой,
Смерть все ближе.

— Врешь, Косая,
Я солдат еще живой...

— Неживой почти, дружище,
Только жив, чтоб сделать знак.

— Подписаться? Как не так!
Вон, идут за мною. Ищут.
Из санбата.

— Где, чудака?..
— Вон, по стезжке занесенной...
Смерть хохочет во весь рот:
— Из команды похоронной!
— Что ж, и то живой народ.

Снег шуршит, подходят двое,
Все при них — лопаты, лом.

— Вот еще остался воин,
К ночи всех не уберем...

— А и то устали за день.
Доставай кисет, земляк.
На покойничке присядем,
Хоть покурим натошак.

— Кабы, знаешь, щец да кашки.
— Кабы целый котелок.
— Кабы капельку из фляжки,
— Кабы так — один глоток...

Теркин жалостно и слабо
Подавал людям голос свой:
— Прогоните эту бабу,
Я солдат еще живой.

Смотрят люди: вот так штука,
Видят, верно: жив солдат.
— Что ты думаешь!
— А ну-ка
Понесем его в санбат.

— Ну и редкостное дело,—
Рассуждают неспеша.
— Одно дело — просто тело,
А тут — тело и душа.

— Еле-еле душа в теле.
— Шутки, что ль, зазяб совсем.
— А уж мы тебя хотели,
Понимаешь, в Наркомзем...

— Не толкуй, заждался малый,
Вырубай шинель во льду.
Подымай...
А Смерть сказала:
— Я, однако, вслед пойду.

Земляки — они к работе
Приспособлены к иной.
Врете. может растрясете,—
Все равно он будет мой...

Два ремня да две лопаты,
Две шинели поперек.
— Береги, земляк, солдата,
— Понесли. Терпи, дружок.

По дороге от носилок
Смерть держалась невдали.
До санбата путь, мол, долог,
Речка. Мост. А мост бомбят.
И один еще осколок
Вот и весь тебе санбат.

Столько даром провозилась,
Что не верится самой.
Не тхни ты, сделай милость,
Знак подай... И будешь мой.

И собрав остаток силы,
Изловчившись кое-как.
Теркин Смерти с тех носилок
— На-ко! — сделал некий знак...

Дотащились до санбата,
Положили на кровать.
Глянул врач, седой, усатый:
— Будет жить и воевать!

Взвыла Смерть:
— Опять, постылый,
Насолил ты, Теркин, мне.
Столько смертных упустила
За тобою на войне.

14—15. III. 44. РТ

143 Над покойничком присядем
З

Теркин пишет (стр. 160)

66—67 В К — нет.

72 Обнимаю всех друзей:
КП, К, З, 1944С

Обнимаю вас, друзья,
1946СП, 1946В

Кто воюет на войне

[Довелось подслушать мне
Разговор на тему:
«Кто воюет на войне?»
— Ну, понятно, все мы...

кстати

Я воюю, говорил,
Мне один писатель.
Я все силы приложу
ответ
Я не пощажу бумаги].

Но недаром говорят:
Подтянись, а то на фронт,
На передовую.

А уж там хорош ли, худ
Как бы ни был воин
Дальше фронта не пошлют —
Это — будь покоен.

И чего б ни натворил,
Угрожать не станут.
Мол, гляди, отправим в гыл,
Там тебя подтянут.

Дальше фронта никогда
Не пошлют мальчишку.
Даже если за дела
Вкатят вышку,
В батальон штрафной пошлют,
Не в командировку.

И сказать — есть
В этом — право
 честь,
Фронтвая слава.

Солдат —
 житель.
 всего лишен —
В этом не откажите

И позвольте заключить
Песенкой солдатской

А бойцу не надо
 больше ничего.

Каждый скажет воевал —
— Я салют не подавал.
То ли это —

Для военного совета
Огурцы солил.

Как же я не воевал?
Я по поводу победы
Всякий раз в Москве стрелял.

— Я частушки сочинял.

Тот готовил суп да кашу,
Тот частушки сочинял.

—Тот.

Никому уже приказа
От себя не отдавал —
Сам — руками —
Воевал.

РТ

Теркин — Теркин (стр. 164)

Заглавие: Неурочная глава

КП, К

Начало (1—53) Близкий, дальний ли, знакомый.

Незнакомый, да родной,
Друг-читатель, ты не дома,
Ты среди огня и грома,
Ты в дорогу взят войной.

Ветер злой навстречу пышет,
Жизнь, как веточку, колышет,
Каждый день и час грозя.
Кто доскажет, кто дослышит —
Ничего сказать нельзя.

Где-нибудь в избе, в землянке
У пугливого светца,
Что горит в консервной банке,
На короткой ли стоянке,
У шоферской ли баранки —
Повстречал боец бойца.

Не за чаем, что из блюда,
Все поспешно, впереводку:
Вдруг последнего коснутся,
Снова к первому вернуться
Оборвут и разминутся —
Тот — из боя, этот — в бой.
Точно так и мы с тобой.

Повстречались на минутку.
Затянулись самокруткой,
Обогрелись — ноша с плеч.
Говорим всерьез и шуткой
Перебьем иную речь.
Чтоб назавтра не беречь.

Словом, ясно.

С этой строчки
Начинается глава.
Жрет огонь в железной бочке
Некупленные дрова.

А кругом тебе — солома,
Задремалось, так ложись.
Не у тещи и не дома,
Не в раю, однако — жизнь.

Кто назябся — дело свято,
Грейся, радуйся, ребята,
Разных взводов, разных рот
Сборный, смешанный народ.

Тот сидит, разувши ногу,
Всю ощупывает строго,
Приподняв, глядит на свет,
Узнает — его иль нет?
Тот, шинель смахнув без страху,
Высоко задрав рубаху,
Прямо в печку хочет влезть.
— Не один ты, братец, здесь.
— Отслонитесь, хлопцы, темень.
— Что ты, правда, как тот немец...
— Нынче он уже не тот...
— Ну, брат, он еще дает.
Отпускает, не скупится.
— Все же с прежним не сравнится.
Вон, кидает сапоги.
— Сами бегали, — беги!

— О-хо-хо, война, ребятки,
— А ты думал? Вот чудак.
— Лучше нет чайку в достатке,

Хмель он греет, да не так.

— Лучше нет — поджарить сала...

— Прежде штык по ствол впущу *,
А уж мёртвому, пожалуй,
Как положено — прошу...

— Это чья же установка,
Чтобы чай? Опять же врѣшь.

— Эй, не ставь к огню винтовку!...

— А еще кулеш хорош...

— Офицер — «язык» короткий;
Командир уж подконец
Наливает стопку водки:
Пей, рассказывай, подлец...

Теркин слушает да курит
От беседы в стороне.

Да глаза на печку шурит,
Словно видит там, в огне,
Все на свете. Как во сне.

В золотом квадрате дверки,
Не мешая никому,

Видит улицы в Нью-Йорке

Или горный путь в Крыму...

— Ну и что ж тогда он, Теркин?—

Вдруг послышалось ему.

Привстает, шурша соломой,
Что там дальше — подстеречь.

Никому он не знакомый —

И о нем как будто речь.

— Теркин, знаешь, парень бравый.

Он теряться не привык:

— Дескать, водку за отраву

Принимает тот «язык» **.

Вы, мол, только не спешите,

Сам уверится вполне.

Вы, мол, только прикажите

* В К: всажу,

** Принимает в рот «язык» (К).

Эту стопку вышить мне...
Подивился Теркин лежа:
Был ли случай хоть такой?
А придумано похоже,—
Усмехнулся сам с собой

КП, К

После 3 По пословице солдата,
3, 1944, 1944С

28 — Сами бегали — беги!

З

После 77 Борода блестит сквозная,
Глазки хитрые. Из тех,
Что глядят, как будто знают
Что-то стыдное про всех.

К

82—89 Но поскольку очевидно,
Что занесся человек.
Теркин с кроткостью ехидной:
— А у вас небось «Казбек»?

Тот, нимало не задетый,
Отвечает без затей:
— Перешел на сигареты,
Не хотите ли? Трофей...

1970

86—89 Тот прикинулся Афоней,
Мол, не понял ничего.
— Сигаретою трофейной
Угощу.—
Возьми его!

К

171 Для тебя придумал я.

К

После 171 Повстречались на минутку,
Затянулись самокруткой,

Обогрелись — ноша с плеч.
Говорим всерьез и шуткой
Перебили нашу речь.
Шутку — что ж ее беречь!
КП, К

Начало новогодней (Неурочной) главы:

Был в цвету весь мир окрестный,
Был июнь, трава, листва
Вдруг откуда — неизвестно —
Новогодняя глава

Вдруг в `grave пропала стезька,
Вдруг повеяло зимой.

— Дорога к обеду ложка, —
Так сказал редактор мой.
Мой начальник. И ни мало
Я ни в чем не виноват.
А по совести, пожалуй,
Друг-читатель, я и рад.

И ловлюсь тебе на слове:
То, что каждой здесь прочтет,
Я заране заготовил
И обдумал наперед.

Случай с Теркиным занятный
Изложить сейчас готов.
А потом вернусь обратно
И порядок будет вновь.

Тем и лучше, что свободней
Льются строки и слова.
И пускай идет сегодня
Новогодняя глава.

Нет, скажу еще два слова,
Может лишние, но пусть.
В этот грозный, в этот новый
Новый год борьбы суровой
Я не даром тороплюсь.

РТ

От автора

Близкий, дальний ли, знакомый,
Незнакомый, да родной,
Друг-читатель, ты не дома,
Ты среди огня и грома,
Ты в дорогу взят войной.

На путях ли в эшелоне,
В той теплушке на соломе,
У шоссе ль под деревцом,
На походе ли в колонне, — *
Как любой боец с бойцом, —
Мы встречались на минутку
Затянуться самокруткой
Без отлучки от колес.
Мы с тобой всерьез и в шутку
Говорили. Как пришлось.

Не взыщи, что собеседник
В чем, быть может, не силен.
Как закуркою последней,
Всем с тобой делился он.

Больше б рад, да дело к спеху.
Тем, однако, дорожи,
Что, случалось, врал для смеху,
Никогда не лгал для лжи.

И, по совести, порою
Сам вздохнул не раз, не два,
Повторив слова героя,
То есть Теркина слова:

«Я не то еще сказал бы,
Про себя поберегу.

* У моста ль в одной колонне
К, З, 1944

У моста в одной колонне. —
1944С

Я не так еще сыграл бы,
Жаль, что лучше не могу...»

Что ж еще? И всё, пожалуй.
Словом, книга про бойца
Без начала, без конца,
Без особого сюжета.
Осень, зиму, вёсну, лето
За тобою на войне
По моей прошла вине...

И когда б меня спросили:
Что же Теркин твой Василий,
Теркин, в бой поведший взвод,
Теркин, раненный вторично,
Что ж он, Теркин, как обычно
Дальше-больше вверх пойдет?

По заслугам, по талантам,
По ухватке и уму —
Не сержантом — лейтенантом,
Может, вскоре быть ему?

И примеров есть немало,
И, как водится оно,
Может быть, до генерала
Дорости ему дано?

Иль свернет с дороги ратной
В жизнь на отдых инвалид?
Или так же вероятно,
Чтобы Теркин был убит?

Мне, по правде, очень жалко,
Что уклончив мой ответ.
Но писатель — не гадалка.
Да и тем-то веры нет.

Я одно сказал бы к слову:
Жив-здоров герой пока,
Но отнюдь не заколдован
От осколка-дурака... *

* В 3 и 1944С этого четверостишия — нет.

Ветер злой навстречу пышет,
Жизнь, как веточку, колышет,
Каждый день и час грозя,
Кто доскажет, кто дослышит —
И того сказать нельзя *.

И гадать неловко, право,
На трефовом короле.
Ведь не карты на столе...

Страшный бой идет кровавый,
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

КП, К, З, 1944, 1944С

От автора (стр. 172)

15—16 — Друг-товарищ.
— Тем и дорог,
Что случился в аккурат...

КП

22—25 — То-то дело, что беда...
— Не могло беды случиться,
— Не похоже.
— Сущий вздор...

КП

**Вместо двух последних строк* (Я одно сказал бы
∞ И того сказать нельзя) в 1944:

Бликий, дальний ли, знакомый,
Незнакомый, да родной,
Друг-читатель, мы не дома,
Мы среди огня и грома,
Мы в одном пути с войной.

Ветер злой навстречу пышет,
Жизнь, как веточку, колышет,
Каждый день и час грозя.
Кто доскажет, кто дослышит—
И того сказать нельзя.

28—35, 48—55 *В КП нет.*

После 51 Я, мол, ранен и контужен,
Столько раз. А смерть одна.
Я до той поры и нужен
На войне — пока война.

А, ГПВ

68—71 За два года до победы,
Покидая отчий край,
Он одну политбеседу
Повторял:
— Не унывай.

КП

72 В Праге, в Лондоне, в Нью-Йорке

КП

После 71 [Приходилось парню драпать,
Бодрый дух и там берег.
Повторял:
— Вперед на запад!—
Продвигаясь на восток.]

А

104—114 *В КП — нет.*

После 127 [Настает за все расплата,
Теркин шествует живой,
— За Днепром шутить, ребята,
Даже легче для солдата,
Чем хотя бы под Москвой...]

А

128—131 *В З — нет.*

Дед и баба (стр. 178)

Перед 1 [У солдата на войне
Недостатка нег в родне.
Закурил ты с кем в дороге,

Примостился у огня,
Побранился, а в итоге —
Снова встретились — родня...]

М

- 1—4 В КП — нет.
27—35 В З — нет.
28—31 И в твоей родимой речке
Немец плавал, что тюлень,
На твоём сидел крыльчке,
Отдыхая в летний день.

А

- 69—72 Отличал тотчас по слуху
Грохот русских батарей,
Поднимал к ночи старуху,
От окошка до дверей

КП, 1946СП

- 86 И по правде грянул срок,

КП

- После 88 [В этот день не важно было
Знать для жителей села,
С фланга, с фронта или с тыла
На порог свобода * шла.]

А, М

- 95—96 Ветки яблонь дождь стальной
Сек над головами.

А, К, З

Коноплю огонь цветной
Сек над головами.

М

* победа (первонач. слой М).

113 Дробно крестится жена,
КП

126 Потихоньку в руку,
М, К, З

После 144 Жмурясь, дед поднялся в люке:
— Погляди-ка, солнце, день!..

У бойцов рубахи в брюки —
Для удобства — под ремень.

А, М

145—148 На подбор орлы-ребята,
Хоть намокли от росы.
Командир их, сам десятый,
Вроде виделись когда-то,
Вроде нет, не тот. Усы.

М

На подбор орлы-ребята,
Хоть продрогли от росы.
Командир их, сам десятый
(Вроде виделись когда-то),
Достает свои часы.

КП

147 Командир у аппарата,—
К

153 Командир, смеясь, кивает:
А, М, К, З

Командир ему кивает:
КП

И старшой, смеясь, кивает:

1946СП, 1946В

156 А, глядишь, и невредим...

К

165 Командир ему при этом

КП, М, К

170 Вот пила с тех пор была...

М

181 — Закуси-ка, цел покуда.

КП, М

183—185 Отступал солдат отсюда,
Наступает офицер.

КП, М, К

После 217 [Вдруг в саду неподалеку,
Точно черти из пруда,
Быстрой кучкой немцы сбоку,—
Дед-солдат глядит: беда.

— Хлопцы!

Теркин только оком
На ходу повел туда.

— Сидоренко, дать дрозда.

— Есть дрозда! — Со лба пилотку
На затылок паренек.
И короткой очередкой
Неприятеля ожег...]

М

219 Мастер — мастер был и тут,

К

На Днепре (стр. 188)

Заглавие первой части этой главы — в автографе:
Отчий край, в К: Отчий дом.

После 4 Дескать дело за походом:
Как на Запад вдаль пойдём,
Можешь, Теркин, мимоходом
Завернуть в родимый дом.

К

В К — нет.
Где «Казбек»? Взамен махорки
В наступленьи — самосей.
Как-то Теркин в Военторге
Не завел себе друзей.

А из тех былых девчонок,
Может, многие вдали
Нынче в каторжных колоннах
Под конвоем пыль мели.
А не то — иные крали,
Ждать наскучив, год назад
Свадьбы с немцами сыграли,
Нынче нянчили ребят...

А

23 Отчий край, страдалец-край,

А

После 28 Здравствуй, садик в дымке росной,
Стёжка детская в траве
И подсолнух малорослый
За плетнем в сухой листве.

Здравствуй, за полдень угретый
Дворик в солнечной пыли,
Мирный запах теплой репы,
Жирной темной конопли...

А, К

После 36 День войны любой и каждый
У меня гудит в костях.
Я у смерти не однажды
Побывал уже в гостях...

А, К

Далее в А: Побывал, назад вернулся,
Отставать — беда! — не смей,
На ходу — переобулся —
И опять туда, где смерть.

49—52 Так в пути, в горячке боя,
На привале и во сне,
В нем жила сама собою
Речь к родимой стороне.

К

После 56 И за первой переправой
В укрепленной полосе
Дом родной остался вправо
От Варшавского шоссе.

А, К

После 68 На объездах третью скорость
Запускали шофера —
Только гнулся свежий хворост —
Выезжали на-ура.

С тяжелой медленною дрожью
Пушки шли по бездорожью —
Там, где трактор не берет, —
Два не тянут — там народ!

И над жаркой тучей пыли,
Крывшей траву и хлеба,
Над дорогой бомбы выли,
Горизонтом шла пальба.
От пожара до пожара
По земле ступал огонь.
И земля, дрожа, дышала,
Как упавший с ходу конь...

А, К

Окончание главы «Отчий дом»:

89—92 Но теперь в бою ль, на марше,
Иль на травке, где привал,
Командир и воин старший
В шутки эти не встревал.

Он курил, смотрел не строго,
Думой занятый своей,
За спиной его дорога
Во сто раз была длинней.
И молчал он не в обиде,
Не кому-нибудь в упрек.
Просто — больше знал и видел,
Потерял и уберег.

Шел вперед Василий Теркин,
День и ночь спешил на Днепр,
Оставляя для уборки
За собою пыльный хлеб.

До сих пор судьбой хранимый,
Шел герой из боя в бой,
Край родимый, край любимый
Оставляя за собой.

Дом, березку со скворешней,
Коль судить по старине.
И уже он был нездешний,
Был, как всюду, на войне.

— Мать-земля моя родная,
Год иной, пора иная,
Отчий край, свободный край,
Здравствуй вновь и вновь прощай.

Не в плену тебя жестоком
По дороге фронтовой,
А в родном тылу глубоком
Оставляет Теркин твой.

И по той дороге бранной
Он идет, глядит вокруг,

Уголок земли сохранный
Редко где встречаая вдруг....

Пыль, щебенка, головешки,
Рваной жести скорбный стон,
Бедных беженцев тележки,
Стоном стон — из горла вон!

Хватит, кажется? Довольно?
Сыт земляк, душа полна:
Лучше тещи хлебосольной
Всюду потчует война?
Нет, еще в краю родимом
Надышись тем горьким дымом.
Злей не будешь? Зол и так?
Будешь, будешь злей, земляк.

Потому, земляк, быть может,
Что и в горестной судьбе
Отчий край еще дороже
И еще больней тебе...

Мать-земля моя родная,
Сторона моя лесная,
Ты осталась позади,
Ты у воина в груди.

Не твоя ль еще травинка
За шнурком его ботинка
С ним попала в Беларусь.

Прощай, Елья, прощай, Глинка,
Жив останусь — ворочусь.

Минул срок години горькой,
Не воротится назад...

Что ж ты, брат, Василий Теркин,
Плачешь, что ли...

— Виноват...

К

89—92 Но теперь в бою ль, на марше
Иль на травке, где привал,
Командир и воин старший
В шутки эти не встречал.

Он курил, смотрел не строго,
Думой занятый своей,
За спиной его дорога
Много раз была длинней.
И молчал он не в обиде,
Не кому-нибудь в упрек.
Просто — больше знал и видел,
Потерял и уберег.

Шел вперед Василий Теркин,
День и ночь спешил на Днепр,
Оставляя для уборки
За собою пыльный хлеб.

До сих пор судьбой хранимый,
Шел герой из боя в бой,
Край родимый, край любимый
Оставляя за собой.
Дом, березку со скворешней,
Коль судить по старине,
И уже он был нездешний,
Был, как всюду на войне....

— Мать-земля моя родная,
Вся смоленская родня,
Ты прости, за что не знаю,
Только ты прости меня.

Не в плену тебя жестоком
По дороге фронтовой,
А в родном тылу глубоком
Покидает Теркин твой.

[Не твоя ль еще травинка
За шнурком его ботинка
С ним попала в Беларусь....
Прощай, Ельня, прощай, Глинка,
Жив останусь, ворочусь.

Нет, не грезится, не снится,
Что и вы уже прошли,
Что Советская граница
Не в такой уже дали.

Минет срок години горькой,
Не воротится назад.
И не прежний эти взгорки,
Стежки, просеки, оборки
Заметает листопад...

— Что ж ты, брат, Василий Теркин,
Плачешь вроде?
— Виноват.]

И по той дороге бранной
Он идет, глядит вокруг,
Уголок земли сохранный
Редко где встречая вдруг.

Пыль, щебенка, головешки,
Рваной жести скорбный стон.
Бедных беженцев тележки, —
Стоном стон — из горла вон!

Хватит, кажется? Довольно?
Сыт, земляк, душа полна.
Лучше тещи хлебосольной
Всюду потчует война?

Нет, еще в краю родимом
Надышишь тем горьким дымом.
Злей не будешь? Злой и так?
Будешь, будешь злей, земляк.

Потому, земляк, быть может,
Что и в горестной судьбе
Отчий край еще дороже
И еще больней тебе...

Минул срок години горькой,
Не воротится назад...

—Что ж ты, брат, Василий Теркин,
Плачешь вроде.

— Виноват.

На Днепре

Я свежо донные помню
Встречу первую с Днепром,
Детской жизни день огромный —
Переправу и паром...

За неведомой, студеной
Полосой днепровских вод
Стороною отдаленной
Нам казался берег тот.

И казалось, что прощалась
Навек с матерью родной,
Если замуж выходила
Девка на берег иной...

И не чудо ль был тот случай:
Старый Днепр средь бела дня
Оказался вдруг под кручей
Впереди на полконя.

И блеснув на солнце боком,
Развернулся он внизу.
Страсть, как жутко и высоко
Стало хлопцу на возу.

Вот отец неторопливо
Заложил в колеса кол
И, обняв коня, с обрыва
Вниз, к воде тихонько свел.

Вот песок с водою вровень
Зашумел под колесом.
И под говор мокрых бревен
Воз взобрался на паром.

И паром, подавшись косо,
Отпихнулся от земли,
И недвижимые колеса,
Воз и я — пошли, пошли...

С той поры минули годы,
И в грозе, в беде лютой
В скорбный, страшный час исхода
Я увидел Днепр седой.

Уходил и я тем летом
От любимых берегов
На восток.
Но что об этом,
Время, время о другом.

Сердце вправе петь о славе,
Об иной большой поре.
О Днепровской переправе,
О победе на Днестре.

Но по правде, слов нехватка,
Робок дух, строка узка
Грядуть песнь про эту схватку,
Что вошла уже в века.

А

1—92 Я свежо донныне помню
Встречу первую с Днепром,
Детской жизни день огромный —
Переправу и паром...

Как он, грозный и могучий,
Старый Днепр, среди бела дня
Оказался вдруг под кручей
Впереди на полконя.

(Далее как в А.)

Из рукописной редакции:

И на той дороге бранной,
Где горело все вокруг,
Уголок земли сохранный
Человек увидел вдруг...

И барахтаясь комочком
На погнувшемся цветке,
Ныла пчелка-одиночка
От плетня невдалеке.

Поперек, по грядкам, в складку
От стены лежала тень.
И дышал свежо и сладко
Августовский ранний день.

Теркин — много или мало
У плетня стоял в тиши, —
Что-то с ним такое стало,
Прохватило до души.

Может, угол тот укромный,
Незатронутый войной,
Что-нибудь ему напомнил —
День иной и мир иной...

По лицу провел рукою,
Усмехнулся...
Что ж ты, брат,
В самом деле, что такое?
Правда, плачешь?
— Виноват!.. А

После 121 Пусть моя на марше повесть
Отставала то и знай,
И уже был Днепр не новость,
Впереди блестел Дунай;

А, К

Далее в А:

И с днепровской переправой
Я, вдруг голос потеряв,
Не сроднил страду и славу
Всех великих переправ;

Уследил едва за взводом
И свернув куда-то вбок,
Обошелся эпизодом,—
Не беда. Всему свой срок.

141 Вывел взвод на берег тот.

К

После 141 Намечал повыше пристань,
Только править тяжело.
И его теченьем быстрым
Много ниже отнесло.

А

Далее в А, К:

Не забыть еще отметить:
Дело было в октябре,
На рассвете,
На заре.

После 145 И еще не настоящим
Берег чудится родной.
Чем-то странным и щемящим,
Новизной и стариной...

И над каждою душою,
Сколько душ имеет взвод,
Что-то самое большое,
Что свершилось в свой черед.

— Тут бы, братцы... Тут бы знамя
Развернуть. Гляди весь мир:
Наступаем. Днепр за нами!
А, товарищ командир?..

— Погоди, маленько рано,—
Не сказал, подумал тот,—

Знамя сзади под охраной
В полковых рядах идет.

А, К

И ещё не настоящим
Берег чудился родной.
Чем-то странным и щемящим.
Новизной и стариной...*

— Тут бы, братцы... Тут бы знамя
Развернуть. Гляди весь мир:
Наступаем. Днепр за нами!
А, товарищ командир?..

— Погоди, маленько рано,—
Не сказал, подумал тот,— **
Знамя сзади под охраной
В полковых рядах идет.

КП, 3, 1946СП, 1946В

146 И огнем, бомбежкой злою

К

После 162 И уже ворота, доски
Унесла река с собой.
И уже большой, громоздкий
Грохотал в верховьи бой.

Над водой и берегами
Без разбору наугад
Бомбы сваи помогали
Загонять, стелить накат.

И обоим ясно стало
Берегам к исходу дня,

* Стариной и новизной.(1946С П)

** Отвечал, должно быть, тот,— (З)

Чей металл сильнее металла,
Чей огонь страшной огня.

А

И уже ворота, доски
Унесла река с собой.
И уже большой, громоздкий
Грохотал днепровский бой.
Над водой и берегами,
Без разбору, наугад
Мины, бомбы помогали
Мостовой стелить накат.

К

166 Запоздали прошмыгнуть.

К

168 Правый берег говорит:

А, К

175—186 Переправа, переправа!
Берег правый как стена.
Этой казни след кровавый
В море вынесла волна...

Вот на правом взводный Теркин
Отряхнулся, вытер пот.
Что такое, гутен-морген,
Немец на берег ползет.

Поднялся в собачьей тряске,
Не понять, каких чинов,
Босиком, в сорочке, в каске
И — в натуре — без штанов.

— Сытый черт. Чистопородный.

— Что с ним чикаться? В расход!

— Нет, зачем же, — молвил взводный, —
Пусть уж будет на развод.

— Был бы в трусиках хотя бы...

— Топай! Тоже мне пловец...

И повел его до штаба
В руку раненный боец.

Топал фриц в сорочке белой,
И на весь передний край
Столько хохоту наделал —
Хоть билеты продавай.

А *

175—186 В К — нет.

194 В шутки эти не встречал.

КП

191—214 И простое развлечение
Принимал в дороге всяк,
Словно доброе знаменье,
Да оно и было так...

А, К

Рукописные наброски к главе:

<1> С каждым новым переходом,
С каждым днем, — что ближе к ней, —
Сторона, откуда родом,
Сердцу воина больней.

И ему в дороге бранной
За туманной пеленой
Каждый кустик безымянный
Предстает, как брат родной.

И в невольной он обиде
На людей иных сторон,
Проходящих здесь, не видя
Ничего, что видит он.

* В К так же, кроме 175—178:

Переправа, переправа!
Позади уже она.
Берег левый, берег правый —
Все равно, земля одна.

Что для них без интереса
Вся окрестная краса.
Что прочтут: «Река Лучеса»,
А река-то Лучеса³.

Или вдруг за разговором,—
Хоть и так, и все не так,—
Назовут сосонник бором
Или балкою овраг.

Иль, бредя в грязи по кладкам,
Притомившись до темна,
На ходу отметят кратко:
— Ну и дрянь же сторона.

А вослед шутник селянский
Повторит свое опять:
— Не була б вона радяньска,
Той не став бы вызволять.

И всерьез берет досада:
По тебе так лучше степь.
А по мне, так век не надо,
Ну, одно, что, правда, хлеб.

Ну, [понятно,] и пшеница,
[Ну, понятно,] урожай.
[А зато] За оглоблей за границу
На машине поезжай.

Или — горы. Нету спору,
Высоки. Да толку что?
Не возьмешь с собой в охапку.
Ну, ходи, держись за шапку,
А работать будет кто?

Мне не надо винограда,
Не хочу того вина.
Лучше нет родной сторонки,—
Что у каждого одна.

Жаль, война — везде война.

Ей на свете все едино,
 Все хорошие края:
 Что Кавказ, что Украина,
 Что Смоленщина твоя.

[Не краса и не отрада —
 Речка — водная преграда.
 Склон холма — обратный скат,
 Окопался — жив, солдат.

В раннем золоте дубрава,
 Обойти нельзя ли справа?
 Кочка, кустик, бугорок —
 Счет секундам и — бросок.

Скирды ржи — в засаде немец,
 Дуб вдали — ориентир.
 Некий местный уроженец
 Теркин — взводный командир.]

<2> С каждым новым переходом,
 С каждым днем, — что ближе к ней, —
 Сторона, откуда родом,
 Сердцу воина больней.

И ему в дороге бранной —
 Что идет уже домой,
 Каждый кустик безымянный,
 Каждый холмик — брат родной.

И в невольной он обиде
 На людей иных сторон,
 Проходящих здесь, не видя
 Ничего, что видит он.

Да, для них без интереса
 Эта речка Лучеса,
 Опостылевшего леса
 Неприютная краса.

Березняк, осинник дробный,
 Да болотная сосна.
 И вздохнет иной незлобно:
 — Ну и дрянь же сторона.

И не даст смолчать досада:
— По тебе так лучше степь.
А по мне, так век не надо,
Ну, одно, что, правда, хлеб.

Но зато, как говорится,—
Урожай-то урожай,
А как вырубить оглоблю
За границу поезжай.

Или — горы. Не посетуй,
Кто про горы вспомнил здесь.
По тебе, так лучше нету,
А по мне — гораздо есть.

— А войне, так все едино —
Все хорошие края —
Что Кавказ, что Украина,
Что Смоленщина твоя...
— Вот про то хотел и я...

За рекой еще Угрою,
Что далеко позади,
Генерал сказал герою:
— Нам с тобою по пути.

Понимай, когда походом
Вдоль Варшавки⁴ все пойдем,
На недельку мимоходом
Завернешь в родимый дом.

Но над каждым генералом,
Кто бы ни был он такой —
Есть другой — большой над малым —
А над тем еще другой.
А над тем другой, что старше,
Есть ступень — хотя б одна.
И над самым старшим — маршал
И над Маршалом Война...

И за первой переправой
В укрепленной полосе

Дом родной остался вправо
От Варшавского шоссе...

Через реки и речонки
По мостам — и вплавь, и вброд —
Мимо той родной сторонки
Шла дивизия вперед.

Фронт полнел, как поповодье,
Вширь и вдаль. К Днепру, к Днепру —
Кони шли, прося поводья,
Как с дороги ко двору.

И шоферы третью скорость
Запускали — вывози.
И пружинил свежий хвост
Под колесами в грязи.

Целиной, опушкой леса,
Лесом — много ли труда —
Громоздилось, шло железо
Под стальной броней — туда —

Где волной чадного жара
В трубку лист крутил огонь.
И земля дрожа дышала, —
Как упавший с ходу конь...

⟨3⟩ Шел, шагал Василий Теркин
День за днем из боя в бой,
Хлеб помятый для уборки
Оставляя за собой.

Дом, березку со скворешней
В той далекой стороне.
И уже он был нездешний,
Был, как всюду, на войне.

И несчастный, разоренный
Край лежал во все концы.
И команды похоронной
Поджидали мертвецы.

А живые уставали
По пути к большой реке
Так, что ложку на привале
Не могли держать в руке.

Но, сильны святым порывом,
Снова шли своим путем
Со страдальчески-счастливым
От жары открытым ртом.

Слева наши, справа наши,
Не отстать бы на ходу.
— Шутка ль, братцы, кухни с кашей
Не успел залить в саду... (немец)

— Подпереть к Днепру — да в воду.
— Занял берег, сукин сын.
— Это что — гляди-ка сходу
Вдруг не занял бы Берлин.

— Погоди еще, потопаи,
Не такой еще накал.
— Так ли, сяк, а бегать опыт
Наш бывалый перенял.

Но теперь, в бою ль, на марше ль,
Дав команду на привал,
Командир и воин старший
В шутки эти не встречал.

Он курил, смотрел не строго,
Думой занятый своей.
За спиной его дорога
В сотню раз была длинней.
И молчал он не в обиде,
Просто _____ не мог.
Много больше знал и видел,
Потерял и уберег...

РТ.

Про солдата-сироту (стр. 197)

Набросок начала главы:

Как известно на войне
Недостатка нет в родне.

Закурил ты с кем в дороге,
Примостился у огня,
Побранился, а в итоге —
Снова встретились — родня.

[То — родня, а что знакомых
Да приятелей — сочти!
Под любую крышей дома,
Что случилась на пути.]

Но десятки сел минуя
С полковой семьей своей,
Может ты семью иную
Встретить ждал — жену, детей.

Может быть, и т. д. ты плохо простился, был без писем.

РТ

Перед ¹ Не в упрек, и не в обиду
Ни одной душе родной,
Про солдата притчу выдам,
Что войну прошел со мной.

КП, К

17—33 Боевым огнем крещенный,

К, З

104 Разрешают. Недалеко.

З

После ¹³⁵ Вам бы, нынешним воякам,
Видеть это было б впрок,
Как тот старший воин плакал,
Со слезой жуя кусок.

КП, К

153—158 В З — нет.

После 194 Слово — пуле и гранате,
Слово судной правоте
За погубленных. А кстати
В память нашу о солдате
Нашем брате — сироте.

КП

По дороге на Берлин (стр. 205)

84 И признательной глядят.

З

143—148 В К — нет.

148 Патефон, велосипед...

З

В бане (стр. 212)

После 20 Только в бане у него,
Доблестного мужа,
Что касается чего —
Все статьи наружу

КП

После 95 Где-то сказано недаром,
Что чужой породы вошь
И не жаром, и не варом,
Только паром ты уймешь.

КП

102—112 В К — нет.

После 141 Чем томиться долгой нудью,
Налегай, пока не вся.
И вздохнешь свободно грудью,
Точно с полем убрался.

КП, К

2:2 За любое удальство

К, З, 1946СП, 1946В, 1946Г, 1970

〈Предпоследняя глава〉

1. Порожвяк стремился в тыл,
К фронту — пушки, танки.
Поезд ждал. Народ шутил
На глухой стоянке.

— Кабы знать, что нас везти
Будут этим ходом,
Занялись бы по пути,
Что ли, огородом...

От толпы невдалеке
Хороша на диво,
При погонах, в ремешке,
Девушка ходила.

И поспешно в тот конец
По пустой платформе
Зашагал лихой боец
Честь отдать по форме.

И заводит он тотчас
Разговор обычный,
Мол, сдается, вижу вас
Я уже вторично.

Посмотрела, как ни в чем,
И со скукой томной
Повела она плечом:
— Может быть. Не помню.

Ну и ладно, не беда,
Это даже лучше.
И, позвольте, я тогда
Расскажу вам случай...

«Привезли меня на танке...»

и т. д.

2. Я прошу простить меня,
Может, по пустому
Вам пишу я, не родня,
Даже не знакомый.

Может, почты полевой
Номера не зная,
Вам привет горячий свой
Даром посылаю.

Я два года воевал,
навык.
Две минуты вас видал
И запомнил навек.

И хоть волком я завой
На ветру, но даже
Вашей почты полевой
Мне никто не скажет.

И по правде пособить
Не могла бы почта,
И по радио любить
И страдать заочно
Я б не стал.

А дело в том, —
Что в связи с войпою
С вами я давно знаком,
Да и вы со мною.

И как водится подчас
У знакомых старых,
Я уже имел от вас
Дорогой подарок.

Вы не помните о нем,
Год прошел огромный.
Разрешите обо всем
В двух словах напомнить.

3. Как решился я писать
К вам, моя родная,
Если даже, как вас звать,
И того не знаю.

И совсем не знаю я
В этот час суровый,
Где вы, девушка моя,
Живы ли, здоровы.

ПРИЛОЖЕНИЯ

А. М. Самсонов

НАРОДНЫЙ ПОДВИГ И ЕГО УВЕКОВЕЧЕНИЕ

1.

Современное мировое развитие происходит при глубоком воздействии на него итогов освободительной борьбы народов против фашизма и империализма. Такой вывод объективен и поучителен. В великой антифашистской войне в смертельном поединке противостояли не только сражающиеся войска, но и принципиально разные социальные и политические системы, коренным образом иные идеологии. В те годы решалась судьба первого в мире социалистического государства, будущее мировой цивилизации.

В сложных и трудных условиях проверялась военная, экономическая и политическая мощь нашей страны. Испытывались единство и дружба народов Советского Союза, прочность связей Коммунистической партии с многомиллионными массами трудящихся, ее способность сплотить все народные силы. И суровая проверка была с честью выдержана, показав неисчерпаемые возможности социалистического государства.

На протяжении всей Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. положение на советско-германском фронте характеризовалось гигантским размахом вооруженных действий, исключительной напряженностью и драматизмом борьбы. Грандиозны были масштабы мобилизации партией и государством материальных и духовных сил на оказание помощи фронту.

Фашистская Германия вначале захватила инициативу борьбы. Полностью используя эффект внезапного удара

заранее отобилизованных и придвинутых к западным границам СССР главных сил вермахта, немецкие войска, в первые же дни и недели войны проникли далеко в глубь советской территории. 3 июля генерал Ф. Гальдер, начальник германского генерального штаба сухопутных войск, записал в своем дневнике: «...кампания против России выиграна в течение 14 дней».

Так думали в то время не только враги. В зарубежных странах распространенным было мнение, что СССР стоит на краю роковой пропасти. Однако такое понимание обстановки было глубоко ошибочным. Противник так и не смог окружить, а потом уничтожить главные силы Красной Армии западнее Днепра, что намечали в своих планах нацистские главарь и преданные им гитлеровские генералы. Продвижение немецко-фашистских войск по советской территории меньше всего было победным маршем. Уже в приграничных сражениях неожиданно для гитлеровцев проявились стойкость и мужество советских воинов. Враг вскоре убедился в том, что, в отличие от летней кампании 1940 года на Западе, на Восточном фронте военная мощь вермахта не вызвала растерянности и прекращения сопротивления.

В Советской Прибалтике, Белоруссии и на Украине, на всех стратегических направлениях вражеского наступления гитлеровцы несли большие потери, а поставленные перед ними боевые задачи в самом главном срывались. В огне сражений оправдывалась мудрость ленинских слов: «Ту Россию, которая освободилась, которая... выстрадала свою советскую революцию, эту Россию мы будем защищать до последней капли крови»¹.

¹ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 40, стр. 182.

В неимоверно трудных условиях продолжающегося отхода Красная Армия выдержала первоначальный натиск, на который противник делал основную ставку в войне против Советского Союза. Темпы продвижения немецко-фашистских войск, вначале высокие, затем резко снизились. Гитлеровцы блокировали Ленинград, но захватить его оказались бессильны. Ожесточенные бои шли за Одессу, Киев и другие города. Под Смоленском развернулось двухмесячное сражение. Стратегия «молниеносной» войны против СССР окончательно провалилась, когда на ближних подступах к советской столице гитлеровцы потерпели сокрушительное поражение. Миф о непобедимости гитлеровского вермахта был развеян. Контрнаступление Красной Армии под Москвой переросло в ее общее наступление, продолжавшееся до весны 1942 г.

Путь к победе в войне был длительным и трудным, потребовавшим от советских людей крайнего напряжения усилий и огромных жертв. Летом 1942 г. враг вновь развернул наступление, на этот раз лишь на юго-западном направлении, и захватил там обширные районы СССР. Эти события завершились исторической победой наших войск в битвах под Сталинградом и за Кавказ. Вооруженные Силы СССР, на этот раз уже окончательно овладев стратегической инициативой, приступили к массовому изгнанию гитлеровских захватчиков с советской земли.

Чтобы добиться коренного перелома в войне, требовались поистине титанические усилия всех народов нашей страны. Жизнь каждого советского человека была подчинена одной цели: отдать все силы для разгрома врага. С первых же дней Великой Отечественной войны Коммунистическая партия выдвинула лозунг: «Все для фронта! Все для победы!» Партия проводила

в этом направлении гигантскую работу. Решающим тогда являлся фронт вооруженной борьбы, и к 1 июля 1941 г. в Красную Армию было призвано свыше пяти миллионов человек. За первые полгода войны в Вооруженные Силы влилось более 1 миллиона 100 тысяч коммунистов — треть состава территориальных партийных организаций. С оружием в руках сражались с врагом миллионы комсомольцев. Партия несла в массы ленинские идеи защиты социалистической Родины, организуя и вдохновляя народ на самых трудных участках борьбы на фронте и в тылу.

В ходе победоносных битв 1943—1945 гг. были вызволены из фашистского рабства миллионы советских людей. Весь мир напряженно следил за могучим наступлением Красной Армии. Известия с фронтов сообщали о грандиозной Курской битве, стремительном форсировании нашими войсками Днепра, о снятии продолжавшейся 900 дней и ночей блокады Ленинграда, о разгроме фашистской армии при освобождении Украины, Белоруссии, Молдавии, Советской Прибалтики. Продолжая наступление, Красная Армия оказала решающую помощь поработанным фашизмом народам Европы в восстановлении их суверенитета и национальной независимости. При выполнении этой священной освободительной миссии отдали свою жизнь свыше миллиона советских воинов.

9 мая 1945 года война в Европе закончилась нашей Великой Победой. Гитлеровский вермахт был полностью разгромлен. Порожденный германским империализмом и фашизмом третий рейх прекратил свое преступное существование.

2.

Войны в XX в. стали гораздо более сложным общественным явлением, чем во все предшествующие эпохи человеческой истории. Изменились способы и формы их ведения, резко возрос технический уровень средств вооруженной борьбы, радикально развились военное искусство и военная теория. Борьба на полях сражений, как никогда раньше, стала определяться не только боевыми качествами войск, но и состоянием экономики, прочностью тыла, прогрессивностью или отсталостью социально-политических и общественных систем воюющих государств.

Одной из особенностей второй мировой войны являлось то, что вооруженные действия на фронтах проводились огромными массами войск, оснащенными грозным оружием. От стиля и уровня руководства войсками на полях сражений во многом зависело, одержат ли они победу или повесут поражение. Поэтому при подготовке и проведении операций от командиров всех степеней требовался высокий профессионализм, освоение опыта войны, умение творчески применять военное искусство,

Весь ход войны показал превосходство советской стратегии и оперативного искусства над стратегией и оперативным искусством фашистского агрессора. Великая Отечественная война выдвинула многих талантливых советских полководцев.

Наши победы достигались не простым преобладанием в силах и средствах над противником. В первый период войны, как известно, это преобладание было на стороне фашистских войск. И не только более высоким уровнем руководства вооруженными действиями. Это преимущество также не было неизменным и возрастало в ходе войны. Победа одерживалась при сочетании этих

факторов с высоким морально-политическим духом всех советских людей. В период блокады Ленинграда легендарную стойкость проявили не только защищавшие его войска, но и население города-героя. На улицах Ленинграда от снарядов и бомб погибло 16 467 человек и 33 782 человека были ранены. Но больше всего погибло от голода. По уточненным данным в результате блокады от голода и лишений умерло не менее 800 тысяч ленинградцев². Однако прославленный город на Неве выдержал все испытания. Легендарное мужество проявили защитники Одессы, Севастополя, Москвы, Сталинграда, Новороссийска и других городов.

Бывшие генералы вермахта создали легенду о том, что советские войска побеждали, лишь обладая численным превосходством. Это ложь. Непреложно то, что гитлеровский вермахт не смог сокрушить Красную Армию в благоприятных для него условиях внезапного нападения на СССР, обладая и превосходством в количестве войск и вооружения. В дальнейшем немецко-фашистские войска понесли жесточайшие поражения на советско-германском фронте и одной из причин этого было отсутствие у них высоких идей борьбы. Историческая геббельсовская пропаганда о «чести солдата» и о якобы исторической миссии германского оружия на могла в глазах немецкого солдата затушевать агрессивные цели, которые ставили перед собой в войне фашистская Германия, ее союзники и сателлиты. Низменная, разбойничья идеология фашизма не могла обеспечить устойчивость армий агрессоров.

Советские Вооруженные Силы, в отличие от противника, обладали высокими духовными качествами. Идеи

² Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. Второе, дополненное издание, т. 1. М., 1974, стр. 430.

патриотизма, глубокой любви к социалистической Родине поднимали на подвиг миллионы людей. Стойкость и мужество воинов проявлялись в самой сложной и трудной обстановке, во все годы войны. Эти качества являлись важным фактором борьбы, ее неотъемлемой частью.

Война подтвердила известное марксистское положение о решающей роли народных масс в историческом процессе. Победа над фашизмом была завоевана, прежде всего, благодаря их активному и самоотверженному участию в борьбе. Именно поэтому в СССР и других социалистических странах уделяется большое внимание изучению, а также художественному отражению роли рабочего класса, крестьянства и интеллигенции в годы войны.

3.

Насыщенные пафосом гигантской борьбы события военных лет запечатлены в произведениях исторической и художественной литературы, кино, изобразительного искусства, театра, им посвящены величественные ансамбли монументальной скульптуры. При всем многообразии видов, профилей и жанров, различии масштабов и объективной ценности этих произведений, все они вносят свой вклад в увековечение великого подвига советского народа.

Главное содержание минувшей войны глубоко и ярко отражено в нашей литературе и искусстве. В них убедительно показана великая эпопея народной борьбы против фашизма, раскрыты ее исторические уроки, дан анализ огромного значения Победы для судеб всего человечества.

Героический подвиг советского народа в Великой Отечественной войне—тема многих талантливых

произведений, и эта тема продолжает успешно разрабатываться, обогащая и развивая все то непреходящее, сильное и прекрасное, что уже сделано в различных сферах духовной культуры, являясь неисчерпаемым источником вдохновения.

Перед всеми, кто стремится постигнуть глубинные истины суровых военных лет, открываются по-настоящему необозримые просторы для творчества, несущего читателям живое общение с героикой прошлого и познание новых его граней. Конечно, все это обязывает ко многому. Летописцы великой антифашистской войны, историки, мемуаристы, писатели, обращающиеся к этой трагической и во многом поучительной главе истории, ответственны перед обществом за объективное ее прочтение.

Важнейшей особенностью событий минувшей войны, требующей дальнейшего глубокого раскрытия, было такое ее замечательное явление, как массовый героизм советских людей. Этот героизм проявлялся на фронтах войны, в тылу страны на трудовых вахтах, в оккупированных врагом районах, где население не было духовно сломлено насилием завоевателей и всеми ужасами фашистского «нового порядка». Эта проблема продолжает волновать и привлекать внимание исследователей и писателей.

Как ни многогранны факторы, обеспечившие нашу Победу в войне с фашизмом, несомненно, что ее главным героем был советский солдат. Именно он был центральной исторической фигурой вооруженной борьбы на фронтах. Не случайно Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, завершая свои мемуары, написал: «Я посвятил свою книгу советскому солдату. Его волей, его нестигаемым духом, его кровью добыта победа над сильным врагом. Советский солдат умел смело смотреть в глаза смертельной опасности, проявив при этом бое-

вую доблесть и героизм. Нет границ величию его подвига во имя Родины»³.

Подвиг советского солдата в Освободительной войне 1941—1945 гг. — тема неисчерпаемая. С неповторимым своеобразием и покоряющей силой подлинного таланта раскрывается она в поэме А. Твардовского «Василий Теркин».

Об этом произведении уже написано много. Трактовка образа главного героя поэмы претерпела определенную эволюцию. Отдельные и подчас существенные черты в понимании образа Василия Теркина, возможно, будут дебатироваться и впредь, но поэма в целом уже получила всеобщее признание как классическое произведение.

При анализе образа героя поэмы справедливо подчеркивается, что Василий Теркин — солдат, воспитанный революцией и всем строем советской жизни. Нельзя упрощать этот образ, символизирующий рядового советского воина. Природная его простота, естественность, неугасимый оптимизм — это лишь компоненты более сложного облика советского человека на войне. Всем, кто проходил по фронтовым дорогам непосредственно с боевым подразделением, известно, как важны эти качества не только для их носителей, но и для идущих рядом.

В советском литературоведении уже отвергалась такая точка зрения, когда при трактовке образа Василия Теркина простота почти отождествляется с примитивностью, что неизбежно показывает героя поэмы в искаженном свете. «Понимая, — пишет критик А. Турков, — что перед нами явление подлинно народное, исследова-

³ Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления, т. 1, стр. 442.

тели, соответственно со своим представлением о народном характере, так щедрый на похвалы простоте и безхитростности Теркина, что, право же, не поздоровится от этих похвал»⁴.

В эпическом произведении Александра Твардовского «Книга про бойца» с необыкновенной художественной глубиной и исторической правдивостью воссоздан образ советского солдата-фронтовика, вынесшего все тяготы и испытания в войне с фашизмом, проявившего негибаемую волю к победе и достигшего ее вместе со всеми воинами. Схожесть этого образа со всей массой воинов Советских Вооруженных Сил несомненна. Жизнелюбие и, вместе с тем, презрение к смерти, когда требует обстановка, простота и талантливость, слитность со всем народом, — типические черты героя поэмы. С такими солдатами, горячо любящими свою социалистическую Родину, пришла к Великой Победе наша героическая Красная Армия.

Воздвигнув красное знамя над рейхстагом в Берлине, советские воины с честью выполнили свой патриотический и интернациональный долг, отстаив независимость Отчизны и внося решающий вклад в достижение победы над фашизмом всех свободолюбивых народов.

События войны, подчиняясь стремительному бегу времени, стали историей. Поднялись из руин разрушенные города и села, миллионы людей вернулись с фронта к мирному труду. Но многое погибло безвозвратно. В грозное время испытаний страна потеряла свыше 20 миллионов человек. Только на белорусской земле гитлеровцы уничтожили около 2 200 000 советских граждан. О трагедии народа говорят воплощен-

⁴ А. Турков. Александр Твардовский. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М., 1970, стр. 66—67.

ные в мраморе, граните и бронзе мемориальные сооружения: «Хатынь» в Белоруссии, «Саласпилс» в Латвии, Пискаревское кладбище в Ленинграде и многие другие. Посвященные тем, кто стал жертвами преступлений врага, они напоминают: «Люди, будьте бдительны!»

Минувшая война была бескомпромиссным столкновением зловещих сил варварства и агрессии с силами социального прогресса, разума и гуманизма. В этой борьбе советские люди закалили свою волю, проявили способность преодолевать любые препятствия на пути к победе. Традиции боевой и трудовой доблести в послевоенные годы стали важным источником воспитания молодежи. Ветераны войны делятся с ней своими знаниями, опытом, духовным богатством. Но уже редкостны ряды тех, кто сражался против фашистских захватчиков. Эстафету борьбы за коммунизм принимают новые поколения.

Подвиг военных лет бережно сохраняется в памяти народной. С особым чувством благоговения и признательности стоят люди перед неугасимым Вечным огнем у могилы Неизвестного солдата, у памятников славы и бессмертия, с непреходящим интересом изучают экспозиции исторических музеев, читают книги о войне.

В увековечении героической славы советского народа средствами искусства и художественной литературы особое место занимает поэма А. Твардовского. Популярность ее стихов огромна. Вся жизнь Теркина в годы трудных для страны испытаний, его мысли и чувства раскрываются автором с удивительной искренностью и лирической теплотой. Этот образ солдата-фронтовика еще со времени войны близок и дорог широким массам читателей, и поэма заслуженно пользуется всенародным признанием. И такими, нераздельно, они останутся всегда.

А. Л. Гришунин

«ВАСИЛИЙ ТЕРКИН» А. ТВАРДОВСКОГО

«Василий Теркин» — самое крупное и значительное произведение Александра Трифоновича Твардовского (1910—1971) и одно из самых замечательных произведений литературы периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

Создание «Книги про бойца» — творческий подвиг поэта, подготовленный всей историей его жизни и творчества. Твардовский родился, провел свое детство и юные годы в крестьянской семье на Смоленщине. С детства впитал в себя сложившийся в этом приднепровском крае народный дух и нравственное здоровье, основанное на трудовой крестьянской морали. Отец поэта, получивший только трехклассное образование, был страстным любителем чтения. Заведенные им в семье чтения вслух стали первой литературной школой будущего поэта.

Ближайшим от деревни Загорье, родины А. Твардовского, крупным городом был Смоленск. В середине 20-х годов он был одним из тех провинциальных центров, где вокруг редакций местных газет ключом была литературная жизнь. Сюда устремлялась деревенская молодежь, тянувшаяся к культуре и знаниям.

В 1924 г. молодой селькор А. Твардовский, тогда же вступивший в комсомол, стал посылать в редакции смоленских газет свои первые статьи и стихи. В газете «Смоленская деревня» было напечатано первое стихотворение пятнадцатилетнего поэта — «Новая изба». Здесь же, в смоленских редакциях, Твардовский нашел своего первого литературного наставника — поэта Исаков-

ского. «Михаилу Исаковскому, земляку, а впоследствии другу, я очень многим обязан в своем развитии, — писал впоследствии А. Твардовский. — Он, может быть, единственный из советских поэтов, чье непосредственное влияние я всегда признаю и считаю, что оно было благотворным для меня. В стихах своего земляка, уже известного в наших краях поэта, я увидел, что предмет поэзии может и должна быть окружающая меня жизнь советской деревни, наша непритязательная смоленская природа, собственный мой мир впечатлений, чувств, душевных привязанностей»¹.

Как и Исаковский, Твардовский принадлежал к тому поколению крестьянских поэтов, которые шли на смену Сергею Есенину. Собственно, Есенин уже предчувствовал такую смену, размышляя о себе в стихотворении «Русь советская» в 1924 г., когда Твардовский создавал свои первые стихотворения:

Уже ты стал немного отцветать.
Другие юноши поют другие песни,
Они, пожалуй, будут интересней...²

Принадлежа к этим «другим юношам», Твардовский не испытал значительного влияния этого «последнего поэта деревни», увлечение которым было тогда широко распространенным явлением. Твардовский писал потом о поэзии Есенина: «Я познакомился с ней, будучи жителем деревни, и ее печаль об уходящей, во многом идеализированной деревенской жизни, какую она представлялась поэту за временем, расстоянием и особыми обстоятельствами его биографии, — не могла найти непо-

¹ А. Твардовский. Стихотворения. Поэмы. М., «Художественная литература», 1971, стр. 624.

² Сергей Есенин. Собрание сочинений в пяти томах, т. 2. М., 1961, стр. 169.

средственного отклика в сердцах моего поколения сельской молодежи»³.

Отношение юного поэта к молодой деревенской нови было прямо противоположным есенинской тоске и тревоге по поводу исконной деревянной Руси. В этом он опять-таки шел за М. Исаковским: «Главное было в том, что новшества, причудливо и непривычно, а то и вовсе грубо и аляповато вторгавшиеся в жизнь деревни, взламывая ее вековечный уклад, традиции и навыки, отнюдь не отпугивали его, сына старой деревни, но были ему милы и дороги, и он с истинным душевным волнением отмечал их, вводил, так сказать, в поэтический обиход»⁴.

Но, идя за М. Исаковским, молодой поэт обретает собственный голос, не похожий и на голос Исаковского, лирика по преимуществу; Твардовский тяготеет к большим эпическим формам.

Такие эпические формы диктовала сама действительность. Коллективизация становится для молодого Твардовского тем, чем Октябрь был для старшего поколения, активизирует его поэтическую работу. Он пишет поэмы «Путь к социализму» (1931) и «Вступление» (1933), а также повесть «Дневник председателя колхоза» (1932). Эти произведения поэта представляют теперь преимущественно биографический интерес, как показатель его писательской и гражданской настроенности. Однако уже в этих ранних произведениях Твардовский внес в поэзию новые настроения и новые разговорно-обиходные интонации, так что первая из названных поэм получила благожелательное напутствие Эдуарда Багрицкого,

³ А. Твардовский. Поэзия Михаила Исаковского.— «Новый мир», 1967, № 8, стр. 210.

⁴ Там же, стр. 212.

который писал во внутренней рецензии: «Мне кажется, что поэма Твардовского «Путь к социализму» — единственное в настоящее время художественное произведение, в котором актуальная тема дана в настоящем поэтическом освещении. Абсолютная простота ее, разговорный язык, которым она написана, ритмическое разнообразие ее — все это делает поэму весьма понятной массовому читателю. «Путь к социализму» должна быть напечатана, ибо это первый опыт настоящего и серьезного подхода поэта к теме сегодняшнего дня»⁵.

Настоящая и широкая известность пришла к Твардовскому с поэмой «Страна Муравия». Это было первое крупное, самобытное произведение поэта, введшее Твардовского в большую литературу. В 1936 г. поэма была напечатана в Смоленске, в том же году она вышла отдельным изданием в Москве и справедливо считается лучшим поэтическим произведением о великом переломе в деревне.

Уже печатающимся поэтом, когда его «Страна Муравия» изучалась в вузе и в школе, Твардовский получил специальное литературное образование — сначала в Смоленском педагогическом институте, а потом — в Московском институте истории, философии и литературы, из которого в предвоенные годы вышли многие писатели и филологи. Институт он окончил в 1939 г., к самому началу второй мировой войны, когда и над нашей страной собирались предвоенные тучи. Чуткая к показаниям исторического «барометра» муза Твардовского естественно обратилась в это время к военной теме.

⁵ Л. Я. Резников. Из литературного наследия Э. Г. Багрицкого. — «Ученые записки Ленинградского гос. педагогич. института им. Герцена», т. 67. Л., 1948, стр. 247.

«Василий Теркин» — органическая часть цельного творчества А. Твардовского. Через все это творчество проходит общая тема — тема единства судьбы человека, народа и страны. Многие стихотворения военных лет, вошедшие в сборники «Смоленщина» (1943) и «Фронтальная хроника» (1945), по сходству тем и мотивов, по тональности послужили как бы этюдами к большим эпическим полотнам военного времени: «Василий Теркин» и «Дом у дороги».

Военной теме посвящены многие послевоенные стихотворения А. Твардовского, среди которых по меньшей мере два заслуживают особого упоминания: «Я убит подо Ржевом» (1945—1946) и звучащее как реквием «В тот день, когда окончилась война» (1948). Стихотворение «Я убит подо Ржевом» — возможно, отпochкование от «Книги про бойца»: в авторском плане второй части поэмы значилась «песня устами бойца, убитого в первые дни войны» (см. стр. 499).

Жизнь народа на крутых переломах и поворотах его истории (коллективизация, война) — основное содержание творчества Твардовского. Поэт всюду идет по горячим следам современности, а в его «простых и грешных» героях проступают черты характера народа: его простота и трудолюбие, общительность и гуманность, острый ум и меткая речь, неафишируемая готовность к подвигу, духовное здоровье и вера в идеалы социализма. Все эти качества внушают поэту и читателям прочную веру в этот народ, составляют основу того исторического оптимизма, которым просветлена вся поэзия Твардовского. Из всех произведений поэта именно «Василий Теркин», вероятно, полнее всего воплощает в себе эти качества.

Яркие народные характеры привлекают Твардовского и в повести «Печники» (1953—1958), свидетельствуют

щей о больших возможностях поэта также и в жанре художественной прозы.

Большие эпические произведения А. Твардовского — «Страна Муравия», «Василий Теркин», «Дом у дороги», «За далью даль», «Теркин на том свете» — имеют между собой много общего. Их отличают острота и точность наблюдений, психологизм, непритязательная природная мудрость и народный юмор, лиризм; стих — простой, легкий — создает впечатление необыкновенной и, можно сказать, вовсе не стихотворной естественности выразительной разговорной речи. Несмотря на актуальность, иногда злободневность тематики — ничего нарочитого. Поэту свойствен серьезный — мудрый и сдержанный, литературно-художественный, а не газетно-кампанейский подход к теме. События эпохального значения показываются в рамках наблюдений и опыта крестьянина-единоличника Никиты Моргунка («Страна Муравия»), боевых действий местного значения и быта воинского подразделения, где служит Теркин; в поэме «Дом у дороги» судьба всей смоленской земли в военное лихолетье показана на примере одной семьи Анны и Андрея Сивцовых. Послевоенная поэма «За далью даль» — серия лирических картин с медитациями о значительных событиях и процессах народной жизни, наблюдаемых поэтом в его путешествии по стране

* * *

Довоенные «Страна Муравия» и сборники лирических стихотворений Твардовского — «Дорога» (1938), «Сельская хроника» (1939), «Загорье» (1941) — посвящены преимущественно сельской теме.

Но все настойчивее и чаще жизнь в эти предвоенные годы обращает поэта к военной тематике. В сен-

тябре 1939 г. он участвует в освободительном походе в Западную Белоруссию, затем — в непродолжительной, «незнаменитой» (по выражению самого поэта)⁶, но крайне суровой и трудной войне с Финляндией зимой 1939—1940 гг.

В деревне Грязи Звенигородского района, где Твардовский поселился с семьей на даче, 22 июня 1941 г., около 4 часов дня он узнал о войне и в тот же день «ушел на станцию и в переполненном поезде Звенигородской ветки поехал в Москву — являться по начальству»⁷.

С первых дней и до конца Великой Отечественной войны, как и многие другие писатели и поэты, Твардовский находился на фронте; летом 1941 г. исколесил всю Украину, а потом вместе с армией шел от Москвы и закончил войну в Кенигсберге. На собственном опыте поэт познал все тяготы войны. Работа над «Василием Теркиным» была им уже начата в промежутке между войнами, но прервана началом большой войны и возобновлена только в июне 1942 г. Однако многие стихотворения Твардовского начального периода войны: «Бойцу Южного фронта», «Баллада о товарище», «Партизанам Смоленщины» — проникновенное обращение к плененной врагом земле — стали как бы этюдами к эпизодам и и главам будущей «Книги про бойца».

Война стала великим испытанием всех народных сил, а вместе с тем и писательских талантов. Души советских людей на фронте и в тылу в это трудное время особенно потянулись к поэзии, и она чутко отвечала на эту потребность. «Песня смелых», появившаяся в печати едва ли не в первый же день войны, «Землянка» А. Сур-

⁶ См. в стихотворении «Две строчки» (1943).

⁷ А. Твардовский. Родина и чужбина. Записи. Очерки. Рассказы. М., «Советский писатель», 1960, стр. 8.

кова; «Киров с нами» Н. Тихонова, «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...» и «Жди меня» К. Симонова; стихи и поэмы О. Берггольц, В. Гусева, песни М. Исаковского воодушевляли людей на воинские и трудовые подвиги для победы над заклятым врагом — германским фашизмом.

В этом хоре одно из первых мест принадлежит поэзии А. Твардовского, и «Василий Теркин» — величайший литературный памятник этому беспримерному на протяжении всей истории нашей страны подвигу народа.

Еще во время финской кампании к поэту пришло ощущение великой трудности войны и ее трагизма. Находясь в положении «писателя с двумя шпалами», которое «не выслужено (не то слово)», — Твардовский то и дело ставил себя на место рядового красноармейца и испытывал «чувство прямо-таки нежности ко всем этим людям», из которых многим «не возвратиться домой»⁸. На одном из митингов перед решительным наступлением на сильно укрепленную полосу дотов «линии Маннергейма» поэт сказал «несколько не казенных и, может быть, не уставных слов о том, что родина знает, какие подвиги совершают бойцы и какие видят они трудности». Во время этого выступления «несколько сидевших в полутьме землянки бородатых (щетина) людей плакали — нервы у всех были в перенапряжении. Люди только вчера вернулись «оттуда» и знали, что нужно идти обратно туда, знали, что вряд ли кому вернуться»⁹.

У поэта возникло непреодолимое желание «высказаться как следует» по поводу этой войны, создать о ней большое эпическое произведение: «Я как бы обижен за

⁸ «Новый мир», 1969, № 2, стр. 118.

⁹ Там же, стр. 148—149.

фронт и людей. Как это все могут жить, как жили, интересоваться, чем интересовались, когда они должны же знать, какая это была война, сколько тысяч людей <...> заглянули в ее жуткие глаза, пережили ни с чем не сравнимое и никогда об этом не расскажут <...> Жизнь больше войны. <...> Но я только тогда смогу вновь в полную меру сердца волноваться всем тем, чем волновался прежде <...>, когда выпишусь, выскажусь как следует на темы финляндского похода»¹⁰. Это писалось 3 апреля 1940 г., спустя полмесяца после окончания войны 1939—1940 гг.

После этой «малой войны», задумывая «Василия Теркина», Твардовский писал: «Я чувствую, что армия для меня будет такой же дорогой темой, как и тема переустройства жизни в деревне, ее люди мне так же дороги, как и люди колхозной деревни, да потом ведь это же в большинстве те же люди.

Задача — проникнуть в их духовный внутренний мир, почувствовать их как свое поколение (писатель — ровесник любому поколению). Их детство, отрочество, юность прошли в условиях Советской власти, в заводских школах, в колхозной деревне, в советских вузах. Их сознание формировалось под воздействием, между прочим, и нашей литературы»¹¹.

Демократическая муза Твардовского, как и в других случаях, нашла простого героя. Василий Теркин — рядовой советский боец. Это — обобщающий, собирательный образ советского солдата, или — еще шире — вообще русского человека; фигура, символизирующая народ на войне. В этом образе-символе дана и вся Советская Армия, а в поединке Теркина с немцем-разведчи-

¹⁰ «Новый мир», 1969, № 2, стр. 120—121.

¹¹ См. в наст. издании, стр. 241—242.

ком символически отображена вся великая битва советского народа с фашизмом в войне 1941—1945 гг. Об индивидуально-личной биографии и судьбе героя и даже о его специфических внешних приметах не говорится почти ничего, образ максимально обобщен, символизирован — как Неизвестный солдат. Теркин, «большой охотник жить лет до девяноста», — солдат только по необходимости, а в сущности — сугубо гражданский и мирный человек («из запаса рядовой»), обычная жизнь которого нарушена, прервана войной, как стихийным бедствием. Поэтому для него и война — «работа», продолжение его обычной жизни, что можно сказать обо всем советском народе. Все качества Теркина подчеркиваются как черты народные и типичные. Теркин — национальный тип. Он — *рядовой* боец (и притом — «обыкновенный», обобщенный, с ничем не примечательной внешностью), хотя может в случае надобности принять на себя обязанности командира, и это — глубоко симптоматично и символично: Теркин — воплощение солдатской массы, вынесшей на себе всю тяжесть войны. В нем автор избегал индивидуализации; приметы героя общи, свойственны многим. Твардовский отказался от первоначального плана изобразить экстравагантное пребывание Теркина за линией фронта или вывести его в офицеры, хотя этот сюжетный ход, как закономерный, подсказывался автору и некоторыми читателями.

Не случайно и то, что Теркин — солдат-пехотинец. «В нем — пафос пехоты, войска, самого близкого к земле, к холоду, к огню и смерти», — писал А. Твардовский при самом начале своего замысла ¹².

¹². См. в наст. издании, стр. 286.

В то же время Теркин не безжизненный символ, а яркая личность, живущая на страницах поэмы конкретной жизнью.

Теркин — широкая, жизнерадостная, добродушно-гуманная русская натура, «щедрое сердце», «помочь любитель», человек с открытой душой, соединение душевности и благородства, брызжущего остроумия и веселости, естественности и природной сметливости, мудрости — с выдержкой и терпением, жизнестойкостью, смелостью (но — не до безрассудства!), высоко развитым чувством воинского долга, ответственности, скромной готовностью к подвигу.

Патриотическое чувство — основа всех этих свойств Теркина, его героического поведения.

По явному недоразумению некоторые критики занесли Теркина в разряд традиционных героев русских сказок и Платонов Каратаевых. Чувства солдатского и гражданского долга в герое Твардовского имеют вполне сознательный характер, воспитаны революцией и строительством новой жизни. Теркин, как советский солдат, знает, что он «в ответе» за родину «и за все на свете», понимает всемирно-историческое, международное значение борьбы с фашизмом, освободительную миссию Советской Армии:

И на русского солдата
Брат-француз, британец-брат,
Брат-поляк и все подряд
С дружкой будто виноватой,
Но сердечною глядят.

Советская сущность Теркина совершенно ясна. До революции такой герой был бы невозможен.

Теркин — это прежде всего простой человек; все его качества — естественные, природные. Во всех своих

проявлениях он поэтому очень конкретен. Конкретен его патриотизм, который проявляется у него в любви к своей родине — России, которую, по его убеждению, необходимо беречь пуще всего святого (глава «О потере»), в заботливом отношении к боевым товарищам и ко всем советским людям, в щемящем чувстве нежной любви к «малой родине» — к родному Смоленскому краю, захваченному и разграбленному врагом, вероломно нарушившим мирную жизнь народа. Его «политбеседа» также вполне конкретна и заключается в призыве не унывать, а главное — в наглядном, живом примере собственного поведения и действия.

Теркин прост, но вовсе не простоват, не беден духовно. От природы ему свойственна тончайшая душевная чуткость и деликатность — «высшая интеллигентность сердца», как выразился критик А. В. Македонов¹³. Его жизнелюбие, феерическая талантливость, широта, доброта, щедрость отдачи и умение быть «от скуки на все руки» — качества, необходимые всем в тягчайшей боевой обстановке, особенно ярко показаны в главе «Бой в болоте», где Теркин особенно «в ударе».

Самая фамилия героя выбрана не случайно; она — характеристична: «Теркин» — то есть «тертый», бывалый («тертый калач», — говорит народная мудрость).

...мой Теркин,
Жизнью тертый человек...

— пишет и сам автор поэмы.

Теркин удачлив, как герой народной сказки, но эта удачливость неслучайна; она — результат всех прочих его качеств. Теркин, конечно, — необыкновенный, талантливый (стало быть — редкий) человек; но он

¹³ В кн.: А. Твардовский. Стихотворения. Поэмы, стр. 14.

в то же время впитал в себя лучшие качества всего своего народа. Это подчеркивается заключительными главами книги, где Теркин как-то уже и неотличим от своего окружения: у него появляются двойники («Теркин — Теркин»); невозможно сказать, он ли попался возвращающейся домой русской старухе «по дороге на Берлин»: популярным уже в ту пору и веселым именем Теркина мог в шутку назваться всякий другой солдат; представленный главой «В бане» бывалый солдат — «все равно что Теркин», как восклицает кто-то, но тоже не обязательно он. — «Неслышно, незаметно Теркин влился в человеческое море...», — заключает А. М. Турков¹⁴. И это вполне соответствует общей идее книги и идеалу ее автора. Подобная мысль неизменно сродни Твардовскому. Ведь в сущности приблизительно так же растушеваны Анна и Андрей Сивцовы в конце поэмы «Дом у дороги»; а в статье «Как был написан «Василий Теркин»» поэт удовлетворенно замечает по поводу судьбы своей книги, питающей современную полуфольклорную газетную и эстрадную «стихию»: «Откуда пришел — туда и уходит». В статье о Бунине этот прием находит у Твардовского и прямое программное обоснование как свойство многих лучших произведений литературы: произведения эти, по мысли поэта, «возникнув из живой жизни, <...> в своих концовках стремятся как бы сомкнуться с той же действительностью, откуда вышли, и раствориться в ней, оставляя читателю широкий простор для мысленного продолжения их, для додумывания, «доследования» затронутых в них человеческих судеб, идей и вопросов»¹⁵.

Книга Твардовского, при всей своей видимой простоте, в полном соответствии со смыслом его высказыва-

¹⁴ А. Турков. Александр Твардовский. М., 1970, стр. 77.

¹⁵ «Новый мир», 1965, № 7, стр. 225.

ния, — произведение высокой смысловой емкости. Как всякое значительное явление искусства, правдиво отражающее действительность, оно отличается богатством, неисчерпаемостью содержания, заставляя читателя снова и снова размышлять о его герое, о жизни.

Помимо Теркина, книга Твардовского «населена» множеством эпизодических лиц: офицеры, солдаты, тепло и правдиво нарисованный генерал, деревенские дед и баба, русская старуха, волею судеб заброшенная в глубь Германии... Почти все они безымянны (исключение составляет только Иван Теркин, да еще — в вариантах поэмы — некий боец Сидоренко и новобранец Иван Савчук). Все они вместе составляют фон, советский народ, морально-политическое единство которого, единство его с армией в те грозные годы ощущается во многих местах поэмы и определены формулой: «народ — родные души».

Соответственно этому и события изображаются в книге нарочито будничные, неброские, — вроде «боя в болоте» за испепеленный войной, да и без того мало кому известный «населенный пункт Борки», который, однако, имеет свое историческое значение и не будет забыт, когда придет время подводить войне общие итоги.

Книга Твардовского органически срослась со своим временем, и только в такой войне она и могла быть создана. Война была подвигом всего народа, боровшегося за правое дело. Такой она и показана в поэме. Ничего подобного не могла дать (и не дала), например, война 1914—1918 гг. В лучшем случае тогда появлялись лубочные произведения о войне, но большого произведения героического звучания та война не дала. Попытки изобразить в литературе войну серьезно неизбежно приобретали налет официозности и заданности. Существовала и сатирическая литература, разоблачавшая

империалистический характер войны. Образчиком такой литературы может служить, к примеру, книжка стихов Клементия Бутковского, полная антивоенных сарказмов, вроде:

И опять земля сырая
Примет щедрые дары...
Умирая, умирая,
Будут воины храбры ¹⁶.

Ничего подобного «Теркину» не могла дать литература на Западе. Война 1914—1918 гг. вызвала к жизни сильную и правдивую литературу «потерянного поколения» (Э. Хемингуэй, Р. Олдингтон, Э. М. Ремарк и др.). А. Твардовский знал и ценил ее. Но в «Василии Теркине» нет и следа отчаянных настроений и ущербно-пацифистской философии «потерянного поколения», равно как в литературе «потерянного поколения» нет и следа теркинского огнюдь не розового, но тем не менее колебимого оптимизма. Сознание справедливости этой войны проникло в плоть и кровь автора поэмы и ее героя. В связи с этим приобретает глубочайший смысл проходящий (с некоторыми вариациями) через все произведение постоянный мотив поэмы, почти рефрен:

Бой идет святой и правый.
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

В этом мотиве можно уловить и известную революционную преемственность; исполнено глубокого смысла, что сходный рефрен звучит во всемирно известной «Варшавянке», этой Марсельезе нашего века:

На бой кровавый,
Святой и правый,
Марш, марш вперед,
Рабочий народ!

¹⁶ *Клементий Бутковский*. Кавалерийские победы. Стихи. П., «Омфалос», 1917, стр. 19.

Это — война настоящая, не за славу, не за ордена и медали.

Мне не надо, братцы, ордена,
Мне слава не нужна,
А нужна, больна мне родина,
Родная сторона!

Теркин не получил и медали за финскую войну, но и это его мало беспокоит; несущественным представляется этот факт также и автору.

Поэма Твардовского глубоко нравственна и обладает огромной воспитательной силой. Основа этой нравственности в приверженности «правде вещей», в правдивом изображении беспримерной патриотической схватки трудового народа с бесчеловечным фашизмом за освобождение родины.

Воспитательный потенциал книги, разумеется, не был предметом какой-то особой, специальной заботы автора. Настоящее искусство всегда воспитывает.

Но мысль об этой стороне произведения приходила к Твардовскому с самого начала зарождения его замысла: «Для молодежи это должно быть книжкой, которая делает любовь к армии более земной, конкретной. Даже в нравах армии это может сделать свое дело — разрядить немного то, что в ней есть сухого, безулыбчивого и т. п., не подрывая ничуть священных основ дисциплины»¹⁷.

Стало общим местом в литературе о Твардовском «Книгу про бойца» называть энциклопедией военной действительности эпохи Великой Отечественной войны. Несмотря на гиперболичность такого определения, — оно справедливо в том же смысле, в каком Белинский называл «Евгения Онегина» энциклопедией русской

¹⁷ См. в наст. издании, стр 286.

жизни своего времени. Поэма может служить одним из источников воссоздания фронтовой атмосферы 1941—1945 гг., что могут засвидетельствовать (да и засвидетельствовали уже) бесчисленные ее читатели-фронтовики. Все, что заботит и волнует на войне простого солдата,— от естественного чувства самосохранения, потребности в доброй солдатской пище и тоски по женской ласке до высокой любви к родине и готовности к подвигу — получило здесь свое отражение.

С самого начала, буквально с первых стихов автор вводит нас в быт, в будни войны:

На войне, в пыли походной,
В летний зной и в холода,
Лучше нет простой, природной —
Из колодца, из пруда,
Из трубы водопроводной,
Из копытного следа,
Из реки какой угодно,
Из ручья, из-подо льда,—
Лучше нет воды холодной...

Война показана не с птичьего полета и не в глобальном своем масштабе, а такой, какой она предстает обыкновенному ее труженику — рядовому солдату-пехотинцу. На каждой странице поражает наблюдательность автора, зоркость его художнического взгляда и мастерство передачи деталей фронтового быта.

Но за деталями быта, за событиями дня никогда не забывается общий ход великой войны, охватившей полсвета, перерезавшей фронтовой линией всю страну.

Эта «энциклопедия» тем более достоверна и ценна, что она документальна, написана очевидцем, участником событий, буквально «с натуры». В высшей степени динамичная эпоха Великой Отечественной войны, на тяжком опыте которой и до сих пор, в течение десятилетий советская литература ставит сложнейшие худо-

жественно-философские задачи и раскрывает психологию людей, поставленных в ее неумолимые условия, — была пройдена Твардовским непосредственно на фронте и без всякой временной «дистанции». Публикация первых глав началась в трудное время войны — после летнего отступления наших войск 1942 г. к Волге и к Северному Кавказу. Произведение шло рядом с событиями и автор — с героем, и, создавая первые главы, поэт мог только догадываться о том, как повернутся события в дальнейшем. Если в главе «Генерал» говорится:

Заняла война полсвета,
Стон стоит второе лето,
Опоясал фронт страну.
Где-то Ладога. А где-то
Дон — и то же на Дону...

.

Где-то бомбы топчут город,
Тонут на море суда,
Где-то танки лезут в горы,
К Волге двинулась беда...

— то все это в тот момент так и было: глава эта напечатана во фронтовой газете 23 декабря 1942 г. В этом смысле поэма настолько оперативна, что обгоняет даже сама себя и собственную славу, в себе самой упоминается как поэма («Жили, «Теркина» читали...») и Теркин присутствует в ней не только как герой действительности, но и как герой произведения, приобретшего популярность задолго до своего завершения.

«Слово о полку Игореве», «Война и мир» создавались много времени спустя после изображенных в них битв. Твардовский же шел по горячим следам войны. «Книга про бойца» беспримерным образом рождалась на поле боя, на позициях войны, одновременно с ней, и была

закончена вместе с ее окончанием. В этом — непреходящее преимущество Твардовского перед каким угодно талантом, берущимся за военную тему спустя десятилетия. Об этом он с полным основанием говорит в кульминационной главе «На Днестре»:

Может быть, куда как пуще
И об этом топоре
Скажет кто-нибудь в грядущей
Громкой песне о Днестре;

О страде неимоверной
Кровью памятного дня.

Но о чем-нибудь, наверно,
Он не скажет за меня.

Пусть не мне еще с задачей
Было сладить. Не беда.
В чем-то я его богаче,—
Я ступал в тот след горячий.
Я там был. Я жил тогда.

Это придает особую цену поэме А. Твардовского как непреходящему литературному памятнику своей эпохи, который в этом смысле не может быть превзойден.

Благодаря этому своему качеству, от которого и с течением времени при восприятии поэмы мы не можем отвлечься,— своей исключительной современности, полной синхронности с изображаемым ходом войны,— произведение Твардовского выполняло беспримерную функцию, не сравнимую с судьбой какого бы то ни было другого литературного шедевра: оно основательно послужило войне непосредственно на полях сражений, находилось на вооружении нашей армии, формируя сознание тружеников войны; ободряя их, поддерживая их доблесть, помогая мужественно переносить все трудности, смертельные опасности и невзгоды. Недаром сказано в самом начале поэмы: «Дорог Теркин на войне».

«Теркин» Твардовского, таким образом, буквально сражался в этой войне.

При всем этом «Книга про бойца» — произведение настоящей, большой литературы, глубоко осмысляющее действительность.

О Великой Отечественной войне уже в ее ходе написаны сотни (а может быть и тысячи) различных произведений разнообразных жанров. Но большая их часть забылась вместе с окончанием войны. О поэме Твардовского пишет критик Ю. Г. Буртин: «Сегодня, через много лет после войны — и каких лет! — в ней нельзя найти буквально ни одной строки, которую хотелось бы пропустить или исправить. Далеко не каждая книга выдерживает проверку временем столь блистательно! Более того, лучшие современные книги о войне наследуют и развивают именно «теркинские» традиции демократизма, человечности и правды»¹⁸.

Всё написанное Твардовским поражает оригинальностью, поэтической свободой, — читаешь ли хрестоматийные «Ленин и печник», «Рассказ танкиста» или лирические стихотворения последних лет жизни.

Творческая свобода — необходимейшее условие и одновременно свойство поэзии Твардовского. «Писал не свободно, — признается он сам себе в 1942 г. по поводу одного заказанного стихотворения, — т. е. так свободно, когда имеешь в виду только читателя и правду, а здесь полубессознательно приходит некий грубый контроль над каждым словом. И рождается полубессознательная же боязнь «залезать». Остается одно желание написать хорошо, а этого, как известно, очень мало, это даже плохо»¹⁹.

¹⁸ Ю. Буртин. «Василий Теркин» и время. — В кн. А. Твардовский. Василий Теркин. Книга про бойца. М., «Детская литература», 1973, стр. 205.

¹⁹ Архив А. Т. Твардовского.

Внутренняя свобода, естественность поэтической речи, без каких бы то ни было натяжек, фальши, без отказа от своей творческой индивидуальности — одно из самых сильных и стойких ощущений от «Василия Теркина» и поэзии Твардовского вообще. Это ощущение было знакомо уже первым читателям «Страны Муравии». К. М. Симонов вспоминает: «Он не обращался к стихам, чтобы рассказать ими о жизни; он обращался к жизни стихами, и делал это так, словно только так и можно было это сделать. Слово никак ловчее и точнее, чем стихами, и невозможно изложить все, к чему бы он ни обращался»²⁰.

С этим связано замечательное свойство произведения Твардовского — его необыкновенная, покоряющая правдивость. Принципиальная позиция поэта состояла в том, что нет и не должно быть в литературе тем невозможных, «запретных», немислимых. Все, что есть в жизни, может и должно получить отражение и в искусстве, а в годы войны, ставившей людей лицом к лицу со смертью, в этом тем более была прямо-таки насущная необходимость. В неполноте изображения, в недостатке жизненной глубины и правды, в робкой оглядке («что можно, что нельзя») усматривал Твардовский губительный для литературы изъян и тяжкий грех недоверия к читателю, лишаящий книгу воздействия на его душу. Не в иллюстрировании уже выдвинутых положений, а в честном и смелом выступлении с партийных позиций со своими наблюдениями, соображениями и выводами видел автор «Василия Теркина» единственно правильное и плодотворное осуществление принципа партийности и ответственности литературы.

²⁰ К. Симонов. Таким я его помню. (Несколько глав из записей об А. Твардовском.) — «Вопросы литературы», 1974, № 2, стр. 169.

Этой позиции, в сущности, Твардовский держался всегда, а не только в поэмах «За далью даль» и «Теркин на том свете». Она и принесла поэту настоящий литературный успех. Уже в «Стране Муравии» жизнь воплотилась во всем ее кипении и со всей сложностью. Все темы — желанные и нежеланные — находят свое естественное для серьезной литературы художественное воплощение в стихотворениях, поэмах, в рассказах и очерках Твардовского.

Все это тем более относится к произведению о таком сложном, противоречивом, героическом и одновременно жестоком явлении, как война, да еще такая невиданная в истории по своим масштабам и жертвам, как Великая Отечественная. «Если не ошибаюсь, Суворову принадлежат слова о том, — говорит Твардовский, — что солдат гордится не только своими подвигами в бою, но и теми лишениями, что он перенес на походе»²¹. Лукаво сглаживая противоречия, умалчивая о трудностях и лишениях, писатель, по убеждению Твардовского, ущемляет законное горделивое чувство человека, прошедшего сквозь войну.

В самом начале «Книги про бойца» не случайно помещена поэтическая декларация жизненной необходимости «правды сущей» — этого главного эстетического принципа А. Твардовского:

А всего иного пуще
Не прожить наверняка
Без чего? Без правды сущей,
Правды, прямо в душу бьющей,
Как бы ни была горька.

Книга, действительно, написана «бестрепетно в лицо глядя всякой правде», как сказано в главе «О любви».

²¹ А. Твардовский. Из речи на XXII съезде КПСС. — В его кн. О литературе. М., «Современник», 1973, стр. 302—303.

Случалось, врал для смеху,
Никогда не лгал для лжи,—

читаем еще в заключительной главке поэмы.

Это — разговор о войне откровенный, серьезный. Показана ее святая справедливость и ее героика, но показан и ее трагизм. Срывающиеся переправы, неудачи в бою, тоскливое чувство незащитности под минометным огнем в условиях топкого болота, состояние внезапно осознанного полного одиночества солдата, узнавшего о гибели всех его родных и близких... Немногие произведения о войне с такой убедительностью и силой передают всю моральную и физическую тяжесть военной страды.

Тема постоянной смертельной опасности и смерти на войне возникает в поэме неоднократно; читая, никогда не забываешь *memento mori*,— замечает критик Н. Вильям-Вильмонт.

Кому память, кому слава,
Кому темная вода,—
Ни приметы, ни следа.

— Эти слова глубоко впечатляют своей беспощадной, жуткой правдивостью. Потрясает сознание изображение того, как

Люди теплые, живые
Шли на дно, на дно, на дно...

Или размышление о том, как не тает снег в глазницах погибших, которым еще выписывается продовольственный паек, как живым, в письма которых, собственноручно ими писанные при жизни, еще идут к ним домой с жутким, механическим безразличием к их судьбе — «не быстрее» и «не тише»...

Смерть на войне показана как дело обыкновенное и даже весьма вероятное:

А убьют, так тело мертвое
Твое — с другими в ряд
Той шинелкою потертою
Укроют — спи, солдат.

Есть целая глава о Смерти и о совсем, кажется, обобщенной литературой невеселой работе фронтовой похоронной команды.

Правдиво передает поэт всю незащищенность «общитого кожей тонкой» человека от этой смертельной опасности:

И какой ты вдруг покорный
На груди лежишь земной,
Заслонясь от смерти черной
Только собственной спиной.

С этой опасностью не может не считаться какой бы то ни было живой человек. Он

...в бою не чужд опаски,
Коль не пьян...

Ощущение страха в бою, подавляемое волей,— закономерность, инстинкт, «сила», присущая также и опытным бойцам, выносящая человека «уцелевшим из огня»:

Низко смерть над шапкой свищет,
Хоть кого согнет в дугу.

Цепь идет, как будто ищет
Что-то в поле на снегу.

Острого ощущения страха на войне, правдиво воссозданного в искусстве Гаршиным и Толстым, в советской поэзии едва ли не первым коснулся именно А. Твардовский. «Русский чудо-человек» убедительно показан им как «святой и грешный» — как у Достоевского, как в «Войне и мире» Толстого. Кажется, ни в каком другом произведении о Великой Отечественной войне невозмож-

но встретить понимающе-теплое упоминание о ветеране ее — в «пивнушке»:

Пусть нас где-нибудь в пивнушке
Вспомнит после третьей кружки
С рукавом пустым солдат...

Все это — не ради оригинальничания или озорства. Одно благодушно-бодряческое настроение, на которое в произведении о войне нетрудно было бы сбиться, не давало столь эффективного и полного художнического исследования событий — войны, человека на войне.

Эта беспощадная правда сочетается у Твардовского с самым горячим патриотизмом и с самой высокой, неподдельной гражданственностью. Верой в победу, бодростью и оптимизмом буквально светятся даже те главы, которые были созданы и напечатаны в самый разгар войны, в тяжчайший 1942 и в 1943 г. Книга исполнена жизнеутверждающей силы, и при всем том, что сказано выше о теме смерти и страха смерти, — прав также и сержант Вавилов, в письме которого сказано: «Поэма Твардовского учит забыть о смерти, выбросить ее из головы»²².

Но все эти чувства здесь, как и во всем творчестве Твардовского, — скромные, некрикливые, лишённые того, что сам поэт называл «дежурной патетикой» и «лозуговой «словесностью»»²³.

Ничего показного, внешне эффектного, декоративно-плакатного. И в то же время все основывается на высочайшей патриотической идее.

Неоднократно в поэме Теркин выступает как агитатор, и его агитация, рожденная душевной щедростью и внутренней убежденностью, — вполне

²² Архив А. Т. Твардовского.

²³ «Новый мир», 1967, № 8, стр. 209.

конкретна и потому по-особому убедительна, действенна.

Такой патриотизм и такая гражданственность, основанные на «правде вещей», обладают особой воспитательной силой. «Когда мы отступали, когда были тяжелые дни,— писал Твардовскому фронтовик А. Родин,— почти все рассказы, что я читал, были только о победах. Помню, как меня и моих товарищей поразила ваш рассказ «Переправа». Этот рассказ о том, как переправа сорвалась, но он в десять раз оптимистичнее всех других самых победных рассказов других авторов. И написано так, что абсолютно все себе представляешь. Душевно так и жизненно»²⁴.

Твардовскому свойственны редкое умение «ликовать нехвастливо», как выразился он в стихотворении «Я убит подо Ржевом»; сдержанность, неприязнь к выспреннему, литературно-нарочитому и фальшивому слову; к высоким словам, употребляемым всуе. Поэт различает действительно высокие слова и «словеса», злоупотребление которыми («краснословье») в искусстве равносильно измене ему:

Да, есть слова, что жгут, как пламя,
Что светят вдаль и вглубь — до дна,
Но их подмена словесами
Измене может быть равна.

Вот почему, земля родная,
Хоть я избытком их томим,
Я, может, скупо применяю
Слова мои к делам твоим.

Сыновней призванный любовью
В слова облечь твои труды,
Я как кощунства — краснословья
Остерегаюсь, как беды.

²⁴ Письма фронтовиков о «Василии Теркине», — «Знамя», 1944, № 12, стр. 200.

Не белоручка и не лодырь,
Своим кичащийся пером.—
Стыжусь торчать с дежурной одой
Перед твоим календарем.

(«Слово о словах», 1962).

Патриотическая идея в «Книге про бойца» передается не фразой и лозунгом, а психологически мотивированным изображением всего поведения и мироощущения героев, неоднократно возникающим лирически взволнованным обращением к родине:

А всего милей до дому,
До тебя дойти живому,
Заявиться в те края:
— Здравствуй, родина моя!

Воин твой, слуга народа,
С честью может доложить:
Воевал четыре года,
Воротился из похода
И теперь желает жить.

Он исполнил долг во славу
Боевых твоих знамен.
Кто еще имеет право
Так любить себя, как он!

Или, если употребляются действительно «высокие» слова, то они так натуральны, уместны и святы, что не воспринимаются как лишенная убедительности риторика:

— Взвод! За Родину! Вперед!

И хотя слова он эти,
Клич у смерти на краю,
Сотни раз читал в газете
И не раз слышал в бою,

А. Т. Твардовский на Западном фронте
Фото Е. Халдея

В душу вновь они вступали
С одинаковою той
Властью правды и печали,
Сладкой горечи святой,

С тою силой неизменной,
Что людей в огонь ведет,
Что за все ответ священный
На себя уже берет.

— Взвод! За Родину! Вперед!

Так возникает какой-то особый, — высокий лиризм Твардовского.

* * *

Есть в «Книге про бойца», кроме героя-протагониста — Теркина, еще и второй герой. Этот герой — сам автор-поэт. Он «подружился», сроднился с Теркиным и повсюду ему сопутствует («Теркин — дальше. Автор — вслед»). Это не обязательно во всем сам Твардовский; правильнее, как и во всех подобных случаях («Евгений Онегин» Пушкина, «Герой нашего времени» Лермонтова и мн. др.) говорить о специально созданном по законам искусства, художественно обобщенном образе автора-повествователя, личность, характер которого определенным образом вырисовывается из произведения, сообщены даже некоторые внешне-биографические сведения, совпадающие с реальной биографией А. Твардовского. В этом «авторе» очень много «теркинского», разве что он не только «в колхозе», но и «в столице курс прошел...» Теркин, как уже было сказано, феерически талантлив. Таков же по типу талант Твардовского. Щедрым своим талантом Теркин близок, сродни Твардовскому. И это гармоническое сочетание

талантов автора и героя обеспечило «Книге про бойца» блестящий успех и долгую жизнь в литературе.

Автор — посредник между героем и читателем, ведущий свободный разговор с читателями, присутствие которых тоже ощущается. Вся книга написана с уважением к «другу-читателю», которое сквозит не только в прямых к нему интимно-доверительных обращениях, но прежде всего опять-таки в преподнесении ему не подслащенной полуправды о жизни и войне, а все той же «правды сущей», — «как бы ни была горька». Читатель часто приглашается к проверке авторских суждений. Прямая обращенность к читателю придает произведению особую лирическую теплоту, приобщая и приближая читателя к автору, к герою, к изображаемому.

Лиризм проявляется в излюбленных обращениях автора (или его героя) не только к читателю, но и ко многим встречающимся в произведении одушевленным и неодушевленным предметам: к родине, к шинели, к снаряду (в главе «Дед и баба»), к врагу, к сбитому вражескому самолету, к собственному сердцу («не частей») к женам, к девушкам, к «пограничному пункту контрольному», к самому себе...

Твардовский сделал Теркина своим земляком, уроженцем Смоленщины, родные и близкие которого, как и у самого автора, остались за чертой фронта, в немецком плену, и это усилило лирическую одушевленность и силу произведений.

Редко у какого поэта тема «отчего угла», «малой родины» занимает так много места, как именно у Твардовского, у которого эта любовь сочетается с горячей любовью к «иным краям», ко всей остальной России. Привязанность к родным смоленским местам Твардовский пронес через всю жизнь, и она отразилась в этом его произведении, как и во многих других.

Автор не только любит своего героя, но и не скрывает своего единодушия, единомыслия с ним:

И скажу тебе, не скрою,—
В этой книге там ли сям,
То, что молвить бы герою,
Говорю я лично сам.
Я за все кругом в ответе,
И заметь, коль не заметил,
Что и Теркин, мой герой,
За меня гласит порой.

Кроме специальной главы «О себе», в окончательном тексте поэмы три главы «От автора». Это — следствие первоначального членения произведения на «части» и публикации его по частям во фронтовой печати. Но произведение только выигрывает от того, что автор четырежды на протяжении произведения берет слово для прямого обращения к читателю, для поэтического раздумья и высказывания от себя. Да и помимо того — автор присутствует на многих страницах книги. Поэма лирична, пронизана теплым и умным юмором, который органично связан с обликом героя и с образом автора — исходит то ли от автора, то ли от его героя, — настолько они нераздельны и родственны друг другу.

С самого начала речь заходит о насущной необходимости в солдатском быту, наряду с пищей и водой,—

...хорошей поговорки
Или присказки какой...

Такими «присказками» насыщен и текст поэмы — вроде забавного словечка «сабантуй», подслушанного Твардовским на Юго-западном фронте, или озорного рефрена: «Пушки к бою едут задом», с подтекстом в духе русского простонародного юмора. Помимо этого, в произведение включены многие юмористические рассказы и сценки.

Юмористическое на многих страницах сосуществует с патетическим и трагическим, но это не воспринимается как разнотипность. Симбиоз автора и героя на фоне эпической темы большой войны создает особый лиро-эпический сплав, заставляющий говорить о «Книге про бойца» как о произведении совершенно особого и небывалого жанра. Твардовский не случайно не называет его «поэмой», а именно «Книгой про бойца». Подзаголовок «Поэма» фигурировал только в первых публикациях отдельных глав в газете «Красноармейская правда».

Композиция (и — соответственно — жанр) «Книги про бойца» обусловлена прежде всего ее творческой историей. Поэт вынужден был придавать известную законченность каждой отдельной главе, как писал он в своей статье (см. стр. 260), потому что его фронтовой читатель часто бывал и незнаком с предыдущими главами и не всегда мог рассчитывать дождаться следующих, то есть пропросто дожить до них. Сам поэт шутиливо, но с большой долей правды так определяет в поэме свой композиционный принцип:

Словом, книгу с середины
И начнем. А там пойдет.

Необычность композиции книги, начатой «с середины» и оборванной без развязки, заставили автора в тот момент, как произведение стало формироваться, ввести в текст соответствующие, опять-таки шуточные оговорки:

...книга про бойца.
Без начала, без конца,
Без особого сюжета...
и т. д.

И потому она — «книга»,

* * *

Историю замысла и создания «Книги про бойца» А. Т. Твардовский сам рассказал в своем очерке «Как был написан «Василий Теркин». (Ответ читателям)» (1951).

«Василий Теркин» — лучшее литературное произведение о Великой Отечественной войне, как это ни кажется теперь странным, был задуман более чем за год до ее начала; война на первых порах, наоборот, отвлекла автора от этого замысла, которым он буквально горел в предвоенные месяцы, и только через год, в середине 1942 г., Твардовскому пришла счастливая мысль продолжить и завершить оставленную работу.

Некоторые стихи, вошедшие потом в поэму, были созданы и даже напечатаны задолго до того, как произведение сложилось в его окончательном виде. Так, 11 декабря 1939 г. в газете «На страже Родины» появилось стихотворение Твардовского «На привале», развитое впоследствии в одноименную главу «Василия Теркина». Стихотворение «Танк» (1940) и некоторые другие также использовались потом в тексте произведения.

Целая глава — «Гармонь» (в сокращенной, впрочем, редакции) — была написана за год до Великой Отечественной войны и напечатана в газете «Красная звезда» (1940, № 261, 6 ноября), в сборниках А. Твардовского «Фронтовые стихи» (М., 1941, стр. 30—37), «Из фронтовых стихов» (М., изд-во «Правда», 1941, стр. 26—33), в сборнике «Смоленщина» (1943) и др. — как отдельное стихотворение, помеченное 1940 годом («Вот беда, во всей колонне...»).

Позже, но тоже еще до окончательного прояснения замысла, на впечатлениях финской кампании, была написана глава «Переправа».

Таким образом, поначалу Теркин был задуман как герой финской войны 1939—1940 гг.

Но прежде, чем у поэта возникла мысль о создании большого эпического произведения о советском солдате Василии Теркине, герой, носящий эту фамилию, имел свою предысторию, относящуюся к тому же времени финской кампании 1939—1940 гг., когда в газете Ленинградского фронта «На страже Родины» стали появляться картинки художников В. Брискина и В. Фомичева со стихотворными подписями к ним нескольких фронтовых поэтов, среди которых был А. Твардовский, собственно, и открывший этот цикл своим стихотворением «Вася Теркин» («На страже Родины», 1940, 5 января).

Лубочный герой этих веселых картинок — «Вася Теркин» — медвежьеподобный великан с тяжелым квадратным подбородком, совершавший необыкновенные, прямо-таки сказочные подвиги. Подрисуночные стихи о Васе Теркине преследовали развлекательные (а попутно и дидактические) задачи — в ответ на «потребность солдатской души позабавиться чем-то таким, что хотя и не соответствует действительности военных будней, но в то же время как-то облакает именно их, а не отвлеченно-сказочный материал в почти что сказочные формы», — писал Твардовский в статье «Как был написан «Василий Теркин»».

Этот условный, нарочито лубочный персонаж — «Вася Теркин» продолжал жить на страницах газеты Ленинградского фронта «На страже Родины» и во время Великой Отечественной войны, уже без участия Твардовского. В 1943 г., когда существовала в отдельном издании первая часть поэмы А. Твардовского, в Ленинграде вышел сборник «новых приключений» сержанта-разведчика Васи Теркина, составленный из картинок

художника Бориса Лео и стихотворных подписей под ними поэтов М. Дудина, В. Иванова, Б. Лихарева, А. Прокофьева, В. Саянова, А. Флита²⁵.

Произведение о финской войне задумано было Твардовским еще до окончания этой последней. Между срочной работой для фронтовой печати время от времени поэт набрасывал заготовки для большой вещи. Написано было, в частности, и напечатано в газете «На страже Родины» упомянутое выше стихотворение «На привале», начинающееся «теркинской» строфой:

Дельный — что и говорить —
Был старик тот самый,
Что придумал? Суп варить
На колесах прямо...²⁶

«Кончится кампания, отдышусь от писания «в номер», — записывал Твардовский во фронтовой тетради 8 марта 1940 г. — засяду основательно. Строчка за строчкой пропущу все через сито. Все это должно и можно развить, отделать, завершить. Штука за штукой буду отрабатывать и переписывать в тетрадку. А до того в журналы давать не стоит. Буду жив и здоров — будет книжка, какой я сам вообразить раньше не мог»²⁷.

Бои в Финляндии завершились 13 марта 1940 г., а уже в апреле Твардовский жил замыслом поэмы о прошедшей войне, которая еще очень смутно вырисовывалась в его сознании: герой, которому еще не было подобрано имени, вместе с нашими войсками переходил границу страны, был ранен и после госпиталя догонял свою часть (как в главе «Гармонь»). Намечалась и

²⁵ «Вася Теркин на Ленинградском фронте». Л., Военное издательство Народного комиссариата обороны, 1943.

²⁶ «Новый мир», 1969, № 2, стр. 127.

²⁷ Там же, стр. 120.

любовная линия — знакомство с девушкой, лекпомом или медсестрой.

В апреле 1940 г. этот намечавшийся в то время сюжет соединился в сознании поэта с образом Васи Теркина. Его полуфольклорный характер представлялся хорошим основанием для создания книги, а его жизнелюбие обеспечивало оптимистическую тональность задумываемой поэмы, необходимую, по мысли автора, «для преодоления сурового материала этой войны»²⁸, и эта юмористическая струя должна была соединиться с лиризмом.

Так, уже за год до войны в сознании автора определились характерные черты образа и главные контуры именно такого произведения о советском бойце, каким мы его знаем по книге А. Твардовского «Василий Теркин».

Непременным условием использования в поэме нарочито упрощенного, бурлескного образа Васи Теркина А. Твардовский считал необходимость обратиться к нему «всерьез», «поднять» его: «поднять незаметно, по существу, а по форме почти то же, что он был на страницах «На страже Родины». «Нет,— добавлял он тут же,— и по форме, вероятно, будет не то»²⁹.

И действительно: уже начальные наброски (первый вариант главы «Переправа») давали и героическую и трагическую стороны войны. Вася Теркин финской кампании 1939—1940 гг. остался только однофамильцем героя книги Твардовского, причем даже и эта фамилия («Теркин») в поэме переосмыслилась и уже не воспринимается как подобие забавных фамилий фронтовых «Пулькиных», «Танкиных» и т. п. Ничего не осталось и от его гротескно-богатырского телосложения.

²⁸ См. в наст. издании, стр. 284.

²⁹ См. там же.

Зато детальную разработку получили все стороны его замечательного характера.

Еще в довоенное время указал Твардовский и одного из реальных прототипов Василия Теркина: это феодосийский шофер, весельчак и балагур, который вез его и поэта Михаила Голодного из Феодосии в Коктебель 1 сентября 1939 г. Впоследствии фронтовые дороги, несомненно, сталкивали поэта со многими другими подобиями Теркина. На одного из них указывает в своих воспоминаниях художник О. Г. Верейский: фронтовой поэт Василий Гловов послужил художнику «натурой» для создания образа при иллюстрировании книги; этот образ и был «авторизован» самим Твардовским, который с того времени «никогда не допускал ни малейшей попытки изобразить Теркина другим»³⁰.

С апреля 1940 г. замысел произведения непрерывно вынашивался. В декабре Твардовский предпринял поездку в Выборг, на места боев, в расположение своей 123-й дивизии, — «все это — с мыслью о «Теркине», — как писал он потом в статье «Как был написан «Василий Теркин»». В печати появились отдельные части — заготовки будущей поэмы. О нескольких пришедших в голову эпизодах поэт сделал запись 2 мая 1940 г. Тогда же было задумано и «отступление лирическое», ставшее потом началом поэмы:

Лучше нет воды холодной...³¹

В феврале и в марте 1941 г. работа над «Теркиным» была уже главным делом Твардовского, но продвигалась она медленно и не без напряжения. «Исключительной вещи мне на этом материале скорее всего не

³⁰ «Нева», 1972, № 12, стр. 200.

³¹ См.: «Новый мир», 1969, № 2, стр. 142.

сделать,— констатировал поэт 9 февраля 1941 г.— Но она нужна до зарезу, даже такая, какую смогу. Делать нужно и буду делать, переделывать, терпеть»³².

20 марта готовые главы были прочитаны С. Я. Маршаку. Маршак был взволнован и отметил «свободные, без стремления к эффектам»³³ стихи.

«Помнить о деле, о том главном, что хочешь сказать,— записывал для себя Твардовский после беседы с Маршаком,— а строчки сами собой будут хороши».

Сразу же вслед за этим идет еще одна характерная запись, датированная 21 марта 1941 г.: «Что-то в этом роде я сам не то придумал, не то во сне видел — что-то чрезвычайно ясное, правильное насчет формы и содержания. А вспомнить не могу. Какое-то смутное, но очень радостное воспоминание, что-то очень новое для меня и в то же время не противоречащее резко моей прежней работе и пристрастиям»³⁴.

Работа над поэмой продолжалась в апреле 1941 г. в ялтинском Доме отдыха Литфонда. 5 апреля Твардовский набросал первые строки — трехстопным амфибрахией:

Кому смерть, кому жизнь, кому слава.
На рассвете началась переправа...

Но уже в тот же день поэт пришел к выводу, что этот размер не годится, что «нужно шпарить своим популярным хореем», «идти решительно на «примитив»». В тот же день было набросано новое, хорейческое начало главы «Переправа», которое, однако, тоже не удовлетворило поэта. О своих тогдашних затруднениях А. Т. Твардовский достаточно написал в статье «Как

³² «Новый мир», 1969, № 2, стр. 160.

³³ Архив А. Т. Твардовского.

³⁴ «Новый мир», 1969, № 2, стр. 160.

был написан «Василий Теркин», документировав их многими цитатами из своих рабочих записей того времени.

9 июня 1941 г. поэт поселился в деревне Грязи, под Звенигородом, рассчитывая, что судьба подарит ему «доброе работающее лето», и что поэма к осени будет закончена. Сделанные здесь наброски «Вступления», которое должно было изложить все общее, освободив от него дальнейшее изложение, показались автору неудовлетворительными, с обилием «пустостиший». Вслед за отступлением о павших героях никак не удавалось «пристрочить» Теркина. «Попугивала смутно» фамилия героя и его «кредо».

В середине июня написанные строфы автор вновь читал С. Маршаку, 18 июня — жене. Каждое такое чтение стимулировало работу и проясняло замысел. Подбирались имена второстепенных героев. Тогда же придумывалась и «любовная линия» — история с шапкой, которую Теркин получил от девушки-санитарки и возвращает ей после войны.

Вспомогательные рабочие тетради поэта отражают постоянную неуверенность, неудовлетворенность результатами своей работы. Избегать банальностей, писать только о лично прочувствованном — неременное требование поэтической программы Твардовского: «Какая сила и свобода поэтическая должна быть, чтоб оторваться решительно от всей принятой условности батальной, от слов, за которыми нет твоего личного чувства и пр. А надо оторваться», — записывает он 20 июня 1941 г.³⁵, относя все это к работе над «Теркиным». Многократное переписывание одних и тех же строк не приводило к удовлетворительным результатам; моменты вдохно-

³⁵ Архив А. Т. Твардовского.

вения не часто посещали поэта на этом этапе работы над произведением. В эти предвоенные месяцы поэма писалась туго — «не было настоящего напряжения», — писал А. Твардовский.

Нужное «напряжение» возникло только с началом войны, когда сложился новый вариант замысла. Внешне он был продолжением той же работы. Но по существу между этими двумя вариантами имело место принципиальное различие, обусловленное различием характера и масштабов кратковременной и локальной финской кампании и всенародной Великой Отечественной войны. Изменился весь характер поэмы, все ее содержание, ее философия, ее герой и ее форма — композиция, жанр, сюжет. С началом большой войны изменился и характер поэтического повествования о войне: родина и народ, народ на войне стали его главными темами.

До Великой Отечественной войны поэма о Теркине, какой мы ее знаем, и не могла быть создана. Да и с началом Отечественной войны творческое «напряжение» возникло не сразу.

22 июня 1941 г. неожиданно прервало работу над неоконченным еще «Введением». А. Твардовский проходит по военным дорогам всю Украину, пишет много новых стихотворений и очерков, и начатая было поэма о бойце «незнаменитой» финской кампании, видимо, не представлялась ему более актуальной, или, во всяком случае, забылась за множеством новых впечатлений и работ. «Как война самое себя отодвинула!» — так выразился об этом сам Твардовский, когда через год после начала войны к нему пришла счастливая мысль о продолжении «Теркина».

Место Теркина заступили новые, другие герои. В газете «Громилка» (особое приложение к газете «Красная Армия») без подписи Твардовский помещает написан-

ные им совместно с Б. Полийчуком «теркинские» (по ритму и размеру) стихи об удачливом казаке Иване Гвоздеве и о партизане деде Даниле.

Стихотворное введение в эти циклы было напечатано в первом же номере газеты «Громилка». Начало его Твардовский привел в статье «Как был написан «Василий Теркин»» (см. стр. 257—258).

Казак Иван Гвоздев — несомненный предшественник Василия Теркина «Книги про бойца». О нем создано было много совершенно «теркинских» стихов, например:

Лучше нет, ребята, с толком
Ночью испугивать врага.
Постовых хватать за холку —
В самый раз для казака.
Не найти нас в темном поле,
Не нащупать наших троп.
Ночь для нас — одно раздолье,
Для фашистов — суций гроб.
.
Мрак ночной фашисту страшен,
Нам же ночка не во вред.
Для бойца закалки нашей
Лучше ночи — часу нет.

Среди стихов «гвоздевского» цикла в газете «Красная Армия» от 18 октября 1941 г. находим напечатанное без подписи стихотворение «Что такое «Сабантуй»», также использованное потом в «Книге про бойца».

В одной из главок Иван Гвоздев в тылу у немцев, в лесу, встречается с другим героем — партизаном дедом Данилой — характерным персонажем многих довоенных стихов Твардовского, о котором в «Громилке» помещено много самостоятельных стихотворных рассказов: «Как дед Данила немцам «русскую баню» устроил», «Дед Данила — «охотник»», «Письмо деда Данилы» и др.

Предваряя «Книгу про бойца», весь этот материал типологически и в жанрово-стилевом отношении был продолжением лубочного «Васи Теркина» финского периода. Подобные материалы о Танкине, Иване Штыке, Гранаткине, Фоме Смыслове и многих других помещали в то время в войсковых газетах многие советские поэты. Насчитывают более 60 таких героев, над созданием которых работали А. Сурков, А. Прокофьев, С. Кирсанов, Д. Кедрин, Ц. Солодарь, Д. Алтаузен и другие поэты³⁶. Традиция таких стихотворений уходит во времена гражданской войны, когда на страницах «Красной газеты» их создавали поэт В. Князев и Демьян Бедный («Солдат Яшка — медная пряжка»), в «Окна РОСТА» В. Маяковского и в лубочную литературу периода Отечественной войны 1812 г.

Но желание работать всерьез, не довольствуясь «легкой газетчинкой», не покидало поэта и в это трудное время. В записную книжку заносились впрок фронтовые впечатления, описания боевых эпизодов, использованные потом в «Книге про бойца», — например, история бойца Воробьева, пробиравшегося вместе со своими товарищами из окружения через свою деревню, где он встретился с семьей, отбил для жены косу, еще что-то сделал и ушел догонять товарищей. Этот эпизод предназначался поэтом для особого стихотворения «Воробей». В ближайшие творческие планы в апреле 1942 г. произведение о Теркине, как таковое, еще не входило, а из набросков одной главы предполагалось создать стихотворение «Связист».

Возрождение замысла и возобновление работы над «Теркиным» относится к середине 1942 г., уже на За-

³⁶ См.: Г. Самойленко. Боевые побратимы Василия Теркина. — В кн.: «Слово, которое вело в бой». Изд-во Киевского университета, 1971, стр. 186—204.

падном (впоследствии — 3-м Белорусском) фронте, куда поэт был переведен с Юго-Западного.

12 июня 1942 г. в Чистополе, куда поэт приезжал на два дня проведать семью, появились стихи начальной, вступительной главки — «От автора», начиная пока-что со второй строфы:

На войне, в быту суровом...

Именно в середине июня 1942 г., в Чистополе, пришла к Твардовскому «радостная находка — возвращение к мысли о продолжении поэмы о Василии Теркине» (слова из рабочей тетради А. Т. Твардовского). С этого времени начался новый этап работы над произведением — создание того текста, который известен как окончательный текст «Василия Теркина».

Сообщение о работе над поэмой и чтение отрывков из нее составили существенную часть творческого отчета А. Твардовского на заседании Военной комиссии Союза писателей 22 июня 1942 г. (См.: «Вопросы литературы», 1975, № 5, стр. 228—231; ЦГАЛИ, ф. 631, оп. 16, ед. хр. 103, л. 1—9). На этом же заседании впервые было объявлено и название новой поэмы — «Василий Теркин», которое автор долгое время «даже скрывал» (там же), опасаясь неверного представления о произведении, названном популярным именем «фельетонного» героя.

О том, как в походной, фронтовой обстановке писалась эта поэма, — сказано в самом ее тексте:

...украдкой

На войне под кровлей шаткой,
По дорогам, где пришлось,
Без отлучки от колес,
В дождь, укрывшись плащ-палаткой,
Иль зубами сняв перчатку
На ветру, в лютой мороз,
Заносил в свою тетрадку
Строки, жившие вразброс,

О. Г. Верейский, бывший свидетелем того, как одна за другой рождались главы «Василия Теркина», вспоминает: «Работая, Александр Трифонович до поры ни с кем не делился, никогда не писал на людях. Сидел подолгу один в землянке или в лесу, никому не показываясь. Помню его одинокую фигуру в накиннутой на плечи длинной шинели, когда он бродил в лесу среди покалеченных войной стволов деревьев. Он любил писать ранним утром и всегда старался работать допоздна, часть работы — ту, что уже завязалась, — отложив на завтра, чтобы, чуть забрезжит свет, снова сесть к столу (опрокинутому ящику, пню, где придется), на котором уже лежит пусть малое, но все же начало для разгона на сегодня»³⁷.

* * *

Особая, «фронтовая» судьба поэмы, создававшейся с учетом потребностей дня и печатавшейся по главам, по мере их готовности, в фронтовой печати (причем Твардовский некоторое время, и даже, по-видимому, не один раз, считал поэму уже законченной, а потом продолжал ее снова) — наложила на произведение свой отпечаток; оно, несомненно, стало бы более цельным, если бы все писалось после событий и публиковалось сразу. Именно в этом смысле можно понимать слова Твардовского:

И хотя иные вещи
В годы мира у певца
Выйдут, может быть, похлеще
Этой книги про бойца,—
Мне она всех прочих боле
Дорога, родна до слез...

³⁷ Орест Верейский. К двум портретам.— «Нева», 1972, № 12, стр. 198.

Думается, что и для читателя эта особенность произведения — следствие исторической необходимости и особых обстоятельств создания книги, о которых нельзя не помнить, относясь к «Василию Теркину» как к литературному памятнику, — так же дорога. В поэтическом наследии А. Твардовского она превосходно восполнена его следующей, значительно более «литературной» поэмой — «Дом у дороги» (1942—1946) — образцовым произведением в смысле законченности и цельности.

В то же время, именно такая форма «книги про бойца» как нельзя лучше соответствовала оригинальности и творческой свободе, с которыми она была создана. — «Летопись не летопись, хроника не хроника, а именно «книга», живая, подвижная, свободная по форме книга, неотрывная от реального дела», — как писал Твардовский³⁸. Может быть, именно этим глубоко жизненным, несочиненным обстоятельствам и обязана своей неувыдаемой свежестью «неправильная» с точки зрения ортодоксальной поэтики поэма Твардовского. Создавая произведение, поэт соотносился прежде всего с действительностью, а уж потом — и менее всего — с литературным каноном. Позволительно вспомнить, что столь же обескураживающими в формальном и жанровом отношении были и такие шедевры русской литературы, как «роман в стихах» «Евгений Онегин» и «поэма» «Мертвые души».

Твардовский еще до войны проявил склонность к подобной циклической форме, создавая серию стихотворений о плотнике деде Даниле. Данила — явный предшественник Василия Теркина в творчестве А. Твардовского, а в ранних редакциях «Книги про бойца» он фи-

³⁸ См. в наст. издании, стр. 265.

гурирует в качестве одного из ее героев — руководителя смоленских партизан. В повествовании о Даниле выработывался и стих «Василия Теркина».

Вопрос о жанровом своеобразии произведения и о его сюжете — один из самых сложных и спорных в критических оценках «Василия Теркина». Иные критики с недоверием отнеслись к заявлению самого автора об отсутствии сюжета, как к своего рода хитрости. Усматривают сюжет в идейно-нравственном возмужании Теркина, в изображении нарастающего темпа войны; некий заменитель сюжета находят в известной логике развития художественного повествования, связанной с нарастанием «мысли и чувств народных», причем образ героя становится «все глубже и масштабнее, а авторские отступления все лиричнее и проникновеннее»³⁹. Все это в «Василии Теркине» есть; есть в поэме начало и конец. Известной заменой сюжета в «Книге про бойца» выступает хроника войны, ее перемены, ее ход. Главы, составлявшие прежде первую часть, отмечены суровым и мрачным, трагическим колоритом («Переправа»); вторая часть отражает напряженное противоборство переломного периода войны. Главы третьей части — «На Днепре», «По дороге на Берлин», «В бане» — наполнены бодростью и предпраздничным предпобедным весельем, когда

И война — не та работа,
Если праздник недалек.

Не остается неизменным на протяжении книги и ее герой — Теркин. В главе «Дед и баба», будучи старшим в передовом разведывательном отряде, он заметно более сдержан в своем поведении, чем при первом своем появлении на страницах книги, а при форсировании

³⁹ А. Турков. Александр Твардовский, стр. 71.

Днепра, под конец поэмы, он уже не только не «балагур», извергающий «вздор незаменимый» (варианты главы «На привале»), но и вовсе — «не встречал» в шутки. —

Он курил, смотрел нестрого,
Думой занятый своей.
За спиной его дорога
Много раз была длинней.
И молчал он не в обиде,
Не кому-нибудь в упрек.
Просто больше знал и видел,
Потерял и уберег.

Развитие характера, действительно, здесь просматривается. Но оно не может служить заменой сюжета в обычном смысле. Надо верить А. Твардовскому, подтвердившему эту мысль и в статье «Как был написан «Василий Теркин»»: сюжета в обычном смысле в его произведении, действительно, нет, и даже календарь событий не всюду выдержан. Есть только некоторые сюжетные связки: встреча с танкистами, которые, как выяснилось, некогда доставили раненого героя в санбат; история с шапкой девушки-санитарки. Эти сюжетные эпизоды способствуют сцеплению глав «Теркин ранен», «Гармонь», «О потере». Другая сюжетная линия, связанная с образом генерала, намечается в главах: «Кто стрелял?», «Генерал», «Теркин пишет».

Однако событийное, сюжетное в этом произведении не так важно; «Книга про бойца» замечательна другим.

Как феномен искусства, «Василий Теркин», вероятно, и не может быть интерпретирован с точки зрения формы с абсолютной бесспорностью. Интересное истолкование поэмы предложила О. Ф. Берггольц, определившая произведение как лирическую поэму, главное значение которой не в Теркине и не в описании военных действий самих по себе, а в тех мыслях и чувствах, в фи-

лософии и нравственности, которые передела война прежде всего в авторе поэмы и в очень близком к нему ее герое — Теркине⁴⁰. Содержание, «социальный заказ» и беспрецедентные внешние условия создания вещи обусловили в «Василии Теркине» новаторство литературной формы. Все перечисленные элементы находятся в произведении Твардовского в полном соответствии.

Органическая демократичность поэмы, изображение в ней основного труженика войны — рядового солдата-пехотинца, потребовали дробного плана с быстрой сменой кадров не слишком широкого захвата: форсирование безымянной реки; крестьянский дом, оказавшийся в зоне боевых действий; безвестный «бой в болоте» за ничем не примечательный, да и не существующий уже более населенный пункт с нарочито безличным названием: Борки; эпизодическая встреча с некоей «бабкой» «по дороге на Берлин», баня, — все это периферия войны, почти демонстративная, нарочитая приземленность, камерность, в немногих случаях прерываемая изображением генерала — «владыки боя», или общей картиной всего огромного фронта, опоясавшего страну, взятой в совершенно ином масштабе:

Где-то лошади в упряжке
В скалах зубы бьют об лед.
Где-то яблоня цветет,
И моряк в одной тельняшке
Тащит степью пулемет...

Этот масштаб изображения эпохальных событий художественно оправдан в произведении о «бойце»; автор об этом знает и с нарочитым лукавством в вариантах

⁴⁰ См.: О. Берггольц. Испытание миром. — «Литературная газета», 17 ноября 1945 г.

поэмы пытается извиниться перед читателем за то, что, рисуя форсирование Днепра, он, «вдруг голос потеряв»,

Уследил едва за взводом
И свернув куда-то вбок,
Обошелся эпизодом...⁴¹

Вся война превосходно показана в «Книге про бойца» именно такими «эпизодами», выразительность и ёмкость которых очевидны для каждого не глухого к искусству.

«Искусство, как это давно установлено, не всегда нуждается в исчерпывающей всесторонности и всеобъемности охвата жизненных явлений,— писал А. Твардовский в статье «По случаю юбилея»,— было бы верно схвачено и ярко выражено то, что оказалось в «секторе обзора» художника: оно непременно будет соприкасаться с тем, что находится за пределами этого сектора»⁴². В истории литературы многие скромные изображения частных ситуаций и уголков действительности проецировались на крупные планы и становились значительными вехами в изображении жизни вообще.

Это в полной мере относится к книге Твардовского, как и к следующей его поэме — «Дом у дороги», где на примере одной семьи, без самодовлеющих батальных сцен и боевых эпизодов — изображена поистине «судьба народная» в великой войне и драматизм исторических событий передан с большой силой.

«Василий Теркин» — произведение большой исторической емкости. Эпохальность, глобальность, величие войны, ведущейся «ради жизни на земле», постоянно ощущается как столкновение «обоих полушарий». Ве-

⁴¹ См. в настоящем издании, стр. 380.

⁴² «Новый мир», 1965, № 1, стр. 10—11.

личие ее в разрезе времен подчеркивается, с одной стороны, упоминанием тысячелетней истории России, а с другой — предвидением «иных годов», когда будущий человек археологически вновь откроет следы этих боев и сложит о них новые песни.

* * *

Литературные качества книги Твардовского неопенимы. Ее отличают удивительная, почти зримая образность, психологическая убедительность, точность художественной детали, выразительность речевая. Работая над поэмой, автор «представлял себе во всей натуральности» (стр. 244) боевые действия, и именно от этого его изображение также получилось «во всей натуральности». Наглядно, с кинематографической выразительностью передается динамика боя:

С ходу двинул в дверь гранатой,
Спрыгнул вниз, пропал в дыму.
— Офицеры и солдаты,
Выходи по одному!..

Или:

Низкогрудый, плоскодонный,
Отягченный сам собой,
С пушкой, в душу наведенной,
Страшен танк, идущий в бой.

Таких выразительных, точных и в то же время замечательных своей лапидарностью характеристик в поэме много. Читатель видит, как командир говорит в трубку полевого телефона, как боец прилаживается к гармонии, как пригнувшись (будто что ищет) под огнем идет в наступление цепь солдат, как изгибается пила в руках Теркина... Правда жеста, психологическая правда обеспечивает убедительную передачу даже тончайших душевных движений и чувствований:

— Ну, прощай. Счастливо ехать!
Что-то силится сказать
И закашлялась от смеха,
Головой качает мать.

Или — в главе «Гармонь», когда выясняется, что гармонь принадлежала накануне убитому командиру танка:

— Так...
С неловкою улыбкой
Поглядел боец вокруг,
Словно он кого ошибкой,
Нехотя, обидел вдруг.

Безукоризненный поэтический слух, поэтическое зрение, высокое искусство исключительно ёмкой реалистической детали и такое ощущение меры, при котором «ни убавить ни прибавить», — проявляются в произведении на каждой странице.

Твардовский — мастер фронтового пейзажа:

На могилы, рвы, канавы,
На поля, холмы дырявой,
Изувеченной земли,
На болотный лес корявый,
На кусты — снега легли.

Поэт был убежден в том, что настоящая поэзия должна быть «достоянием миллионов» (как утверждал он в своем «Слове о Пушкине»⁴³). Широчайшему назначению книги и предмету ее изображения («про бойца») соответствует простота ее содержания. Никаких исторических реалий или экскурсов, кроме немногих упоминаний солдата былых времен или популярных имен Чапаева и Калинина. Ничто почти не требует специального пояснения в комментариях. Твардовский с полным правом мог сказать о своей поэме:

⁴³ А. Твардовский. О литературе. М., 1973, стр. 31.

Вот стихи, а все понятно,
Все на русском языке...

Вся поэтика произведения тоже отличается простотой, которая при более пристальном рассмотрении оказывается простотой кажущейся, «умной и хитрой», позволяющей «естественно и свободно вести поэтическую речь об очень сложных явлениях»⁴⁴.

Поэтический язык Твардовского прост и естествен, включает много разговорных элементов. Естественность разговорной интонации иногда абсолютная. Вот Теркин переплыл реку и совершил подвиг:

Молодец,— сказал полковник.—
Молодец! Спасибо, брат.

Это — стихи, но иной нельзя было бы представить себе эту реплику даже и в прозе.

Непритязательно называется книга — «...про бойца»; предельно просты и коротки названия глав — в одно, два, редко — в три слова. Обращает на себя внимание отсутствие какой бы то ни было цветистости в стиле, сдержанность в пользовании поэтическими фигурами и тропами. Мало даже сравнений, а вычурных совсем нет. Книге свойствен безукоризненно точный, впечатляющий, характерный, но опять-таки не претенциозный эпитет:

И чернеет там *зубчатый*,
За *холодную* чертой,
Неподступный, *непечатый*
Лес над *черною* водой.

Несочиненность, естественность этих эпитетов очевидна, ибо они выражены обыкновенными словами, и только в контексте приобретают свойства художест-

⁴⁴ И. Гринберг. Александр Твардовский.— «Звезда», 1947, № 2, стр. 166.

венного определения, эпитета. Но некоторые такие эпитеты так замечательно ёмки, что их при желании можно развернуть в пространные размышления (например, у «простуженных коней» — в главе «Теркин ранен»).

Столь же неприятельны метафоры у Твардовского, выраженные чаще всего самыми распространенными словами-понятиями преимущественно крестьянского, простонародного обихода: война — «пахала», «бомбы топчут город»; «греют землю животом». Эти и другие подобные метафоры обладают большой изобразительной и впечатляющей силой.

Красота стиха у Твардовского — тоже несочиненная. Она в точности словоупотребления, верности поэтической интонации, выразительности и художественной правде. Поэтическая ткань «Теркина» проста, но это поистине — высокая простота.

А. Турков резко отделяет речевую манеру Твардовского от подделок под народность и характеризует ее следующим образом: «В ней удивительно органично сплелись простая, лишенная экзотических, орнаментальных завитушек крестьянская речь с высокой языковой культурой, свойственной классической русской литературе, и с той лексикой, которую привнесла революция»⁴⁵.

Стих Твардовского неприятельно доступен и прост; он — в традиции русских демократических поэтов и лучших образцов народного творчества. Никаких уступок литературной моде на диссонанс и «излом». Стих «Книги про бойца» — четырехстопный хорей. Этот размер бытовал в русской поэзии еще в первые десятилетия XIX в. и встречается у Пушкина. Его использовал «народный» поэт пушкинской поры Ф. Н. Слепушкин,

⁴⁵ А. Турков. Алекса: р Твардовский, стр. 165.

например, в стихотворении «Ответ моим критикам»:

По селу меня ругают
Одноземцы за стихи,
Пустомелей называют:
Вот пустился на грехи!
 «Знал бы торг, весы и меры,
 Да о поле б не забыл,
 Чем выдумывать химеры!»
Мне знакомец говорил.

И т. д.⁴⁶

Этим же стихом написаны некоторые думы К. Рылева («Петр Великий в Острогожске»), многие стихотворения Н. Некрасова.

Рифма Твардовского — большей частью бесхитростна, проста, много даже и однотипных, выраженных сходными грамматическими формами. Такие рифмы обычно считаются слабыми, но удивительным образом не выглядят таковыми в стихе Твардовского. Наряду с этим, есть рифмы оригинальные, запоминающиеся: «из Казани» — «сказали», «за стол» — «простой», «ехать» — «от смеха».

Такой стих наилучшим образом соответствует содержанию произведения, изображающего «обыкновенного», рядового бойца-пехотинца.

При всей безыскусственности поэтического языка Твардовского его отличает высокая культура стиха, мастерство использования мелодических, ритмических, строфических средств в изобразительных целях. Перебой стихотворной строки, внезапное пресечение стоп⁴⁷,

⁴⁶ Поэты Пушкинской поры. Сборники стихов. М., 1919, стр. 251.

⁴⁷ Только вдруг вперед подался,
Оступился на бегу,
Четкий след его прервался
На снегу...

изменение ритмики от главы к главе или даже в пределах одной главы ⁴⁸ — как переборы гармошки; перемена ритма стиха — в лирическом отступлении о солдатской шинели, в неподражаемой передаче пляски, в имитации звучания пастушеского рожка, журчания прифронтной речки и т. п. Перемена ритма часто связана с переменной мотива, как, например, в главе «На привале»:

И едва ль герою снится
Всякой ночью тяжкий сон...

Поэме свойственно богатство звукописи — аллитераций и ассонансов.

Вот слышится гудение немецкого самолета:

Вдалеке возник невнятный,
Новый, воющий, двукратный,
Через миг уже понятный
И томящий душу звук...

Всего только два слова делают почти слышимым и осязаемым луч вражеского прожектора, который

...протоку
Пересек наискосок.

В особых случаях смысл четверостишья усиливается к месту вставляемым пятым стихом:

Всюду надписи, отметки,
Стрелки, вывески, значки,
Кольца проволочной сетки,
Загородки, дверцы, клетки —
Все нарочно для тоски...

Иногда вставляется не один, а два или несколько дополнительных стихов, и этим усложнением строфы

⁴⁸ Этим способом, например, в главе «На привале» выделена прямая речь, рассказ Теркина.

достигается высокий художественный эффект; повествование идет как бы на продленном дыхании:

А у нашего солдата,—
Хоть сейчас войне отбой,—
Ни окошка нет, ни хаты,
Ни хозяйки, хоть женатый,
Ни сынка, а был, ребята,—
Рисовал дома с трубой...

Многосложные, петлистые, трудные дороги войны передаются еще более сложной конструкцией:

Эти строки и страницы —
Дней и верст особый счет,
Как от западной границы
До своей родной столицы,
И от той родной столицы
Вспять до западной границы
А от западной границы
Вплоть до вражеской столицы
Мы свой делали поход.

Но главный поэтический принцип Твардовского состоит в том, что не версификаторство, а поэзия и правда, вдохновение и внутренняя свобода, верность поэтической интонации придают силу стиху. Версификаторство — не поэзия. Эта мысль лежит в основе стихотворения А. Твардовского «Не много надобно труда...» (1955).

В некоторых кульминационных местах (главы: «В наступлении», «На Днепре» и др.) патетический мотив строчка за строчкой, строфа за строфой на едином дыхании неудержимо ведет, набирая такую силу и красоту, что невольно возникает мысль о музыкально-симфонической природе такого поэтического взлета. Неоднократно, в разных местах, как тема в симфонии, возникает воспоминание о лете 1941 года и варьирующий рефренный мотив: «...где она, Россия, // По какой рубеж своя?»

Говоря о музыкальности, как одной из основ поэтики А. Твардовского, В. Б. Александров⁴⁹ подмечает, что поэт и своего героя наделил способностью музыкальной передать значительное и глубокое содержание, эквивалентное «лекции»:

Ничего, что я в колхозе,
Не в столице курс прошел.
Жаль, гармонь моя в обозе —
Я бы лекцию прочел.

* * *

«Книга про бойца» — глубоко народное произведение, и с этим связан его фольклоризм. Твардовский не боится введения условно-сказочного образа Смерти, как бы привидевшейся больному сознанию тяжело раненого. Подобные условности вводил он и раньше, в сказочном обрамлении «Страны Муравии», и позже — в сатирической поэме «Теркин на том свете». В своей «Автобиографии» поэт объяснил это так: «Пристальное знакомство с образцами большой отечественной и мировой поэзии и прозы подарило мне еще такое «открытие», как законность условности в изображении действительности средствами искусства. Условность хотя бы фантастического сюжета, преувеличение и смещение деталей живого мира, в художественном произведении перестали мне казаться пережиточными моментами искусства, противоречащими реализму изображения»⁵⁰. Всё, что происходит в главе «Смерть и воин», легко переводится в реалистический и правдоподобный план — как поток переживаний раненого бойца, находящегося на грани жизни и смерти.

⁴⁹ В. Александров. Люди и книги. Сборник статей. М., «Советский писатель», 1950, стр. 100—101.

⁵⁰ А. Твардовский. Собр. соч., т. 1. М., 1959, стр. 14.

Традиция народного творчества и классической русской литературы, энергия стиля произведения определили афористичность, пословичность, смысловую емкость и меткость многих его формулировок: «Не гляди, что на груди, а гляди, что впереди»; «зол мороз вблизи железа», «Береги солдат солдата»; «Дальше фронта не пошлют»; «Кроме радио, ребята, близких родственников нет» и т. п. Слова Твардовского: «Ради жизни на земле» — разошлись по свету и стали названием газетных статей, книг, радиопередач, кинофильмов.

Это свойство произведения стало ощущаться еще в разгар Великой Отечественной войны. Фронтовик А. Родин писал: «...Когда мы одними из первых форсировали Днепр, многие приговаривали, подбадривая друг друга: «Переправа, переправа, берег левый, берег правый»⁵¹.

«О доходчивости стихов «Василия Теркина», — писал другой участник войны, Г. Е. Шелудько, — красноречиво говорит то обстоятельство, что почти каждый боец повторяет их наизусть во время отдыха, похода, боя. В часы ночного затишья, когда, уставшие, мы укладываемся спать, часто можно услышать стихи о шинели, а во время бомбежки или сильного минометно-артиллерийского обстрела противника — нередко словами Теркина в шутовском тоне бойцы ведут рассуждение о «сабантуях»⁵².

Не случайно «Книга про бойца» оказывается близкой таким народным произведениям, как знаменитая сказка П. П. Ершова «Конек-Горбунок», из которой в произведении А. Твардовского есть ряд очевидных реминисценций:

⁵¹ «Знамя», 1944, № 12, стр. 200.

⁵² Там же, стр. 198.

Есть войны закон не новый.
В отступленье ешь ты вдоволь,
В обороне — так ли сяк,
В наступленье — натошак.

(Ср. в «Коньке-Горбунке»:

У крестьянина три сына:
Старший умный был детина,
Средний сын и так и сяк,
Младший вовсе был дурак.)

Или:

Это присказка покуда,
Сказка будет впереди.

(в «Коньке-Горбунке»:

Это присказка: пожди,
Сказка будет впереди.)

В главе «Генерал»:

Заглянуть в глаза, как другу,
И пожать покрепче руку,
И по имени назвать,
И удачи пожелать...

(Ср. в «Коньке-Горбунке»:

...Молодцом его назвал
И «счастливый путь!» сказал.)

Еще ассоциируется с ершовской сказкой:

На войне, как на привале,
Отдыхали про запас,
Жили, «Теркина» читали
На досуге...

(В «Коньке-Горбунке»: —

Попивали мед из жбана
Да читали Еруслана.)

Отец поэта, деревенский грамотей, наизусть помнил почти всего «Конька-Горбунка»⁵³, и конечно, Твардовский рано познакомился с этим произведением. Но реминисценции из сказки Ершова в «Книге про бойца» стали возможны потому, что «Конек-Горбунок» вырос из тех же фольклорных мотивов и фольклорной фразеологии, которые впитывал в себя и «Василий Теркин».

Поэма и внешне построена как своеобразная сказка, на что указывают, в частности, время от времени вводимые в текст типично сказочные стилистические фигуры:

Ехал близко ли, далеко —
Кому надо, вымеряй...

Или прямые обращения к читателю (слушателю) по поводу дальнейшего порядка повествования, просьба к читателям дать «отдохнуть» («вздохнуть») и т. п. В начале главы «От автора», введившей вторую часть, есть указание на старинную сказку, аналогичную поэме о Теркине:

Дай вздохнуть, возьми в догадку:
Что теперь, что в старину —
Трудно слушать по порядку
Сказку длинную одну...

Поэт, таким образом, сам воспринимал свое творение как подобие старинной народной сказки, сказок Пушкина, Ершова и т. п.

В статье Твардовского «Как был написан «Василий Теркин»» превосходно сказано о фольклоризме «Теркина»: вышел из «полуфольклорной современной стихии» и сам порождает ее в свою очередь. — «Откуда пришел — туда и уходит». — Да ведь это же можно ска-

⁵³ А. Твардовский. Автобиография. — В кн.: «Советские писатели». Автобиографии, т. II. М., Гос. изд-во художественной литературы, 1959, стр. 411.

зять и о «Горе от ума», «Коробейниках» — о самых высоких произведениях мировой художественной классики.

С этими последними у «Василия Теркина» тоже немало общего. Как во всяком значительном и самобытном произведении, традиции русской классики в «Книге про бойца» органически усвоены, но могут быть усмотрены в ряде мест. Вот при форсировании Днепра

...ребятам берег правый
Свесил на воду кусты...

— разве это не сродни образам древних былин и «Слова о полку Игореве», где природа участвует в судьбах людей и в человеческих битвах?

Особенно значительна у Твардовского, в частности в «Василии Теркине», традиция Пушкина. Пушкинское в поэме сказывается прежде всего в простоте, легкости и естественности стиха, а также в лирических отступлениях автора по поводу своего героя и вообще — действительности, по поводу литературы, читателя и т. п. В «Теркине» осуществлен пушкинский (ср. в «Евгении Онегине») отказ от чисто эпического повествования и подключение самого автора к размышлению и действию на страницах произведения. О «зависимости Твардовского от Пушкина», которая «глубже и шире, чем может показаться», в 1946 г. писал Н. Вильям-Вильмонт, что «озорные, умные, «онегинские» нотки слышатся и в лирических отступлениях «Василия Теркина»⁵⁴. С еще большей наглядностью эта традиция сказалась в поэме лирических раздумий — «За далью даль» (1950—1960).

Принадлежность к «пушкинской школе» для самого Твардовского было высочайшей оценкой, о чем

⁵⁴ Н. Вильям-Вильмонт. Заметки о поэзии А. Твардовского. — «Знамя», 1946, № 11—12, стр. 207.

сам он писал в некрологической статье об Ахматовой ⁵⁵.

Пушкинские стихи открывают заключительную главку поэмы:

«Светит месяц, ночь ясна,
Чарка выпита до дна».

В «Книге про бойца» они не представляются инородными, и если бы не кавычки, их цитатный характер мог бы остаться необнаруженным.

* * *

Историко-литературную судьбу «Василия Теркина» в читательском восприятии и в литературной критике с полным основанием называют триумфальной, счастливой. С самого начала, когда только несколько глав первой части напечатаны были во фронтовой газете и в журнале «Красноармеец», автор записал в рабочей тетради: «Дорого то, что люди, что более узнают ее, то более хорошо к ней относятся (Маршак, Фадеев, «Красноармейская правда» и др.)» ⁵⁶.

Особенно близка и дорога эта книга бывшим фронтовикам — боевым товарищам «Теркина», которым, как предвидел Твардовский еще в 1942 году,—

...так сладко
Будет слушать по порядку
И подробно обо всем,
Что изведано горбом,
Что исхожено ногами,
Что испытано руками,
Что повидано в глаза...

Книгу Твардовского Л. Озеров удачно определил не только как книгу *про* бойца, но и как книгу *для* бойца,

⁵⁵ «Новый мир», 1966, № 3, стр. 287.

⁵⁶ Архив А. Т. Твардовского.

подспорье в жизни, солдатскую библию, «которую откроешь в любом месте, ткнешь пальцем и — читаешь»⁵⁷.

Солдат великой войны увидел и узнал в Теркине себя, собственные мысли и чувства, и именно в этом прежде всего проявляется народность произведения. Целые группы фронтовиков во время войны именовали себя «любителями Теркина».

«Уважаемый товарищ Твардовский! — писал лейтенант Шматков 4 октября 1942 г., — ровно через месяц после начала публикации «Теркина» в газете. — Ваша поэма «Василий Теркин» стала событием в жизни нашей части. С нетерпением ожидают бойцы и командиры прибытия газеты с новыми главами Вашей поэмы. «Теркин» стал нашим любимцем»⁵⁸.

В каждом читательском письме отмечалась необыкновенная правдивость произведения и его жизнеутверждающий юмор. «...Когда я ее читал, — сообщал сержант П. Пономаренко, — я смеялся и плакал, настолько книга сильна правдой»⁵⁹. «...В ваших стихах так ярко выражено солдатское бытие, — писала автору группа фронтовиков, — так точно показан внутренний непоказной мир солдата, его переживания, желания, что мы глубоко благодарны вам за ваше творчество»⁶⁰. «...Она состоит целиком из тех самых мыслей, которыми живет и думает каждый из нас в дни войны», — писал А. Т. Твардовскому о его поэме еще один участник войны⁶¹.

«Когда после войны я приеду домой, — писал сержант

⁵⁷ «Смоленский альманах». 1. Смоленск, 1945, стр. 179.

⁵⁸ «Писатели в Отечественной войне 1941—1945 гг.» Письма читателей. М., Гослитмузей, 1946, стр. 105.

⁵⁹ Письма фронтовиков о «Василии Теркине», — «Знамя», 1944, № 12, стр. 194.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же, стр. 199.

**Бойцы на передовых позициях читают
«Василия Теркина»**

Фотография 1943 г. (Музей Революции СССР, Москва)

А. Родин, — <...> то куплю всю вашу поэму, и она будет одной из самых почетных книг у меня»⁶².

Особенно близкой книга Твардовского оказалась той группе читателей-фронтовиков, которые на собственном опыте знали всю тяжесть солдатской страды в первые месяцы войны, когда наша армия отступала. Один из таких читателей, П. Д. Коньков, писал с фронта А. Твардовскому: «Положу все силы, а найду всю вашу повесть и сохраню ее на всю жизнь. <...> Спасибо вам, родной, за вашу повесть. Пишите и пишите ее дальше, не ищите иных форм ее изложения. Лучше, чем есть, не получится, и не надо»⁶³.

Читатели выражали желание помочь автору, подсказывали ему новые главы для продолжения. В герое поэмы видели образец поведения и нравственности. «Очень бы интересно прочесть, — писал сержант А. Родин, — как Теркин полюбит какую-нибудь девушку. Мне говорили (я сам не читал), что есть такая глава «О любви». Интересно, как Теркин будет относиться к вопросам любви во время войны. Ведь этот вопрос настолько непонятен, что все только отмахиваются, говоря: «Война!» А Теркин — это образец. Как он сделает — значит правильно»⁶⁴. Возможно, откликаясь именно на это письмо, А. Твардовский набрасывал главу о влюбленности Теркина во встретившуюся ему девушку, которой он пишет письмо. Эта глава сохранилась только в фрагментарных рукописных набросках и потому не известна читателям⁶⁵. Стихотворные читательские подражания

⁶² Письма фронтовиков о Василии Теркине. — «Знамя», 1944, № 12, стр. 200.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же, стр. 198.

⁶⁵ См. ее в отделе «Другие редакции и варианты», стр. 391—392.

«Теркину» и его «продолжения» во время войны и после печатались в бесчисленных многотиражных и стенных газетах, в «боевых листках», сообщались в письмах читателей⁶⁶.

Присуждение А. Т. Твардовскому 27 января 1946 г. Государственной премии Первой степени за поэму «Василий Теркин» стало достойным отражением широкого признания этой поистине народной книги.

При всей наивной непосредственности отношения некоторых читателей к его произведению, требовавших «продолжения» книги и спрашивавших, существует ли Теркин на самом деле,— автор не мог не чувствовать прочности читательской заинтересованности и поддержки. Намек на это можно усмотреть во вступительных стихах к бывшей третьей части:

Я в такой теперь надежде,
Он меня переживет.

Огромная популярность «Теркина» говорила сама за себя. Поэтому судьба произведения в критике при этом условии мало беспокоила автора:

И сказать, помыслив здраво:
Что ей будущая слава!

Что ей критик, умник тот,
Что читает без улыбки,
Ищет, нет ли где ошибки,—
Горе, если не найдет.

Профессиональная литературная критика и в самом деле, не в пример читательским откликам, запоздала с оценкой книги. Будучи оригинальным, новаторским

⁶⁶ См.: «Стихи читателей «Василия Теркина». Предисловие и публикация Ю. Г. Буртина.— «Литературное наследство», т. 78, кн. 1. М., «Наука», 1966, стр. 563—601.

произведением, поэма Твардовского, особенно на первых порах, получила разноречивые оценки в печати. Публикация отдельными главами и частями не позволяла критике по достоинству оценить произведение Твардовского во всей широте его замысла.

После того, как в августе — сентябре 1942 г. в газете «Красноармейская правда», журналах «Красноармеец» и «Знамя», а также в «Правде» были напечатаны первые главы поэмы, — в печати появилась о них статья Д. Данина ⁶⁷, оказавшаяся первой критической статьей о новом произведении Твардовского. В ней прежде всего выражено чувство радости по поводу того, что у каждого солдата-фронтовика в лице Теркина появился «неунывающий, простой и верный друг», цельный и обаятельный. «Я не знаю в русской поэзии другого столь глубокого и привлекательного образа русского солдата, — писал критик, — как тот, который вылеплен Твардовским». Данин обращал внимание на «неисчерпаемое и неисчислимое» в произведении Твардовского, который проявил себя как «очень умный и тонкий поэт».

В. Ермилов заговорил о национальном характере Теркина, который «и продолжает традицию, и устанавливает новую» — воплощая собой не только традиционно русский, но и советский характер: «Твардовский просто, свободно чувствует себя в русской национальной форме, в русской традиции и *развивает* эту традицию в соответствии с нашим временем» ⁶⁸.

⁶⁷ Д. Данин. Образ русского воина.— «Литература и искусство», 1942, № 40, 3 октября. См. также: Д. Данин. Черты естественности.— «Литературная газета», 25 мая 1946 г.

⁶⁸ В. Ермилов. Русский воин Василий Теркин.— «Литература и искусство», 31 октября 1942 г.; *его же*. Поэма о русском воине.— «Огонек», 11 октября 1942 г., стр. 13.

В этом же духе А. Метченко писал, что в Теркине «счастливо соединились простота и ясность народных воззрений на жизнь, традиционные черты русского солдата и убеждения, воспитанные советским строем»⁶⁹.

В дальнейшем именно эта тема — о традиционном и новаторском в образе Теркина получила в критике наиболее разноречивые суждения. Некоторые критики усмотрели в герое Твардовского только традиционное, черты «каратаевщины», но не современного, советского воина. Наибольшей остротой в этом отношении отличалось выступление поэта Н. Асеева на творческом совещании в Союзе писателей в 1943 г. Недовольный традиционностью литературных форм, якобы не пригодных для обрисовки новой действительности, Асеев полагал, что произведение Твардовского «могло бы относиться и ко всякой другой войне — нет здесь особенностей нашей войны»⁷⁰.

В отдельных случаях суждения на эту тему относительно «Василия Теркина» доходили до грубых вульгарно-социологических перехлестов.

Писатель Ф. В. Гладков в своей статье, напечатанной «в порядке обсуждения», причислял поэму Твардовского к тем произведениям военного времени, в которых «социальный тип советского человека» «лишен своих характерных черт», является персонажем «всех войн и всех времен»⁷¹.

И. Л. Сельвинский, литературный антагонист Твардовского и Исаковского, причислявший себя к иной

⁶⁹ «Волга». Литературно-художественный альманах. I. Куйбышев, 1943, стр. 65.

⁷⁰ Н. Асеев. О чувстве нового.— «Литература и искусство», 3 апреля 1943 г.

⁷¹ Ф. Гладков. Заметки писателя.— «Новый мир», 1945, № 4, стр. 152.

группе поэтов, писал даже в 1954 г., когда споры на эту тему давно утихли: «Герои Твардовского — это люди, в которых отлично выражено традиционное крестьянское начало, но не развиты черты нового, отличающие нашего колхозника от прежнего крестьянина, бойца Советской Армии — от русского солдата былых времен»⁷².

Теперь эти отзывы о поэме Твардовского справедливо и прочно забыты всеми. Опровергая подобные взгляды, критик А. Макаров писал, что Твардовский «в изображении героя избежал и лозунговости и гипертрофирования национальных чувств, с которыми мы сталкивались нередко в произведениях военного времени»⁷³.

«Когда я читаю поэму Твардовского «Василий Теркин», — говорил поэт А. Сурков, — то при всей кажущейся «общерусскости» ее героя, сквозь словесную ткань поэмы проступают и в деталях быта и материальной среды войны, и в особенности в характере и мотивах поступков действующих лиц, такие черты, благодаря которым на место Теркина нельзя поставить первого попавшегося солдата первой мировой войны, хотя бы и такого же смекалистого, задорного, неунывающего»⁷⁴.

Мысль о воплотившемся в Теркине типе именно советского бойца, инициативного, руководящегося сознательным, разумным началом, защищал также А. Тарасенков⁷⁵.

⁷² «Литературная газета», 19 октября 1954 г.

⁷³ «Новый мир», 1946, № 3, стр. 203.

⁷⁴ А. Сурков. Поэзия народа-победителя. — «Литературная газета», 17 мая 1945 г.

⁷⁵ А. Тарасенков. О «Василии Теркине» А. Твардовского. — «Звезда», 1945, № 5—6, стр. 145—147.

Более продолжительными оказались дискуссии о внутреннем строении и жанровой природе произведения. Непривычный жанровый облик книги, отсутствие в ней сюжета и обязательной композиции, необходимых «поэме», ставили критиков в тупик. Уже В. В. Ермилов в цитированном выше отзыве указал эти, как ему представлялось, недостатки поэмы: «Как Теркин ни мил, ни дорог, а с его образом в теперешнем его виде нельзя связать *развитие* характера, сюжета, темы. Поэма представляет собой *демонстрацию* героя. Поэтому в ней и нет сюжета. Главы можно переставлять. Поэма не движется, а лишь поворачивает героя»⁷⁶.

А. Тарасенков тоже считал, что «композиционно поэма построена как цепь новелл с одним героем, цепь «без начала, без конца»⁷⁷, хотя и не объявлял это недостатком произведения.

Е. Ф. Книпович, защищая мысль о новаторском характере образа Теркина и о драгоценном даре Твардовского видеть и изображать события, писала далее: «Самый серьезный упрек, обращенный к книге Твардовского, заключается в том, что Теркин растягивается, как резиновый, что количество глав и эпизодов может быть произвольно увеличено или уменьшено, что в поэме нет ни единого сюжета, ни видимой композиции, что и сам герой остается везде равным самому себе»⁷⁸.

Однако большинство таких констатаций сочеталось с пониманием того, что нельзя «требовать от одной поэмы решения всех задач, стоящих перед литерату-

⁷⁶ «Литература и искусство», 31 октября 1942 г.

⁷⁷ «Звезда», 1945, № 5—6, стр. 147.

⁷⁸ Е. Книпович. Поэма о бойце.— «Литературная газета», 1 сентября 1945 г.

рой», как писал критик Л. Озеров ⁷⁹: поэма Твардовского складывалась в удобную для фронта форму соединения автономных глав и разнохарактерных эпизодов, что не исключает, однако, того, что она представляет собой «законченное и цельное произведение», скрепленное судьбой героя. «Одиссея», «Дон Кихот», «Мертвые души», «Кому на Руси жить хорошо», наконец, «Страна Муравия» самого А. Твардовского созданы таким же скреплением эпизодов. То, что поэма Твардовского не померкла вместе с теми номерами газет, где она впервые была напечатана, по справедливому суждению критика, оправдывает ее сюжетно-композиционные особенности и доказывает всю глубину решенной в ней идейно-художественной задачи.

И. Гринберг тоже не усматривал между главами поэмы, среди которых некоторые представлялись ему «прикладного» значения, «прямой событийной связи» ⁸⁰, что не нарушает, также и по его мнению, органического внутреннего единства произведения. Именно желание полнее и точнее раскрыть тему войны побудило поэта, по мысли критика, отказаться от обычного условного сюжета.

Д. Данин в свободном чередовании глав «Теркина» видел преимущества очень ёмкой формы.

Поэт Н. Рыленков полагал, что в основе сюжета «Василия Теркина» заложена «хроника Великой Отечественной войны» и что образ Теркина не остается неподвижным, а углубляется и обогащается — «в нем раскрываются все новые и новые черты русского труженика-солдата» ⁸¹.

⁷⁹ Лев Озеров. Рядовой Василий Теркин.— «Смоленский альманах», I. Смоленск, 1945, стр. 202.

⁸⁰ «Звезда», 1947, № 2, стр. 168.

⁸¹ Николай Рыленков. «Василий Теркин». — «Рабочий путь», 23 февраля 1946 г.

Не соглашаясь видеть сюжет в меняющемся характере Теркина, который, по его мнению, достаточно закален с самого начала, В. Б. Александров внутреннее развитие сюжета усматривал в отразившемся здесь движении самой войны⁸².

Наиболее прозорливые критики с самого начала предсказывали «Теркину» славу классического произведения.

Уже в конце того года, когда окончилась война и завершена была поэма Твардовского, О. Ф. Берггольц интерпретировала ее как произведение о войне, выдерживающее «испытание миром», так как оно помогает людям оглянуться на их гордый и трудный путь, закрепляет в душе то доброе, сильное и светлое, что родилось в военное время. О. Берггольц отнесла «Василия Теркина» к числу не только лучших, но и принципиальных произведений нашей литературы, где поэт утверждает свои принципы изображения жизни, вследствие чего и возникает спор о жанрово-композиционных свойствах этой, по мнению О. Берггольц, лирической поэмы, в которой автор и герой совпадают⁸³.

А. Макаров⁸⁴ расценил «Книгу про бойца» как произведение высокого и большого искусства, в котором герой — не персонифицированная идея, а личность, развивающаяся не по прихотливой фантазии автора, а логически, исходя из самой себя, по законам искусства. В поэме Твардовского критик усматривал прежде всего отражение в солдатской душе поступательного хода войны. С этой точки зрения объяснил он и спиралеобразную композицию поэмы, в которой возвраще-

⁸² В. Александров. Люди и книги, стр. 114.

⁸³ Ольга Берггольц. Испытание миром.— «Литературная газета», 17 ноября 1945 г.

⁸⁴ А. Макаров. Александр Твардовский и его книга про бойца.— «Новый мир», 1946, № 3, стр. 191—204.

ние к прежним темам и положениям не есть повторение уже известного, а сопряжено с духовным развитием героя.

С точки зрения выдержанности этой структуры А. Макаров подверг критике некоторые главы, например, главу «О войне», представляющую собой, по мнению критика, только рифмованное нравоучение. Указание А. Макарова на непоследовательность Твардовского в характеристике своего героя, якобы оказавшегося по ходу поэмы, например, в главе «О награде», простоватее того, каким он был во второй главе, не представляется убедительным и вызвано, как кажется, неправильной оценкой Теркина как шутника-воспитателя, действующего в этом качестве по некоей внутренней обязанности.

Н. Вильям-Вильмонт написал о Твардовском как о глубоко трезвом, исторически мыслящем истолкователе и осмыслителе «современных нам общественных сдвигов и событий»⁸⁵, спаянном с народом и лучше всех изображающем народ и себя, как лирического глашатая народа.

Отметив «элемент случайности» в построении и в самом возникновении поэмы, бывший результатом того, что автор, приступая к работе, «еще не измерил всей глубины, не учел всей широты и раздолья столь счастливо поднятой им темы»⁸⁶, — Н. Вильям-Вильмонт пришел все же к выводу, что автор в конце концов сумел подчинить все главы единству замысла и формы, так что и сам элемент случайности стал чем-то закономерным, определяющим лицо поэмы.

⁸⁵ Н. Вильям-Вильмонт. Заметки о поэзии А. Твардовского. — «Знамя», 1946, № 11—12, стр. 200.

⁸⁶ Там же, стр. 202.

Как и А. Макаров, Н. Вильям-Вильмонт оспаривал причисление Теркина к типу Платона Каратаева: нет ничего удивительного, что от советского человека «русским духом пахнет»; в отличие от толстовского крестьянина-утописта, у Теркина — подлинная спайка с народом и коллективом.

К первым послевоенным годам относится несколько симптоматичных писательских откликов на новое произведение Твардовского.

Пребывавший в эмиграции русский писатель И. А. Бунин, предубежденно настроенный ко всему новому в современной русской действительности, — писал из Парижа Н. Д. Телешову 10 сентября 1947 г.: «Дорогой Николай Дмитриевич, я только что прочитал книгу А. Твардовского («Василий Теркин») и не могу удержаться — прошу тебя, если ты знаком и встречаешься с ним, передать ему при случае, что я (читатель, как ты знаешь, придирчивый, требовательный) совершенно восхищен его талантом, — это поистине редкая книга: какая свобода, какая чудесная удаля, какая меткость, точность во всем и какой необыкновенный народный, солдатский язык — ни сучка, ни задоринки, ни единого фальшивого, готового, то есть литературно-пошлого слова. Возможно, что он останется автором только одной такой книги, начнет повторяться, писать хуже, но даже и это можно будет простить ему за «Теркина»⁸⁷.

Б. Л. Пастернак назвал поэму Твардовского «чудом полного растворения поэта в стихии народного языка»⁸⁸.

⁸⁷ «Литературное наследство», т. 84. Иван Бунин, кн. 1. М., «Наука», 1973, стр. 637.

⁸⁸ Цит. по кн.: А. Туржов. Александр Твардовский, стр. 165.

С. Я. Маршак определяет те свойства поэзии Твардовского, благодаря которым она и волнует сердца миллионов читателей: опираясь на лучшие образцы народной и классической поэзии, «вся она, до самых глубин, лирична», и «широко, настезь открыта окружающему миру и всему, чем этот мир богат», то есть чувствам, мыслям, природе, политике и быту современников. Эта поэзия, по словам Маршака, «чужда превыспренности и, поднимаясь до пафоса, не теряет связи с землей». — «Не многие прозаики запечатлели так смело и правдиво последнюю войну с ее буднями, боями, переправами, лютыми холодами («Зол мороз вблизи железа...»), как это удалось Твардовскому в книге про бойца»⁸⁹.

Начиная с 50-х годов в критической литературе установился взгляд на книгу Твардовского как на произведение классическое, и оно стало достоянием научно-исследовательской литературы, вузовских семинариев, кандидатских и докторских диссертаций.

В книге о Твардовском Е. Любарева писала, что «Василий Теркин» создает «едва ли не самую богатую в нашей поэзии картину фронтовой жизни воюющего народа...»⁹⁰, и что при всей своей самостоятельности и кажущейся независимости одна от другой, главы поэмы тесно между собой связаны и «переставить их нельзя»⁹¹.

⁸⁹ С. Маршак. Ради жизни на земле. Об Александре Твардовском. М., «Советский писатель», 1961, стр. 49, 4, 9.

⁹⁰ Е. Любарева. Александр Твардовский. Критико-биографический очерк. М., «Советский писатель», 1957, стр. 99.

⁹¹ Там же, стр. 100—101.

П. С. Выходцев — автор ряда работ о Твардовском и «Василии Теркине»⁹², полемизируя с другими критиками, настаивал на органической целостности и сюжетно-композиционной завершенности «Книги про бойца», которые, по его мнению, достигаются не столько образом героя, сколько центральной художественной идеей произведения — мыслью о судьбе родины.

И. А. Мохирев в специальном исследовании, напротив, структурные особенности произведения выводит из определяющего центрального образа — Теркина. Исследователь отнес произведение Твардовского к жанру лирической «поэмы-хроники», прослеживающей ход войны; он определил ее также как поэму-«книгу», отражающую существенные стороны жизни на войне и стоящую на уровне народно-героической эпопеи⁹³.

Работа Ю. Г. Буртина удачно названа: «Нестареющая правда»⁹⁴. Основная ее тема — правда как главный творческий принцип автора «Книги про бойца», эстетический и этический одновременно. В связи с этим убедительное объяснение находят такие особенности произведения Твардовского, как изображение обыден-

⁹² См.: П. С. Выходцев. Особенности типизации в поэмах А. Твардовского.— «Звезда», 1954, № 1; его же. «Василий Теркин» А. Твардовского. (К вопросу о композиции поэмы).— «Вопросы советской литературы», т. II. М.—Л., изд-во АН СССР, 1953; его же. Александр Твардовский. М., «Советский писатель», 1958; его же. А. Т. Твардовский. Семинарий. Л., Учпедгиз, 1960.

⁹³ И. А. Мохирев. О фабуле и сюжете поэмы А. Твардовского «Василий Теркин».— «Ученые записки Кировского гос. педагогич. института имени В. И. Ленина», вып. 11, 1957, стр. 69—84.

⁹⁴ Ю. Буртин. Нестареющая правда.— В кн.: «Живая память поколений». Великая Отечественная война в советской литературе. Сборник статей, М., «Художественная литература», 1965, стр. 136—153.

ных сторон военной обстановки, «всеобщие» черты характера героя, «бессюжетность» произведения — бессюжетность действительная, по мнению автора статьи, и притом — необходимая, ибо наличие сюжета «неизбежно свело бы судьбу Теркина до уровня некоей частной биографии и тем самым погубило бы книгу как произведение «всеобщего» фронтового содержания»⁹⁵.

В книге А. М. Туркова⁹⁶ Теркин интерпретируется как «поразительно верно понятый и выдержанный русский национальный характер, взятый в его лучших чертах»⁹⁷. Обращено внимание на духовные качества героя «Книги про бойца», его высокий, и притом сознательный патриотизм, который и отличает его прежде всего от русских дореволюционных солдат. Отождествление Теркина с этими последними некоторыми критиками А. Турков считает недоразумением, вызванным его неплакатным изображением и теми «модернизированными» образами русских воинов, которые появились в некоторых исторических романах 40—50-х годов. «Если же иметь в виду не мифических, а реальных солдат царской армии, — пишет А. Турков, — то им, при всех их достоинствах, никак не была свойственна та озабоченность судьбами своей страны, своего государства, то раскованное духовное богатство, которое не может не почувствовать внимательный читатель в Василии Теркине»⁹⁸, хотя «влияние советского строя, социалистических идеалов не отменяет и не затмевает многих издавна присущих русскому народу черт и свойств, а, напротив, образует с ними однород-

⁹⁵ Ю. Буртин. Нестареющая правда, стр. 150—151.

⁹⁶ А. Турков. Александр Твардовский. М., 1966; то же, издание второе, исправленное и дополненное. М., «Художественная литература», 1970.

⁹⁷ Там же, стр. 60.

⁹⁸ Там же, стр. 58.

ный, прочный сплав»⁹⁹, как это и подчеркнуто в ряде мест самой поэмы Твардовского:

Тем путем идут суровым,
Что и двести лет назад
Проходил с ружьем кремневым
Русский труженик-солдат.

Характеризуя жанр, композицию и образно-стилевые средства произведения Твардовского, критик обнаруживает в построении книги, как эквивалент сюжета, известную логику, развитие художественного повествования, которое он связывает с нарастанием «мысли и чувств народных», причем «образ героя становится все глубже и масштабнее, а авторские отступления все лиричнее и проникновеннее»¹⁰⁰. Это нарастание А. Турков демонстрирует сопоставлением парных глав, повторяющих ту же тему на ином уровне и контрастных по настроению, — как: «Переправа» и «На Днепре». Холодной, мрачной, угрюмой тональности изображения неудавшейся переправы на начальных этапах войны соответствует светлая картина безудержного победоносного наступления с форсированием Днепра.

А. И. Павловский пишет о той смелости, с которой Твардовский соединил образ бойца-балагура с реалистической правдой о войне и проследил разрушение Твардовским читательской инерции, которая сложилась в массе фронтовиков относительно лубочных героев фронтовой юмористической литературы: целой системой лирических отступлений автор преодолевал эту инерцию и настраивал читателя на серьезный и раздумчивый лад¹⁰¹.

⁹⁹ Там же, стр. 59—60.

¹⁰⁰ Там же, стр. 71.

¹⁰¹ А. Павловский. Русская советская поэзия в годы Великой Отечественной войны. Л., «Наука», 1967, стр. 231 и след.

Как одно из самых правдивых и волнующих в советской поэзии характеризует произведение Твардовского Л. К. Швецова. Она отмечает своеобразное понимание Твардовским взаимоотношений с читателем и миссии поэта, биографическое и духовное единство его с народом¹⁰².

А. В. Македонову в статье, открывающей собрание избранных стихотворений и поэм А. Твардовского¹⁰³, удалось убедительно объяснить главные свойства его творчества, как поэзии новой жизни, отражение бега времени и изображение битвы в пути, битвы «на переправе», и свести в систему вытекающие из этих свойств ее жанрово-поэтические признаки. Сочетание простоты и сложности у Твардовского, в частности, в «Василии Теркине», показывается критиком как художественное открытие, обусловленное соединением прозы и поэзии в самой новой действительности. Отсюда — новый синтетизм художественного метода, новый тип стихотворений и поэм, жанровая и вообще поэтическая свобода, синтез лирического, повествовательного и драматического начал, элементы художественной прозы — сюжетность, использование «прозаических», бытовых деталей и ситуаций, разговорность речи, наблюдательность, психологизм, искусная передача тончайших приемов «диалектики души», — все это обеспечивает поэзии Твардовского значение принципиально нового шага к углубленной конкретности новой поэзии действительности.

¹⁰² Л. К. Швецова. А. Т. Твардовский. — В кн.: «История русской советской литературы», т. IV. М., «Наука», 1971, стр. 465—504.

¹⁰³ А. Македонов. О Твардовском. — В кн.: А. Твардовский. Стихотворения. Поэмы. М., «Художественная литература», 1971, стр. 5—26. («Библиотека всемирной литературы»).

Образ Василий Теркина, в котором сконцентрировано самое общее и важное в народе, раскрыт А. Македонским как «вершина и средоточие» всех героев Твардовского. Особый историзм поэтического мышления в «Книге про бойца» обеспечил создание небывалого эпоса настоящего, эпоса «бегущего дня».

* * *

Поэма Твардовского нашла путь к сердцу не только русских читателей. Она переведена на все основные иностранные языки и языки народов Советского Союза.

«Переведена» книга Твардовского и на языки других искусств.

Первые иллюстрации к поэме появились уже при публикации ее в газете «Красноармейская правда» и в журнале «Красноармеец». Издание «Красноармейской правды» (1942) вышло в оформлении фронтового товарища А. Твардовского, работавшего с ним вместе в газете, — художника О. Г. Верейского, который впоследствии создал несколько серий иллюстраций к «Книге про бойца». Его рисунки, близкие произведению Твардовского и по духу и стилю, стали классическими иллюстрациями «Василия Теркина». Созданные в той же фронтовой обстановке, где рождались и главы самой поэмы, они обладают непреходящим качеством документальности. Там же, на Западном фронте, под Смоленском, весной 1943 г. был создан художником и портрет Твардовского, воспроизводимый в настоящем издании. Историю своего знакомства с А. Твардовским и иллюстрирования его книги О. Г. Верейский рассказал в очерке «К двум портретам»¹⁰⁴. Там же рас-

¹⁰⁴ «Нева», 1972, № 12, стр. 197—204.

сказано и о прототипе созданного художником образа Василия Теркина — фронтовом поэте Василии Глотове, который живет и работает теперь во Львове.

Сам народный художник РСФСР, член-корреспондент Академии художеств СССР О. Г. Верейский, иллюстрировавший многих советских и зарубежных писателей, самой большой удачей считает свою встречу с Александром Твардовским. При нем рождались многие главы «Василия Теркина». «То, что я был свидетелем событий, — пишет художник, — которые либо вошли в главы «Теркина», либо стали фоном для них (толчком для их возникновения), то, что я видел и мог с натуры рисовать места, где происходило действие, — помогло мне в работе над иллюстрациями к «Василию Теркину» и «Дому у дороги». Помогло не буквально пересказать содержание, а идти с своим изобразительным рассказом как бы параллельно со стихами. Вместе с тем я мог сохранить в рисунках конкретность и времени, и места действия. И разрушенный, сожженный Смоленск, и мощенные бревнами болота Белоруссии, и равнины Восточной Пруссии с дальними готическими шпилями, и тот прусский городок, где писалась глава «Баня», — все это виденное, хоженное и рисованное»¹⁰⁵.

Известны также иллюстрации к «Василию Теркину» художников Б. Дехтерева, И. Бруни и др.

По мотивам поэмы Твардовского художник Ю. М. Непринцев создал свою картину «Отдых после боя (Василий Теркин)» (1951).

«Книга про бойца» нашла себе путь и на театральные подмостки. В инсценировке К. Воронкова¹⁰⁶ в 1961 г.

¹⁰⁵ «Нева», 1972, № 12, стр. 200.

¹⁰⁶ «Василий Теркин». Сценическая композиция К. Воронкова по мотивам поэмы А. Твардовского, в 2 действиях,

ее поставил московский академический театр имени Моссовета. Широко известны литературные композиции глав поэмы в исполнении артистов Д. Н. Журавлева¹⁰⁷ и Д. Н. Орлова. Некоторые отрывки поэмы были положены на музыку композитором В. Г. Захаровым.

* * *

«Василий Теркин» — лучшая поэма А. Т. Твардовского, наиболее ценимая им самим. «...«Книга про бойца», — писал он в автобиографии, — каково бы ни было ее собственно литературное значение, в годы войны была для меня истинным счастьем: она дала мне ощущение очевидной полезности моего труда, чувство полной свободы обращения со стихом и словом в естественно сложившейся, непринужденной форме изложения. «Теркин» был для меня во взаимоотношениях поэта с его читателем — воюющим советским человеком, — моей лирикой, моей публицистикой, песней и поучением, анекдотом и присказкой, разговором по душам и репликой к случаю. Впрочем, все это, мне кажется, более удачно выражено в заключительной главе самой книги»¹⁰⁸.

Твардовскому удалось на трагическом фоне войны создать жизнерадостное, оптимистическое произведе-

12 картинах. М., 1961; А. Твардовский. Василий Теркин. Сценическая композиция К. Воронкова по одноименной поэме А. Твардовского. М., 1972. (Оба издания — на ротаторе.)

¹⁰⁷ Композиция Д. Н. Журавлева помещена в сборнике: «Литературные композиции». Под редакцией С. Кочаряна. М., «Искусство», 1950, стр. 85—127.

¹⁰⁸ «Советские писатели». Автобиографии, т. II. М., 1959, стр. 416.

ние. Как это ни парадоксально на первый взгляд, это произведение о войне в сущности направлено против войны, полно мечтой о мирной жизни, которая несовместима с войной:

Как война на жизнь ни шла,

Сколько ни пахала...

(«О любви», ст. 99—100.)

Для Твардовского, много размышлявшего на тему: «Война и жизнь», — существовала «война» и «просто жизнь» (глава «Отдых Теркина»), жизнь вообще, и война не исчерпывала всей жизни, была антагонистична жизни, она и велась нами против фашизма — «ради жизни на земле». — «Жизнь больше войны, хотя когда война, то кажется, — на первый взгляд по крайней мере, — что ничего больше ее нет»¹⁰⁹.

Мыслью о жизни, мечтой о жизни — жизни нормальной, обычной, с ее непоруганной, роскошной природой, с ее любовью, с ее созидательным трудом — полна эта простая и мудрая книга — одно из вершинных произведений советской эпической поэзии.

¹⁰⁹ «Новый мир», 1969, № 2, стр. 120.

А. Л. Гришунин

ИСТОЧНИКИ И ДВИЖЕНИЕ ТЕКСТА. ПРИНЦИПЫ ИЗДАНИЯ

Фронтальная судьба поэмы, создававшейся в полевой обстановке, не способствовала сохранению первичных авторских рукописей. В подавляющем большинстве случаев они до нас не дошли. Архив Твардовскому на фронте заменяла тетрадь в клеенчатой обложке, о которой поэт упоминает в статье «Как был написан «Василий Теркин»»¹.

Эта тетрадь сохранилась. На форзаце — надпись рукой Твардовского: «А. Твардовский. Редакция газеты «Красная Армия». Действ. Кр. Армия, 28-я полевая почта. Передать моей жене Гореловой² Марии Илларионовне. А. Твардовский. 19.VIII.41. Киев». В тетрадь вклеивались вырезанные из фронтальной печати стихи, очерки, статьи А. Твардовского начиная с июля 1941 г.

С начала войны и до середины 1942 г. поэт печатался в газете Юго-Западного фронта «Красная Армия» и в ее специальном приложении «Громилка», а с середины 1942 г. — в газете Западного (3-го Белорусского) фронта «Красноармейская правда». Здесь 4 сентября 1942 г. напечатано было начало поэмы «Василий Теркин»: вступительная главка и «На привале». Редакционное предуведомление гласило: «Лауреат Сталинской премии, поэт-орденоносец Александр Твардовский, работающий в газете «Красноармейская правда», написал новую поэму «Василий Теркин». Сегодня мы начинаем печатать эту поэму».

Важным источником творческой истории «Книги про бойца» и многих ее вариантов служат вспомогательные рабочие записи поэта, оставленные им в специальной тетради. Эти записи содержат первоначальные редакции отдельных глав, не включенные в текст «отходы», авторские программы работы над отдельными

¹ См. стр. 249 наст. издания.

² М. И. Твардовской, носившей тогда эту фамилию.

главами и частями; предназначения предстоящих работ, творческие мотивировки переработок. Сам Твардовский так писал об этих своих тетрадах: «Записи мои — не дневник, но и не что-нибудь строго рабочее, предназначенное к делу. Угадать, что и по какую пору записывать, — это уже творческий труд»³.

Некоторым эпизодам в рабочих тетрадах поэта предшествовали прозаические наброски и описания очеркового характера. Отчасти они были потом опубликованы самим А. Твардовским в книге «Родина и чужбина» или в записках «С Карельского перешейка». Например, двум мотивам из начальных глав поэмы — мотиву шинели (в главе «Перед боем») и все еще идущих после гибели солдат писем («Переправа») соответствует запись, сделанная поэтом зимой 1939—1940 гг. на Карельском перешейке: «Сжималось сердце при виде своих убитых. Причем особенно это грустно и больно, когда лежит боец в одиночку под своей шинелькой, лежит под каким-то кустом, на снегу. Где-то еще идут ему письма по полевой почте, а он лежит»⁴.

Неудовлетворенность делаемым сквозит во многих рабочих записях требовательного к себе автора и в этот период работы над «Василием Теркиным». Этим, по-видимому, объяснялось и то, что летом 1942 г., наряду с «Теркиным», возникает новый замысел Твардовского — продолжение поэмы о Моргунке («Страна Муравия»), попадающем на войну. Здесь предполагалось осуществить «чисто лирическое, узко-поэтическое решение задачи. Теркина хватит для сюжетов, диалогов, анекдотов и пр. материала войны»⁵. Планы этой поэмы и отдельные наброски сохранились в рабочей тетради Твардовского, но в целом она не была осуществлена в том виде, как задумывалась. Потребность же в «чисто лирическом, узко-поэтическом решении задачи» — «рассказать сильно и горько о муках простой русской семьи, о людях, долго и терпеливо желавших счастья, на чью долю выпало столько войн, переворотов, испы-

³ А. Твардовский. Родина и чужбина. Записи. Очерки. Рассказы. М., изд-во «Советский писатель», 1960, стр. 121.

⁴ «Новый мир», 1969, № 2, стр. 126.

⁵ Архив А. Т. Твардовского. Запись от 12 августа 1942 г.

таний...»⁶, — по-видимому, привела вскоре к замыслу «Дома у дороги» и реализовалась в этой поэме, начатой еще до окончания «Книги про бойца».

Почти одновременно с «Красноармейской правдой» главы «Василия Теркина» печатались и в двухнедельном московском журнале «Красноармеец», органе Главного Политического управления Красной Армии. Печатание в журнале «Красноармеец» началось даже несколькими днями раньше, чем в газете (№ 16 за 1942 г. подписан к печати 30 августа), но в дальнейшем более опережала журнальные публикации глав. Главы «О потере», «Поединок» и «Смерть и воин» вовсе не печатались в журнале «Красноармеец».

Заготовленные начальные главы в сентябре 1942 г. печатались в каждом номере газеты, без пропусков и почти тотчас же, в этом же месяце были повторены в журнале «Красноармеец». В дальнейшем публикации пошли реже и с перерывами⁷.

⁶ Архив А. Т. Твардовского. Запись от 18 августа 1942 г.

⁷ В «Красноармейской правде» печатались главы: [«От автора»], «На привале» (4.IX.1942), «Перед боем» (5.IX), «Переправа» (6.IX), «Теркин ранен» (8.IX), «О награде» (9.IX), «Гармонь» (10.IX), «В избе солдата» (11.IX). Эти главы составили, по газете, I часть поэмы. Главы II части: «О потере» (1.X), «Поединок» (13.X и 14.X), «От автора», «Кто стрелял?» (12.XII), «Еще о награде» (18.XII), «Генерал» (28.XII), «День в лесу» (12.I.1943), «Рассказ партизана» (15.I), «О любви» (5.II), «Неурочная глава» (13.III), «Отдых Теркина» (13.IV), «Бой в болоте» (21.IV), «В наступленьи» (12.V), «Теркин пишет», «От автора» («Близкий, дальний ли, знакомый...» — 13.VI). Часть III печаталась в 1944 г.: «От автора», «Смерть и воин» (23.V), «Дед и баба» (24.V), «На Днепре» (26.V), — и в 1945 г.: «Про солдата-сироту» (29.I), «По дороге на Берлин» (16.III), «В бане» (15.IV), «От автора» (30.VI).

Публикация глав в журнале «Красноармеец»: главы «От автора», «На привале», «Перед боем» — 1942, № 16, август (подписано к печати 30.VIII.1942); «Переправа» «Теркин ранен» — № 17, сентябрь (подп. к печ. 11.IX.1942); «О награде», «Гармонь», «В избе солдата» — 1942, № 18,

Несмотря на то, что разница во времени между этими двумя публикациями была весьма небольшой, текст продолжал подвергаться изменениям, вследствие чего возникали разночтения, иногда очень существенные.

Почти одновременно с публикацией в «Красноармейской правде» и в журнале «Красноармеец» поэма печаталась в московском журнале «Знамя»⁸, и опять-таки — со многими переработками текста. Несмотря на короткий промежуток времени, отделявший публикацию первых глав в «Красноармейской правде» от печатания произведения в «Знамени», — текст этого журнала имеет

сентябрь (подп. к печ. 1.X.1942); часть II — «От автора», «Кто стрелял?» — 1943, № 1, январь (подп. к печ. 14.I.1943); «Еще о награде», «Генерал» — 1943, № 2, январь (подп. к печ. 29.I.1943); «День в лесу», «Рассказ партизана» — 1943, № 3, февраль (подп. к печ. 8.II.1943); «Неурочная глава» — 1943, № 4, февраль (подп. к печ. 1.III.1943); «Бой в болоте» — 1943, № 7, апрель (подп. к печ. 8.IV.1943); «О любви» — 1943, № 8, апрель (подп. к печ. 21.IV.1943); «На отдыхе» — 1943, № 9—10, май (подп. к печ. 13.V.1943); «В наступленьи» — 1943, № 12, июнь (подп. к печ. 14.VI.1943); «Теркин пишет», «От автора» — 1943, № 15, август (подп. к печ. 2.VIII.1943); главы III части: «От автора», «Дед и баба» — 1944, № 6, март (подп. к печ. 30.III.1944); «Отчий дом» — 1944, № 7, апрель (подп. к печ. 17.IV.1944); «На Днепре» — 1944, № 8, «По дороге на Берлин» — 1945, № 13, июль (подп. к печ. 31.VII.1945); «В бане», «От автора» — 1945, № 14, июль (подп. к печ. 20.VIII.1945).

⁸ В № 9 за 1942 г. печатались главы I части: «На привале», «Переправа», «О войне», «Теркин ранен», «О награде», «Гармонь», «В избе солдата»; в № 10 за 1942 г. — «О потере» и «Поединок». В № 9—10 за 1943 г. — II часть: «От автора», «Кто стрелял?», «О герое», «Генерал», «О себе», «Бой в болоте», «О любви», «Отдых Теркина», «В наступленьи», «Теркин пишет», «Теркин — Теркин», «От автора». В № 8 за 1945 г. напечатано окончание книги: «От автора», «Смерть и воин», «Дед и баба», «На Днепре», «Про солдата-сироту», «По дороге на Берлин», «В бане», «От автора».

3 тт
Твард

Александр Твардовский

Василий Теркин

Книги при бою
играли роль

От автора

По которому рвал платок,
Тот и в окошко забрался...

В сапогах твоих садились ворона,
А в сапогах твоих ушли ребята,
Не шуршал, Василий Теркин,
Кодушкам своим сапогам.

Ка саги не уноси, ребята,
Ты с неважного внимания,
Всяк приглядит на сапога,
А шуршит в сапогах сапога.

Он в сапогах в окошко
Был тот Теркин, на Буге,
Теркин? Кто такой? А кто же —
Теркин? Кто такой? Выходи.

— Теркин? Какой?

— Кто ты?

— Я вот.

— Подальше, дак заблудишь.

— Славный Теркин, тот, Коммуны

На войне своей сапогам,

Ка в сапогах сапога не шуршит,

Ка в сапогах сапога сапога...

— Мать, давай сие не слышать,

Может, тако сапога вонючий,

Может, с Теркиным сапога?

— Не лезь, тако сапога.

— Не лезь, тако.

— Вонючий.

— Вонючий.

— Вонючий.

— Как же, если сапога.

Вонючий сапога сапога.

В тою войну сапога сапога.

Теркин сапога сапога.

В тою войну сапога сапога.

Вонючий сапога сапога.

— Мать, сапога сапога сапога,

Я сапога сапога сапога.

А. Твардовский. Василий Теркин

Автограф главы «От автора» (ГПБ, Ленинград)

много существенных и своеобразных разночтений, что свидетельствует о продолжавшейся интенсивной работе Твардовского над произведением.

В журнале «Знамя» в значительной мере установился окончательный текст произведения: состав его, порядок следования глав, их заглавия. Здесь впервые появилась глава «О войне»; глава «Теркин — Теркин», выделенная из расформированной «Неурочной главы»; глава «О герое» в «Красноармейской правде» и в «Красноармейце» носила заглавие «Еще о награде», глава «О себе» в двух прежних публикациях называлась «День в лесу».

Порядок следования глав установился как в окончательном тексте. Правда, в публикации 1943 г. пропущена глава «Смерть и воин», написанная только в марте 1944 г.; она напечатана в «Знамени» позднее, в 1945 г.; кроме того, бывшую вторую часть заключает впоследствии расформированная глава «От автора» («Близкий, дальний ли, знакомый...»).

Отдельные главы и отрывки из «Василия Теркина» в 1942—1945 гг. печатались также в газетах и журналах: «Правда», «Известия», «Красная звезда», «Комсомольская правда», «Литература и искусство», «Литературная газета», «Крокодил», «Политпросветработа», «Рабочий путь» и др.⁹

Первоначальное жанровое обозначение «Поэма» в газете «Красноармейская правда» и в журнале «Красноармеец» держалось долго — до публикации глав 3-й части в 1945 г. Но в журнале «Знамя» с самого начала, с № 9 за 1942 год, в подзаголовке стояло: «Книга про бойца».

Членение произведения на части во время работы, особенно на начальной стадии, выполняло для самого поэта роль рабочего плана. По мере композиционного

⁹ В Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград) хранится автограф вступительной главки «От автора» к III части («По которой речке плыть...») и правленая машинопись главы «Дед и баба» с сопроводительной запиской автора к Сергею Васильевичу (Щербакову?), предназначенные для передачи Ленинградского радио.

усложнения план совершенствовался и претерпевал изменения. Так, в газете «Красноармейская правда» после главы «В избе солдата» (в окончательной редакции — «Два солдата») стояло: «Конец первой части», а очередная публикация (главы «О потере» — 1 октября 1942 г.) — начиналась обозначением: «Часть вторая». — «О потере» и «Поединок» печатались, таким образом, в октябре 1942 г. как начальные главы II части, а 12 декабря того же года начало II части было помещено вторично и открывалось оно на этот раз главами «От автора» и «Кто стрелял?», главы же «О потере» и «Поединок» присоединены к I части.

Другая функция членения текста на главы с обозначением их номерами и подстрочными сносками-отсылками — ориентировочная. Читателя, в условиях войны лишённого возможности получать и читать газету или журнал, необходимо было ориентировать в уже опубликованных частях произведения. Характерна в связи с этой заботой о фронтовом читателе ссылка самого поэта на стремление к завершенности не только глав, но и строф¹⁰. Письма фронтовых читателей «Василия Теркина» свидетельствуют о том, что эта ориентировочная установка автора достигала цели, помогая читателям (конечно, не всегда) находить нечитанные главы или во всяком случае держать в памяти ориентирующие указания до более благоприятного времени.

Членение книги на две, а потом и на три части — следствие поэтапного создания произведения и стихийного, неожиданного для самого автора его продолжения, в авторизованных изданиях произведения применялось до 1946 г. В дальнейшем оно уже не играло прежней роли и было отменено автором, как и нумерация глав.

Первая глава — «На привале» и вступительная глава, как уже было сказано, были в основном созданы на ранних этапах работы над произведением, отчасти даже еще до начала Великой Отечественной войны. После возобновления работы, в середине июля 1942 г., ложится в тетрадь вторая глава — «Перед боем», создававшаяся легко, почти без черновигов. За ней сле-

¹⁰ См. стр. 260 наст. издания.

довала глава «Бой за дзоты», писавшаяся по старому черновику, вероятно, готовившегося стихотворения о связисте; в окончательном тексте эта глава называется «Теркин ранен».

Глава «Переправа» — одна из самых ранних частей книги. Она «надумалась» (как писал Твардовский 12 марта 1941 г.¹¹) во время его поездки в Выборг, в декабре 1940 г. Эта глава создавалась как начальная в книге. Написанная в 1940 г., она отразила специфические трудности и условия именно финской войны 1939—1940 гг.¹², впечатления которой дополнились потом опытом бесчисленных переправ Великой Отечественной войны.

В голове складывались очередные главы, в их числе — «Госпиталь».

К 7 августа 1942 г., с окончанием восьмой главы, первую часть поэмы Твардовский счел в основном законченной, хотя несколько чтений оставили у автора «ощущение своего преувеличенного отношения к вещи во время работы».

Через месяц, в сентябре 1942 г., к восьми написанным главам присоединились глава «О потерях» (в окончательном тексте — «О потере») и глава «В разведке», оказавшаяся не имеющей полного значения без следую-

¹¹ «Новый мир», 1969, № 2, стр. 160.

¹² Это следует, например, из характеристики леса, «чернеющего» на угрюмом том берегу: «недоступный, непочатый», — которую трудно было бы отнести к русскому лесу на оккупированной врагом территории. «Ревущая» там же река тоже мало похожа на спокойные русские реки. Действие главы в первых редакциях (до 1944 г.) было приурочено к декабрю («В декабре, к зиме седой»), что только и могло быть в финской кампании, начавшейся 30 ноября 1939 г.; впоследствии месяц был изменен: «В ноябре...». В записи Твардовского вслед за названием главы — «Переправа» — стоит: «(Кивиниеми)». Речь, стало быть, шла о переправе через реку Вуокса возле железнодорожной станции Кивиниеми (ныне — Дюсево). Фотография взорванного и обрушившегося в воду моста, упоминаемого в поэме, помещена в книге: «Бои в Финляндии», т. 1. М., 1941, стр. 81.

пей главы — «Поединок» и потому соединенная с ней. Эта последняя глава («Поединок») создавалась в сентябре 1942 г. Она завершила первую часть поэмы и придала всему произведению известную законченность: после трудного единоборства с немцем герой, удовлетворенный победой, окруженный заботой и вниманием, засыпает у печки, набирая силы для новых боев («война не вся»).

Считая произведение, по крайней мере на данном этапе, — законченным и ободренный успехом напечатанных глав, автор решает издать их отдельной книжкой. 25 ноября 1942 г. в издательстве фронтовой газеты «Красноармейская правда» было подписано к печати первое отдельное издание «Василия Теркина»¹³. Кроме вступления «От автора», в книгу вошло 10 глав: «На привале», «Перед боем», «Переправа», «О войне», «Теркин ранен», «О награде», «Гармонь», «Два солдата», «О потере» и «Поединок». В архиве поэта хранятся два экземпляра этого издания, присланные им с фронта М. И. Твардовской один за другим, с небольшим интервалом. Оба эти экземпляра имеют внесенные рукой самого Твардовского авторские рукописные вставки и сокращения. В частности, в обоих экземплярах обозначены большие сокращения в главе «Поединок»: вычеркнута вся тема разведки и второго персонажа — необстрелянного Ивана Савчука, с которым Теркин ходил за линию фронта.

Эти доработки были учтены в следующем отдельном издании. Оно было подписано к печати в Москве 21 декабря 1942 г.¹⁴ Состав книги тот же, что в предыдущем, фронтовом издании, только глава «О войне» имеет иное название: «После боя». В обоих отдельных изданиях 1942 г. эта глава имеет иное, нигде более не печатавшееся и не известное в рукописях начало (с сюжетом трофейной «банки шпротов»). Эта глава не помеща-

¹³ А. Твардовский. Василий Теркин. Книга про бойца. Библиотека газеты «Красноармейская правда», вып. 16. Издательство газеты «Красноармейская правда». Действующая армия. Западный фронт 1942, 104 стр.

¹⁴ А. Твардовский. Василий Теркин. Книга про бойца. М., «Молодая гвардия», 1942, 88 стр.

лась автором в «Красноармейской правде» и в журнале «Красноармеец»; в оригинальной, нигде не печатавшейся редакции 25 сентября 1942 г. она записана в рабочую тетрадь поэта под заглавием: «О войне. Главка, не появившаяся в печати»¹⁵.

Изданная книжка как в фронтовом, так и в московском варианте имела вид законченного произведения, не предполагавшего продолжения; указание на «часть первую» в ней отсутствовало.

Но уже 12 декабря 1942 г. в «Красноармейской правде» началось печатание второй части, продолжавшееся до июня 1943 г.

В рабочей тетради поэта осенью 1942 г. была набросана следующая программа второй части:

«Вторая часть»

I. Весна, «От окопов пахнет пашней». Песня Теркина.

II. Наступление. Теркин в нескольких километрах от своей деревни. Но хоть иные до тысячи километров от своих сел и городов (на востоке), они ближе к ним.

III. Вновь — как год назад (вторым планом картины леса 41 г.).

IV. Теркин — «трус».

V. Теркин — командир.

Дело к осени. Впереди — опять зима, к ней готовят, как будто война уже десятки лет».

12 октября 1942 г., написав вступление ко 2-й части, поэт набрасывает более подробный план:

«План второй части»

1. Теркин сбивает из винтовки самолет, пикирующий над окопами боевого охранения. И, пожалуй, отводит с воинской части летчика, посадившего горящий самолет либо выпрыгнувшего с парашютом.

2. Генерал благодарит Теркина и предлагает ему объявленный приказом отпуск демой на 5 дней. Теркин: мало. Дом мой, говорит, хоть и недалеко здесь на Смо-

¹⁵ См.: «Другие редакции и варианты», стр. 303—305.

ленщине, но добраться туда (через фронт) неизвестно каким транспортом можно. Генерал, подумав, предлагает бойцу перебраться туда с определенным заданием по связи с партизанами («дедом», а то — парень, командир).

3. О Смоленщине. Лирическое отступление о родных местах, о прежней, довоенной жизни.

4. Молодость Теркина. Он в пути, он (или я за него) вспоминает своих друзей, любовь (как он ходил с приятелем к невесте приятеля и отбил ее).

5. Теркин — там. Встреча с матерью.

6. Отступление (песня устами бойца, убитого в первые дни войны).

7. Теркин, пойманный немцами. Все будет через немцев, их глазами, их понятием. Его порют — «Батька меня не так драл». Побег.

Таким образом, глава «Кто стрелял?», открывающая собою II часть, по первоначальному плану должна была называться «Весна» и начинаться словами (которые есть и в окончательном тексте): «От окопов пахнет пашней...» Она писалась в октябре и ноябре 1942 г. 29 ноября поэт выписал в тетрадь отходы этой главы (см. стр. 326-327).

В конце ноября 1942 г. поэт закончил третью главу («Генерал»). Общей темой II части книги определилась Смоленщина; заключительную, третью часть предполагалось посвятить наступлению наших войск.

28 декабря 1942 г., согласно записям рабочей тетради, возник замысел «Новогодней главы», перебивавшей повествование о Теркине за линией фронта.

В начале 1943 г. автор приводит в порядок написавшиеся главы второй части. Создается глава «Рассказ партизана». Она была напечатана в «Красноармейской правде» и в журнале «Красноармеец», но затем поэт от этой главы отказался, предполагая создать из нее балладу; главу «Генерал» предполагалось переделать так, что встречу с генералом Теркин видит только во сне — смешнее и причудливее, а зовут его, будя, к старшему сержанту. Это переработка, видимо, не была осуществлена, и потому в тексте возникли некоторые недоговоренности: от исключенной партизанской главы остался след в главе «Генерал», когда генерал, осенен-

ный какой-то мыслью, просит Теркина показать на карте его деревню, после чего Теркин получал индивидуальное задание — проникнуть в немецкий тыл для связи с партизанами, чем и объясняются объятия генерала с Теркиным в конце главы. Все эти детали были переосмыслены в ходе переработки текста.

Далее планировалась глава в виде лирического отступления — «День в лесу» (впоследствии вошло в главу «О себе»).

После главы «День в лесу» в «Красноармейской правде» помещена не включенная в окончательный текст глава «Рассказ партизана». Далее печатались главы: «О любви», «Неурочная глава», «Отдых Теркина», «Бой в болоте» (эта глава имела в «Красноармейце» другое начало); «В наступлении». В последней из названных глав герой получает тяжелое ранение. По первоначальному плану обстоятельства этого ранения предполагались иные: в главе рассказывался боевой эпизод, как Теркин пробирался ночью по грязной болотной канаве к нашему танку, засевшему в трясине, и был ранен.

«Неурочная глава» в творческих планах называлась также и «Новогодней», поскольку она «пришла в голову», по записям автора, 28 декабря 1942 г., и ожидание нового, 1943 года получило отражение в вариантах главы. Она потом отчасти сокращена, отчасти переработана в главу «Теркин — Теркин» и использована в концовке «От автора», заключавшей в ранней редакции вторую часть.

Значительные сокращения во второй части объясняются отказом автора сделать местом действия немецкие тылы на Смоленщине. Сам Твардовский подробно обосновал это изменение в статье «Как был написан «Василий Теркин»» как преодоление соблазна «сюжетности» (см. стр. 265); в рабочих записях поэта есть этому еще и такое объяснение: «От фронта отрываться нельзя. Пусть все смоленское только живет в нем неутихающей нотой. Да и натяжка есть в том, что боец получает задание и пр. Да и плохо я знаю, что там»¹⁶.

¹⁶ Архив А. Т. Твардовского.

Глава «Теркин пишет» в газетно-журнальной редакции шла ранее главы «Смерть и воин». Последующее ее перемещение упорядочивало логику событий: Теркин получал ранение в конце главы «В наступлении», затем — после событий, представленных главой «Смерть и воин», попадал в госпиталь, откуда и пишет.

Вторая часть в ранних редакциях поэмы (до 1946 г.) заканчивалась главой «От автора» («Близкий, дальний ли, знакомый...»), от которой впоследствии автор отказался, используя часть ее текста во вступительной главе ко второй части.

В середине марта 1943 г., после перебеления главы «Отдых Теркина» завершение книги автору представилось в следующем виде (воспроизводим рабочую запись плана):

Отдых Теркина.
Наступление.
Теркин — командир.
Теркин — «трус».
От автора (заключение).

Вместе с тем, представилась необходимой доделка глав «Генерал» и «День в лесу».

Новые поездки по фронту дали материал для очередных глав: начало главы «В наступлении» имеет соответствия в очерковых зарисовках именно этих дней¹⁷.

Глава «Наступление» закончена вчерне 23 апреля 1943 г. Тяжелое ранение Теркина в конце этой главы означало для автора завершение еще одного этапа «Книги про бойца» и возможность некоторой передышки, которую он использовал для дополнительной работы над уже напечатанной второй частью, чтобы поместить ее потом в журнале «Знамя» (1943, № 9—10). Этот новый план переработки II части отложился в рабочей тетради поэта в таком виде:

«Вторая часть

«Кто стрелял». — Остается, покамест, так, может быть совсем выпадет.

¹⁷ См. А. Твардовский. Родина и чужбина. М., 1960, стр. 57—59.

«Еще о награде» — может быть слить с «О награде» и найти место.

«Генерал. Не сон, все, как есть, но наконец генерал говорит, что, мол, домой придешь с дивизией. Это и сообщит общее направление сюжета.

«О себе». — Так и встанет вслед за генералом.

«Бой в болоте». — Нужна хоть черточка о том, что бой в направлении смоленских мест.

«Неурочная глава». — Переработать, впоследствии может быть перейдет в 3-ю часть, если таковая разовьется.

Отдых Теркина. — Наступление».

После дальнейшего обдумывания и реализации этого плана, 5 мая 1943 г. программа 2-й части выглядела так:

От автора.
Кто стрелял?
О герое.
Генерал.
О себе.
Бой в болоте.
О любви.
Отдых Теркина.
В наступлении,

то есть установилась та последовательность этих глав, которая закрепилась в «Знамени» и в окончательном тексте.

«Неурочную» (Новогоднюю) главу после сокращения поэт перенес в конец 2-й части и озаглавил ее: «Теркин — Теркин». В ней герой, возвратившись из госпиталя на фронт, среди незнакомых ему бойцов слышит свое имя и встречается с другим «Теркиным». По первоначальной записи плана, этих других «Теркиных» могло быть и несколько.

В ранних редакциях этой главы второй «Теркин» был наделен непривлекательными чертами:

Борода блестит сквозная,
Глазки хитрые. Из тех,
Что глядят, как будто зная
Что-то стыдное про всех.

-Ну, старик, не выйти нам
Из готовой дым.

Но старик встает, плывет
Потряхивая в руку,
За топор и -наперед,
Засловил старуху.

Гисель вернув свок,
Как тот мяг ни горек,
Порешил встречать в бок,
Держит свой топорик.

Вот шаг у враз - степ!
И на шубу глухо
Осипнется оноп,
Обмерла старуха.

Все же вроде как знава.
-Наше место свято,-
Слышит русские слова:
-Итали, ребята.

-Детки! Родненькие! Детки!
Громко топорил дед...

-И, отец, еще в разведке,
Тех встречай, что будут вслед.

~~На подбор орля-ребята
Дед...
Молодой-полюшко
Командир...
Круте...
Дед...
Дед...
Дед...~~

-Закурить? Круте, папаша...
Дед сидит, ветер лоб:

*Надпись под рукой / пера.
Погляди на, солнышко, дед!
У башки ребятишки в круте.
Дед улыбался над речкой.
На подбор орля-ребята,
Круте...
Круте...
Круте...
(Вроде бы так же когда-то)
Вспомнил свои слова.*

А. Твардовский. Василий Теркин
Машинопись главы «Дед и баба» с авторской
правкой (ГПБ, Ленинград)

О нем говорилось вроде: «Тот прикинулся Афоней...» и т. п. Такая характеристика плохо вязалась с проведенной в главе, да и во всей книге, идеей широчайшей распространенности и гипичности «Теркиных», следствием чего, по-видимому, и было изменение этих мест.

Во второй части предполагалась еще глава «Кто воюет на войне» («спор в поезде»). Она должна была помещаться до главы «Теркин — Теркин». От этой главы сохранились только наброски (см. стр. 357—359), в печати она не появилась. С повествованием о Теркине она связана слабо. В рабочих записях поэт относил ее к числу лирических — «философских» глав.

Тогда же к концу уже напечатанной главы «Кто стрелял?» Твардовский присочинил заключительную строфу, кончающуюся стихом: «Это был, понятно, он», — «чтобы эта концовка была трижды».

Автор, как видно, не был уверен, что за второй частью его книги «разовьется» третья, и после второй части в публикациях ставил «Конец», — полагая произведение на данном этапе законченным: Теркин вновь ранен, не пишет друзьям, что хочет и надеется вернуться в строй.

В 1943—1945 гг. вышло еще пять изданий «Василия Теркина» отдельными книгами, в которых поэма имела вид законченного произведения.

В 1943 г. книга вышла в издательстве «Советская Колыма» (Магадан)¹⁸. Она включала стихотворное вступление и десять глав бывшей первой части. Текст едва ли авторизован, потому что, например, глава «Поединок» помещена в первой редакции, измененной еще в 1942 г.

Книга, вышедшая в московском Издательстве художественной литературы¹⁹, включала главы первой и второй части, за исключением только что напечатанных в периодической прессе к моменту выхода книги глав

¹⁸ А. Твардовский. Василий Теркин. Книга про бойца. Магадан, «Советская Колыма», 1943, 88 стр. (Подп. к печати 1 июля 1943 г.)

¹⁹ А. Твардовский. Василий Теркин. Книга про бойца М., Гослитиздат, 1944, 128 стр. (Подп. к печати 27 июня 1944 г.)

«Смерть и воин» и «Теркин пишет». Текст этого издания по составу и разночтениям близок к тому, что печатался в журнале «Знамя» в 1942 и 1943 гг., и обнаруживает зависимость от этого текста.

Другое издание 1944 г. вышло в Воениздате²⁰ и включало избранные главы из книги.

Несколько позже вышло отдельное издание в Смоленске²¹. В нем по-прежнему не печаталась глава «Смерть и воин», но по сравнению с изданием Гослитиздата прибавилась глава «Теркин пишет». Текст следует в основном за журналом «Знамя» и изданием Гослитиздата, хотя есть несколько мелких, но самобытных чтений, заставляющих предполагать участие автора в этом издании.

Авторские объявления об окончании первой, а потом и второй части вызвали протестующие письма читателей, жаждавших продолжения «Теркина»: «Ваша поэма закончена, а война продолжается»²².

В феврале 1944 г. началась авторская работа над третьей частью поэмы.

15 марта «одним присестом» (по словам Твардовского) была набросана глава «Смерть и Теркин» (окончательное заглавие: «Смерть и воин»). Ею одно время предполагалось закончить произведение. Глава была напечатана в «Красноармейской правде», а затем — в «Знамени», но в отдельные книжные издания входила с 1946 г. Существенный интерес представляет расши-

²⁰ А. Твардовский. Василий Теркин. Книга про бойца. Избранные главы. («Библиотека красноармейца»). М., Воениздат 1944, 78 стр. (Подп. к печати 24 июня 1944 г.) Книга содержит главы: «От автора», «Переправа», «Гармонь», «Два солдата», «Кто стрелял?», «Отдых Теркина», «В наступленье», «Теркин — Теркин», «Дед и баба», «От автора» («По которой речке плыть...»).

²¹ А. Твардовский. Василий Теркин. Книга про бойца. Смоленское областное государственное издательство, 1944, 160 стр. (Подп. к печати 19 октября 1944 г.)

²² Письма фронтовиков о «Василии Теркине». — «Знамя», 1944, № 12, стр. 196. Этот первый обзор фронтовых писем, накопившихся к тому времени в архиве Твардовского, был сделан М. И. Твардовской.

ренная рукописная редакция²³, с выразительными деталями фронтового пейзажа, опущенными в окончательном тексте, например:

И горелый танк, похожий
В перевернутой броне
На жука, что встать не может,
Очутившись на спине...

Одновременно, в середине марта, шла работа над главой «Отчий край», печатавшейся в журнале «Красноармеец» (1944, № 7) под заглавием «Отчий дом». В последующей публикации «Красноармейской правды» (26 мая 1944 г.) эта глава соединилась со следующей и получила окончательное заглавие — «На Днестре». Автографическая редакция главы «На Днестре» шире печатного текста: в печати она была сокращена и из сокращенного текста вышло стихотворение «О Днестре» (1944). Совершенно особое, лирическое начало глава имела в журнале «Красноармеец» (см. в настоящем издании, стр. 378).

Первые главы III части поэмы появились в журнале «Красноармеец» в апреле и в мае 1944 г.

23 мая 1944 г. началось печатание третьей части в «Красноармейской правде». Редакция предварила ее специальной передовой статьей, не имеющей прецедента во всей фронтовой печати. Приводим здесь полный текст этой статьи:

«Василий Теркин»

4 сентября 1942 года, когда в «Красноармейской правде» была напечатана 1 глава поэмы Александра Твардовского «Василий Теркин», Советское Информбюро сообщило, что немцы рвутся к Сталинграду.

В тяжкий для Родины час появился Василий Теркин, труженик-солдат, с горячим сердцем, с народной сметкой и хитрецей, мастер на все руки и мечтатель, влюбленный в свою родную землю, святой и грешный русский чудо-человек.

²³ См. в наст. издании, стр. 349—357.

В его непреклонной вере в победу, неиссякаемом юморе и неистощимой бодрости отразился характер русского солдата, дух народа-воина, ведущего святой и правый бой ради жизни на земле.

Таким полюбили Теркина бойцы — читатели, такой Теркин живет в землянках, пылит по фронтовым дорогам с матушкой-пехотой, балагурит у походной кухни, греется у костров на привалах, мокнет под дождями, мерзнет в сугробах, зло и яростно бьет немцев и день ото дня учится бить их еще лучше.

Кто же он, наш друг, наш сослуживец, наш земляк смоленский, наш старый знакомец Василий Теркин? Где найти его? В какой роте он воюет? На какую полевою почту ему писать? Да и есть ли такой на самом деле?

Может быть, в Красной Армии и нет солдата по имени Василий Теркин. Но многие тысячи таких, как он, русских солдат, носящих другие имена, живут и воюют. Их характерные черты собрал в образ своего героя автор поэмы «Василий Теркин», лауреат Сталинской премии поэт Александр Твардовский

Василий Теркин — литературный герой. Его создал поэт. Но такова сила настоящего искусства слова, что он стал для нас, для всех читателей живым и подлинным человеком, у которого учатся, слова которого повторяют, которому хотят подражать. Герой поэмы вошел в наш боевой быт, как постоянный спутник, как умелый друг и советчик.

Сегодня мы начинаем печатать третью часть поэмы. Читатель вновь встречается со своим любимым героем. Вместе с читателем прошел Теркин большой и многотрудный путь войны. Он пережил горечь отступления, он сумел выстоять в самые трудные дни, он накапливал в боях мастерство, и настал день, когда он пошел на Запад. Теркин первым входил в деревни родной освобожденной Смоленщины, из которых когда-то он уходил последним.

Третья часть поэмы рассказывает о новом этапе войны, когда завершается освобождение родной земли, когда

...от Подмосковья
И от Волжского верховья —
До Днепра и Заднепровья

Вдаль на Запад сторона —
Прежде отданная с кровью,
Кровью вновь возвращена.

Вместе со всей армией вырос Василий Теркин, вместе со всей армией стремится он на Запад, ощущая дыхание близкой победы. Вместе со своим читателем-воином он будет праздновать эту победу.

III часть начиналась главой «От автора» («По которой речке плыть...»), смысл которой состоит в том, что герой — Теркин, след которого затерялся после опубликования второй части, теперь находится: «Объявился старый друг».

Широчайшая популярность Теркина послужила таким образом стимулом для продолжения книги.

Между второй и третьей частями произошло соединение двух глав «От автора», из которых одна заключала вторую часть (и, как полагал в 1943 г. автор, — все произведение), а другая открывала часть третью. Первая из них поэтому и была отменена с использованием части текста в других главах.

Искрометная, сверкающая блеском и остроумием, мудрая заключительная глава «От автора» («Светит месяц, ночь ясна...»), как это видно из самого ее содержания, писалась уже после окончания войны²⁴ и отражала всеобщий подъем и беспримерный духовный взлет этого великого времени. Первая ее публикация состоялась в «Литературной газете» (№ 27, 23 июня 1945 г.), где она была напечатана как «заклучительная глава поэмы», и через неделю, 30 июня, — в газете «Красноармейская правда».

В год окончания войны вышло только одно издание книги — в Чкалове²⁵, да и то подписывалось к печати в апреле 1944 г. и включало в себя главы двух первых

²⁴ По воспоминаниям О. Г. Верейского, она писалась или, во всяком случае, была начата «в памятную ночь с 9 на 10 мая 1945 года» («Нева», 1972, № 12, стр. 198).

²⁵ А. Твардовский. Василий Теркин Книга про бойца. ОГИЗ, Чкаловское издательство, 1945, 168 стр. (Подп. к печати 15 апреля 1944 г.)

частей поэмы, так что ко времени присуждения премии не существовало еще ни одного полного издания «Василия Теркина».

Но в 1946 г., после присуждения А. Т. Твардовскому за поэму «Василий Теркин» Сталинской премии первой степени, в Москве одно за другим вышло три издания этого произведения.

Первым появилось издание «Советского писателя»²⁶, которое таким образом и стало первым полным изданием всей поэмы в ее окончательном составе. Здесь впервые самим автором была отменена разбивка книги на части, но заголовки «От автора» в тексте и в оглавлении набирались курсивом, как бы отграничивая одну часть от другой (чего позднее не делали). Глава «От автора» («Близкий, дальний ли, знакомый...»), заключавшая прежде вторую часть, здесь опущена. Отменена и нумерация глав, применявшаяся в газетной публикации и в журналах, а также в первых отдельных изданиях. Дата под текстом: «1940—1945».

В книге Военного издательства²⁷ различий с окончательным текстом оказывается значительно больше, чем в прочих изданиях 1946 г. Вновь соблюдается членение на части, хотя глава «От автора» в конце II части отсутствует. По сообщению М. И. Твардовской, это случилось нечаянно — потому, что автор дал указание издательству об устранении разбивки на части с некоторым запозданием, когда корректура книги, печатавшейся на этот раз в Лейпциге с иллюстрациями художника О. Г. Верейского, была уже отправлена в типографию. Просьба автора о снятии разбивки на части была издательством принята во внимание, но практически осуществить это уже не представилось возможным.

Членение книги на части с этого времени, то исчезая, то возникая вновь — держалось в отдельных изданиях до 50-х годов, — в зависимости от того, к какому из

²⁶ А. Твардовский. Василий Теркин. Книга про бойца. М., «Советский писатель», 1946, 220 стр. (Подп. к печ. 15.IV.1946).

²⁷ А. Твардовский. Василий Теркин. Книга про бойца. М., Воениздат, 1946, 239 стр. (Подп. к печ. 24.V.1946).

данию 1946 г. восходило данное издание. Во всяком случае, членение произведения на части в издании 1949 г.²⁸ и в некоторых последующих не соответствует авторскому волеизъявлению и может служить признаком неавторизованности или недостаточного авторского контроля за текстом этих изданий.

Издание «Роман-газеты»²⁹ ближе к окончательному тексту, чем два предшествующих, но отличается небрежностью подготовки, грубыми опечатками, пропусками текста. Эти небрежности объясняются большой поспешностью этого издания, шедшего «молнией». На беду, по-видимому, именно это издание, благодаря своей дешевизне, было расклеено при подготовке следующих изданий и оказалось, таким образом, на основной линии генеалогии изданий и текстов, вследствие чего, возможно, тексту «Василия Теркина» был нанесен известный ущерб.

В дальнейшем отдельные издания «Василия Теркина» (не считая издания в составе сборников и собраний сочинений) выходили: в издательстве «Художественная литература» — в 1947, 1949, 1952, 1969 гг., в издательстве «Советский писатель» — в 1953 и 1970 гг., в Военном издательстве — в 1950 и 1952 гг., в московском Детгизе — в 1948, 1954 и 1967 гг., в Лениздате (1953), Калининe (1947), Ивановe (1951) и др. Однако сколько-нибудь существенных перемен в тексте в этих изданиях уже не производилось.

Для издания 1971 г. в «Библиотеке всемирной литературы» текст поэмы был вновь просмотрен автором. Это было последнее обращение А. Твардовского к тексту «Василия Теркина», причем у автора перед глазами был, как видно, при этом какой-то ранний текст «Книги про бойца», — газета «Красноармейская правда» или рукопись, — потому что во многих случаях, по сравнению с изданием 1970 г., текст возвращен к ранним вариантам. Однако слишком больших и су-

²⁸ А. Твардовский. Василий Теркин. Книга про бойца. Гос. изд-во художественной литературы. М.—Л., 1949, 247 стр.

²⁹ А. Твардовский. Василий Теркин. Книга про бойца. («Роман-газета», № 4). М., Гос. изд-во художественной литературы, 1946, 56 стр.

пещественных разночтений с предшествующими изданиями (после 1946 г.) и этот текст не содержит.

В целом же за 29 лет прижизненных публикаций текст «Василия Теркина» претерпел многие изменения, а может быть и утраты, о которых трудно теперь судить, строя только догадки относительно мотивов и причин тех или иных изменений. Тем более что ни о каком почти вариантном тексте «Василия Теркина» невозможно сказать, что он забракован автором по своей художественно-эстетической неполноценности. Все это — выразительные, содержательные, превосходные стихи, обладающие всеми качествами стиха Твардовского. Чтение отброшенных редакций и вариантов доставляет такое же наслаждение, как и восприятие основного текста.

Прежде всего, автор отказался от включения в окончательный текст тех глав, в которых речь идет о пребывании Теркина по заданию генерала за линией фронта и у смоленских партизан («Рассказ партизана» и др.). Это самоограничение убедительно мотивировано самим автором в его «Ответе читателям» как преодоление «соблазна сюжетности», которая сводит книгу к какой-то частной истории, мельчит ее и лишает той фронтовой «всеобщности», которая в книге уже намечалась, отражая типичность героя и нарицательность его имени.

Ради той же «всеобщности» и устранения частных сокращена была, думается, и глава «Поединок», в которой Иван Савчук (первоначальной редакции) оказался единственным персонажем произведения (кроме Теркина), наделенным собственным именем и детальной характеристикой. К тому же эта характеристика противоречит характеру Отечественной войны и образу основного героя, духу и смыслу всей поэмы Твардовского.

Ряд изменений связан с отказом Твардовского от первоначального намерения вывести Теркина в офицеры, сделать его «лейтенантом». Это плохо вышло с основной мыслью «Книги про бойца», выводящей представителя самого широкого контингента «тружеников войны». Мысль вернуть Теркина в солдатскую массу возникла, по-видимому, вскоре после опубли-

кования в газете соответствующих глав, и в журнале «Знамя» (1945, № 8) в главе «Дед и баба» вместо слова «командир», относящегося к Теркину, последовательно ставилось: «старшой», «молодец», в главе «На Днепре» вместо: «Вывел взвод» — «И вступил», и т. п.

Среди наиболее заметных перемен текста следует отметить три строфы, исчезнувшие при подготовке небрежного, как уже говорилось, издания «Роман-газеты» (1946) из главы «На Днепре»:

И еще не настоящим
Берег чудится родной.
Чем-то странным и щемящим,
Новизной и стариной.

— Тут бы, братцы... Тут бы знамя
Развернуть. Гляди весь мир:
Наступаем. Днепр за нами!
А, товарищ командир?..

— Погоди, маленько рано,—
Не сказал, подумал тот,—
Знамя сзади под охраной
В полковых тылах идет.

Выпавший текст заключался между строчками, единообразно начинающимися со слов: «И еще...», и таким образом легко мог быть пропущен случайно при перепечатке или наборе. Пропущенные строфы принадлежат к самым ярким, кульминационным и психологически убедительным местам поэмы, и в результате их выпадения недостаточно осмысленной стала следующая строфа, содержащая размышление взводного по поводу сделанного ему предложения развернуть знамя:

И еще в разгаре боя,
Нынче, может быть, вот-вот,
Вместе с берегом, с землею
Будет в воду сброшен взвод.

Можно предположить, что исчезновение этих строф, где употреблено слово «командир», связано с отказом Твардовского от намерения выводить Теркина в офицеры. В связи с этим, действительно, автор вносил в

текст некоторые изменения (см. выше). Но все эти изменения были сделаны уже при печатании соответствующих глав в журнале «Знамя» (1945, № 8) и закрепились в двух изданиях 1946 г. — издательства «Советский писатель» (одно из самых авторитетных по тексту изданий «Теркина») и Воениздата. Во всех этих изданиях упомянутые три строфы оставались нетронутыми. Кроме того, первая из исчезнувших трех строф не имеет отношения к теме Теркина-командира. К тому же, изъятие этих трех строф не спасало положение, потому что несколько ниже в той же главе остаются даже слова «товарищ лейтенант», и они определенно относятся к Теркину (см. далее: «Теркин строго говорит...»). Теркин здесь назван также и «взводным», да и по всему смыслу дальнейшего текста видно, что он — командир. Вышеупомянутые авторские поправки достигли своей цели не вполне: некоторые читатели и критики и в окончательном тексте воспринимали Теркина как произведенного в офицеры. Так, А. Тарасенков писал: «Главный герой поэмы — солдат, а впоследствии офицер Красной Армии, Василий Теркин...»³⁰

Существующая в этом смысле неясность и недоработка отчасти объясняются нелюбовью Твардовского к переделкам произведений, уже написанных. Ему проще

³⁰ Ан. Тарасенков. Идеи и образы советской литературы. М., «Советский писатель», 1949, стр. 179. Ср. его же: «Не случайно, а вполне закономерно, по всей логике развития человеческого характера, Василий Теркин на протяжении войны из рядового бойца становится офицером. Об этом автор поминает как бы вскользь в новых главах поэмы, опубликованных в журнале «Красноармеец». Но это черта существеннейшая, без которой Теркина нельзя до конца понять» («Звезда», 1945, № 5—6, стр. 148).

Возможно, эта констатация и побудила Твардовского в № 8 «Знамени» за 1945 год произвести в тексте указанные изменения.

И. А. Мохирев тоже считает, что Теркину после проявленной им инициативы в бою «впоследствии присваивают офицерское звание» («Ученые записки Кировского гос. педагогич. института им. В. И. Ленина», вып. 11. 1957, стр. 77).

и легче было сокращать текст, чем заниматься само-редактированием и дописыванием. По наблюдениям М. И. Твардовской, его исправления часто бывали хуже изначального текста: волюнтаризм порыва, иногда отсутствие нужного для раздумья времени и спокойствия, жесткие сроки вычитки корректур, утрата той «волновой энергии», вдохновения, которые наполняют творца во время большой работы над большой вещью,— всё это приводило к тому, что позднейшие поправки нередко оказывались слабее исконной ткани произведения.

В том же издании «Роман-газеты» исчезли еще две строфы из главы «Гармонь» (после стиха 97); первоначальный текст:

Что-то медленно по слуху
Подбирал, как будто лень,
На гармонь склонившись ухом,
Шапку сдвинув набекрень.

В изданиях «Советский писатель» и Воениздат (1946) вслед за этим была поставлена еще одна строфа:

Позабывтый, деревенский
Вдруг завел, глаза закрыв,
Стороны родной смоленской
Грустный памятный мотив.

В издании «Роман-газеты» обе эти строфы исчезли. Впоследствии получилось так, что печаталась только одна вторая строфа (за исключением некоторых изданий, не влиявших на дальнейшую трансформацию текста, как, например, Гослитиздата 1949 г., Воениздата 1950 г., Детгиза 1954 г., где восстанавливались обе строфы).

Менее существенные утраты, например, выпадение отдельных стихов, возможно, имели место при публикации произведения в журнале «Знамя». Например, в главе «Генерал» после стиха 13 стояло: «Где-то огненным забором»,— исчезнувшее в публикации «Знамени». Случайный характер этого пропуска можно подозревать, в частности, потому, что стих в строфе был дополнительным, пятым, так что выпадение его не нарушало строфы, а также и потому, что в «Знамени»

по небрежности были пропущены и другие строки и допущены разные опечатки.

В целом ряде мест (в главах: «Перед боем», «О войне», «Поединок», «О любви», «В бане» и др.), судя по вариантам, можно подозревать редактуру. Особенно интенсивно она велась, по-видимому, при публикации текста в журналах «Красноармеец» и «Знамя», в изданиях 1942, 1944 и 1946 гг. Изымались или заменялись другими стихи, вроде (в журнале «Красноармеец»):

Мимо их висков вихрастых,
Возле их мальчишьях глаз
Смерть в бою свистела часто
И минет ли в этот раз?

Или (в изданиях 1942—1946 гг.):

Спи, солдат. При жизни краткой
Ни в дороге, ни в дому
Не пришлось поспать порядком
Ни с женой, ни одному.

Или:

На войне, отец, бывает,
Попадает по своим.

Или на «нравственную» тему:

Смех — не смех, случалось мне
С женами встречаться,
От которых на войне
Только и спасаться.

(в журнале «Красноармеец»);

Только в бане у него,
Доблестного мужа,
Что касается чего —
Все статьи наружу.

(в журнале «Знамя»), и т. п. Многие подобные изъятия были потом восстановлены автором, хотя значительная их часть и осталась теперь за пределами основного текста.

В настоящем издании текст «Василия Теркина» печатается по последнему прижизненному авторизован-

ному изданию — в книге: А. Твардовский. Стихотворения. Поэмы («Библиотека всемирной литературы»). М., «Художественная литература», 1971. Издание это подписано к печати в год смерти поэта — 22 января 1971 г.

В принятый за основу текст 1971 г. при подготовке настоящего издания внесены следующие исправления:

В главе «О награде»:

ст. 40: — Да случилось иногда. (вместо: — Да, случилось иногда.) — по 1944, 1944 С.

В главе «От автора» («По которой речке плыть...»):

ст. 51: «Мне — копец, войне — конец»; (вместо: «Мне — конец, войне — конец») — по К, 1946 СП, 1970.

В главе «Дед и баба»:

ст. 72: Дай еще! Добавь! Прогрей! (вместо: Дай еще! Добавь! Погрей!) — по КП, К, 1946 СП, 1970;

ст. 140: — Жители, ребята!.. (вместо: — Жители, ребята?..) — по КП, К, 1946 СП, где бессмысленная в данном контексте вопросительная интонация не предусматривалась.

По тому же изданию 1971 г. печатается статья А. Твардовского «Как был написан «Василий Теркин». (Ответ читателям)».

Из 5-го тома Собрания сочинений А. Твардовского извлечен отрывок «С Карельского перешейка»³¹ — запись Твардовского, датированная 20 апреля 1940 г., важная для характеристики творческой истории «Василия Теркина» и существенно дополняющая в этом отношении статью Твардовского «Как был написан «Василий Теркин»»: при работе над нею, как писал сам автор, он «почему-то не добрался» до этой записи. Впервые этот текст опубликован в журнале «Новый мир» (1969, № 2, стр. 134—135).

В разделе «Другие редакции и варианты» представлена сводка вариантов по всем источникам, печатным

³¹ А. Твардовский. С Карельского перешейка. (Из фронтальной тетради.) — А. Т. Твардовский. Собрание сочинений, т. 5. М., «Художественная литература», 1971, стр. 428—431.

и рукописным, в порядке следования глав основного текста. В сводку включены наиболее значительные варианты, и только тех авторизованных публикаций, которые вышли до стабилизации текста в 1946 г. После этого учитывается только издание 1970 г. (издательства «Советский писатель»), выходящее к шестидесятилетию автора, заново им просмотренное и содержащее некоторые разночтения. Издания, выходявшие между 1946 и 1970 гг., не имеют существенных переработок текста, а нередко осуществлялись на основе текстов, переработанных уже к тому времени самим автором.

Исключенные из окончательного текста главы («Рассказ партизана» и др.) печатаются на тех местах, где в свое время предполагалось их помещение. Так же размещаются и рукописные наброски, не включавшиеся в текст и известные только по записи в рабочей тетради. Это:

1) «предпоследняя» (по определению самого Твардовского) глава о встрече Теркина на железнодорожном разъезде с приглянувшейся ему девушкой;

2) стихотворное изложение письма Теркина, очевидно, к этой девушке;

3) наброски главы «Кто воюет на войне».

В разделе «Дополнения» печатается статья А. Твардовского «Как был написан «Василий Теркин». (Ответ читателям)». Эта статья сростается с самой поэмой, становится ее необходимым спутником. Статья создана Твардовским в 1951 г. (первая публикация — «Новый мир», 1951, № 11, стр. 204—228) — в ответ на пожелания многих читателей «продолжать» стихотворное повествование о Василии Теркине уже в мирных условиях.

Уже в главке «От автора», заканчивавшей когда-то вторую часть поэмы, заключался «уклончивый» ответ Твардовского на подобные требования читателей и в сущности содержалась основная мысль созданной позднее статьи.

Интересно отметить, что Пушкину тоже некоторые читатели советовали «дописать» «Евгения Онегина», и он отвечал на это стихами, черновые наброски которых (1835) сохранились:

Вы за «Онегина» советуете, други,
Опять приняться мне в осенние досуги.
Вы говорите мне: он жив и не женат.
Итак, еще роман не кончен — это клад:
Вставляй в просторную, вместительную раму
Картины новые...³²

А. Т. Твардовский ответил своим читателям в этом же духе, с замечательным пониманием существа, природы, общественной функции и задач искусства.

Помещенные в настоящем издании редакции и варианты «Василия Теркина», не вошедшие в окончательный текст, никогда не бывшие в печати или извлеченные из практически уже недоступных фронтовых газет и журналов 1942—1945 гг., — могут в известной мере удовлетворить тех читателей, которые испытывают потребность новых встреч с Василием Теркиным в разных боевых и жизненных ситуациях.

Редакционная коллегия серии «Литературные памятники», подготовитель и редактор издания выражают глубокую признательность Марии Илларионовне, Ольге Александровне и Валентине Александровне Твардовским за предоставленную возможность пользоваться материалами архива А. Т. Твардовского и необходимые консультации.

Полезные замечания и советы были получены также от А. Г. Дементьева, внимательно прорецензировавшего подготовленную рукопись.

³² Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 3, кн. 1. Л., Изд-во АН СССР, 1948, стр. 396.

ПРИМЕЧАНИЯ

На привале

- ⁴⁴ *Сабантуй*. — Это словечко, распространившееся во время войны, А. Т. Твардовский и С. И. Вашенцев вывезли из поездки на Юго-Западный фронт, под Полтаву, осенью 1941 г. («Новый мир», 1969, № 2, стр. 140). См. также в статье Твардовского «Как был написан «Василий Теркин»» (стр. 253—254 наст. изд.).
- ¹⁸³ *На Карельском воевал...* — То есть, на Карельском перешейке, во время советско-финляндской войны 1939—1940 гг., где в жесточайших зимних условиях наши войска преодолели сильно укрепленную полосу так называемой «линии Маннергейма».

Гармонь

- ¹²⁰⁻¹²¹ ...повел о трех танкистах, || *Трех товарищах рассказ*. — Популярная песня «Три танкиста» из кинофильма «Трактористы», музыка Дан. и Дм. Покрасс на слова Б. Ласкина (1937).

О потере

- ¹¹⁷⁻¹¹⁸ *Сколько лет живем на свете?* — || *Двадцать пять...* — В 1942 г., когда писалась эта глава, отмечалось 25-летие Советского государства и Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г.
- ¹⁴⁹⁻¹⁵⁰ *Сколько лет живем на свете? || Тыщу?.. Больше!* — Тысячелетие России официально отмечалось в 1862 г., когда по этому случаю в Новгороде был установлен специальный памятник. Отсчет ведется от 862 года, когда, по данным летописи, Рюрик был приглашен править в Новгороде.

Поединок

- ⁹³⁻⁹⁶ *Как на древнем поле боя ∞ Словно схватка все решит.*— По старинному обычаю, битву начинали на виду у обоих лагерей личным единоборством представители того и другого войска. Так, Куликовская битва между русскими и войском хана Мамай (1380) началась поединком Пересвета, инока Троице-Сергиевой лавры, с татарским богатырем Челебеем.

Генерал

- ¹¹⁰ *Калинин*, Михаил Иванович (1875—1946)— широко популярный в народе «всесоюзный староста» — Председатель ВЦИК (с 1919 г.), с 1938 г.— Президиума Верховного Совета СССР.

Бой в болоте

- ¹⁷⁸⁻¹⁷⁹ *...поют ∞ «Москва моя».*— Из песни «Москва майская», музыка Дан. и Дм. Покрасс на слова В. Лебедева-Кумача (1937).

От автора

- ¹⁻² *По которой речке плыть, — || Той и славушку творить.*— Русская пословица.— «По которой реке плыть, та и слава петь» («Русские народные пословицы и притчи», изданные М. Снегиревым. М., 1848, стр. 329).
- ⁴⁶ *...без аттестата...* — Продовольственный аттестат — документ, удостоверяющий право военнослужащего на пищевое довольствие. Аттестат выдавался при переводе военнослужащего или откомандировании его в другую часть.

На Днепре

- ¹ *Угра* — Левый приток р. Оки, берет начало возле Ельни, в Смоленской области.
- ²⁷⁻²⁸ *Здравствуй, Ельня, здравствуй, Глинка, || Здравствуй, речка Лучеса...* — Здесь А. Твардовский называет свои родные места: Ельня — город и железнодорожная станция к востоку от Смоленска. Родина Твардовского, д. Загорье, находилась в б. Ельнинском уезде. В с. Новоспасском, теперешнего Ельнинского района Смоленской области в 1804 г. родился великий русский композитор М. И. Глинка. Река Лучеса — бассейна Западной Двины, приток р. Оболь.
- ⁶⁰ *Шла дивизия вперед.* — Скрытая цитата из популярной песни «По долинам и по взгорьям...», музыка И. Атурова в обработке А. Александрова на слова, записанные участником гражданской войны П. Парфеновым (1922).

Про солдата-сироту

- ⁴ *Клин* — город в Московской области, в 89 километрах северо-западнее Москвы. Впервые упоминается в летописи под 1234 г. 23 ноября 1941 г. был оккупирован немецко-фашистскими войсками, которые были выбиты оттуда Красной Армией 15 декабря 1941 г.
- ¹⁵⁰⁻¹⁵¹ *«Белоруссия родная, || Украина золотая...»* — Строевая красноармейская песня о походе в Западную Украину и Западную Белоруссию в сентябре 1939 г., музыка П. Акуленко на слова В. Луговского и Е. Долматовского (1939).

В бане

- ⁸⁴ *Помпохов* — помощник командира по хозяйственной части.
- ¹⁴⁷⁻¹⁴⁸ *И пошли стволы, колеса || На другой конец войны.* — В апреле 1945 г., когда печаталась эта глава, уже началась переброска войск на Дальний

Восток, где 9 августа того же года начался разгром японской так называемой Квантунской армии, которым и завершилась вторая мировая война.

От автора

- ¹⁻² «Светит месяц, ночь ясна, || Чарка выпита до дна...» — Стихи А. С. Пушкина — из «Похоронной песни» (цикл «Песни западных славян», 1834).

ДОПОЛНЕНИЯ

Как был написан «Василий Теркин»

(Ответ читателям)

Печатается по: А. Твардовский. Стихотворения. Поэмы. М., издательство «Художественная литература», 1971, стр. 630—667.

Впервые напечатано: «Новый мир», 1951, № 11, стр. 204—228; отдельным изданием: А. Твардовский. Как был написан «Василий Теркин» (Ответ читателям). М., издательство «Советский писатель», 1952, 43 стр.

Для Собрания сочинений (т. II. М., 1966, стр. 355—412) Твардовский пересмотрел текст статьи, внося в нее небольшие изменения, ввел несколько подстрочных пояснений, касающихся появившихся с 1952 года новых материалов, в частности, напечатанной в 1963 г. новой поэмы — «Теркин на том свете», и дописал несколько страниц о новых «продолжениях» «Теркина» и о нью-йоркской фальсификации С. Юрасова.

В настоящем издании текст 1971 г. сверен с первыми публикациями и устранены явные опечатки, например, на стр. 242: «... появившиеся затем в «Знании»...» (правильное чтение: «... в «Знамени»).

¹ Шофёр Володя Артюх, кузнец-артиллерист Григорий Пулькин, танковый командир Василий Архипов, летчик Михаил Трусов, боец береговой пехоты

- Александр Посконкин, военврач Марк Рабинович... — Эти герои войны 1939—1940 гг. описаны А. Твардовским в его очерках «С Карельского перешейка» («Новый мир», 1969, № 2, стр. 116—160. См. также: Собрание сочинений, т. 5. М., 1971, стр. 387—484).
- ² ...появившиеся затем в «Знамени» воспоминания генерал-майора Героя Советского Союза В. Кашубы. — Генерал-майор В. Н. Кашуба во время финской кампании был командиром танковой части. Его воспоминания напечатаны в № 6 журнала «Знамя» за 1941 г.
- ³ ...из некоего бессловесного «гула», о котором говорит, например, В. Маяковский... — В статье «Как делать стихи?» (1926). (См.: В. В. Маяковский. Полное собрание сочинений, т. 12. М., Гослитиздат, 1959, стр. 100—102.)
- ⁴ «Бои в Финляндии...» Двухтомное издание: Бои в Финляндии. Воспоминания участников. М., Воениздат, 1941. В собирании и литературной обработке материалов для этого издания принимали участие сатели и журналисты: И. Авраменко, В. Беляев, Р. Бершадский и др. А. Твардовский поместил здесь свой очерк «Экипаж героев» — об экипаже танка Д. Диденко (т. II, стр. 425—429).
- ⁵ ...толстую тетрадь в черном клеенчатом переплете... — Эта тетрадь — в архиве А. Т. Твардовского (см. стр. 489 настоящего издания).
- ⁶ Орлов, Дмитрий Николаевич (1892—1955), народный артист РСФСР, выступавший как чтец, в частности, «Василия Теркина».

Другие редакции и варианты

В разделе «Другие редакции и варианты» представлена единая сводка редакций и вариантов к главам в порядке их следования в окончательном тексте «Василия Теркина» — по всем источникам, рукописным и печатным. Рукописные редакции при этом неизбежно перемежаются, как правило, с более дробными вариантами печатного текста, что, конечно, затрудняет чтение, но имеет и свои удобства: все разночтения данной главы размещаются в одном месте, а не рассредоточены в два параллельных ряда.

Стихи основного текста нумерованы по главам. Проставленные перед вариантами числа означают номер стиха в пределах данной главы. Двойное число, соединенное посредством тире, означает несколько смежных стихов текста, которым соответствует данный вариант; по числу стихов вариант может быть меньше или больше того текста, которому он соответствует.

В некоторых случаях при транскрибировании рукописных редакций вводятся зачеркнутые автором чтения, если они представляют интерес и не повторены в другом месте текста. В этом случае зачеркивание обозначается заключением текста в прямые скобки: [].

¹ ...*роща Молоток* — Условное название рощи возле станции Кямьяря, на Карельском перешейке, имевшей на карте форму молотка. Под этим названием роща вошла в историю боев и упоминается в кн. «Бои в Финляндии» (т. I, стр. 257, т. II, стр. 89 и др.) и в записках А. Т. Твардовского времени финской войны 1939—1940 гг. — «С Карельского перешейка» («Новый мир», 1969, № 2, стр. 153).

² *Сычёвка* — город и железнодорожная станция в Смоленской области, южнее Ржева.

³ ...*прочтут*: «*Река Лучеса*, || *А река-то Лучеса*». — Твардовский писал в очерке «В родных местах» (1946): «И уже совсем странно мне было слышать привычные с детства названия искаженными перестановкой ударений. Я не вдруг уверился, что во всем этом ничего нарочито неуважительного или обидного не было. Просто — война» (А. Твардовский. Родина и чужбина. Записи. Очерки. Рассказы. М., «Советский писатель», 1960, стр. 222).

⁴ *Варшавка* — Варшавское шоссе.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- А. Т. Твардовский. *Портрет работы художника О. Г. Верейского (1943) (вклейка)* 4—5
- А. Т. Твардовский на Западном фронте. *Фото Е. Халдея* 433
- Бойцы на передовых позициях читают «Василия Теркина». *Фотография 1943 г. (Музей Революции СССР, Москва)* 469
- А. Твардовский. Василий Теркин. *Автограф главы «От автора» (ГПБ, Ленинград)* 493
- А. Твардовский. Василий Теркин. *Машинопись главы «Дед и баба» с авторской правкой (ГПБ, Ленинград)* 503

СОДЕРЖАНИЕ

	Текст	Вари- анты	Приме- чания
ВАСИЛИЙ ТЕРКИН. КНИГА ПРО БОЙЦА			
От автора	5	292	
На привале	8	293	519
Перед боем	17	299	
Переправа	26	302	
О войне	35	303	
Теркин ранен	38	307	
О награде	49	308	
Гармонь	53	—	519
Два солдата	62	—	
О потере	70	309	—
Поединок	77	311	520
От автора	85	322	
«Кто стрелял?»	90	326	
О герое	97	327	
Генерал	101	328	520
О себе	111	329	
Бой в 'болоте	117	341	—
О любви	128	343	
Отдых Теркина	135	344	
В наступлении	143	345	
Смерть и воин	151	349	
Теркин пишет	160	357	
Теркин — Теркин	164	359	

	Текст	Варианты	Примечания
От автора	172	366	
Дед и баба	178	367	
На Днепре	188	371	521
Про солдата-сироту	197	389	521
По дороге на Берлин	205	390	
В бане	212	—	—
От автора	222	—	522

ДОПОЛНЕНИЯ

<i>А. Твардовский.</i> Как был написан «Василий Теркин». (Ответ читателям.)	229	522	
<i>А. Твардовский.</i> С Карельского перешейка (Из фронтовой тетради)	284		
Другие редакции и варианты	287	523	
Принятые сокращения	289		

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>А. М. Самсонов.</i> Народный подвиг и его увековечение	395		
<i>А. Л. Гришунин.</i> «Василий Теркин» <i>А. Твардовского</i>	406		
<i>А. Л. Гришунин.</i> Источники и движение текста. Принципы издания	489		
Примечания (<i>составил А. Л. Гришунин</i>)	519		
Список иллюстраций	525		

Александр Трифонович Твардовский

ВАСИЛИЙ ТЕРКИН

*Утверждено к печати редколлегией
серии «Литературные памятники»*

Редактор издательства *О. К. Логинова*

Художник *В. И. Астафьев*

Художественный редактор *Т. П. Поленова*

Технический редактор *О. М. Гуськова*

Корректоры *Л. С. Агапова, М. В. Борткова*

Сдано в набор 27/VI 1975 г. Подписано к печати 26/XI 1975 г.

Формат 70×90¹/₃₂. Усл. печ. л. 19,4. Уч.-изд. л. 22,3.

Бумага № 1. Тип. зак. № 2605. Т-19629.

Тираж 100 000 экз. 1-й завод (1—50 000).

Цена 1 руб. 53 коп.

Издательство «Наука»

103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
124	13 сн.	Услыха	Услыхал
214	6 св.	ве	вех
300	5 сн.	дет	дети,
378	6 сн.	А)	А) К
432	10 сн.	себя	тебя
445	1 св.	не этом	на этом
525	3 св.	4—5	32—33

А. Твардовский. Василий Теркин